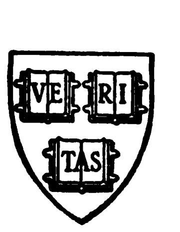
VE RI
TAS

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ X.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1827.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Десятой части.

ТАССОВЫ БДѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО ПОДЛИННИКА.

ТАССОВЫ БДѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО ПОДЛИННИКА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Италіянскаго издателя Г. Компаніони, при первомъ изданіи въ Парижѣ.

Слава творца *Освобожденнаго Іерусалима* не позволяетъ сомнѣваться, чтобъ рукописное сего стихотворца сочиненіе не было принято съ такимъ благопріятствомъ, о какомъ имя *Тассово* удостовѣряетъ.

Сіе издаваемое нынѣ сочиненіе найдено въ *Феррарѣ*, 1794 году, въ развалинахъ одного древняго зданія. Подлинность его не подвержена никакому сомнѣнію. Докторъ *Ангелли* сличалъ оное съ другими *Тассовыми* рукописаніями, находящимися въ *Бароттіевской* книгохранительницѣ. Великаго труда стоило разобрать содержаніе онаго; письмо было не чотко, и буквы отъ времени такъ извѣтшали, что во многихъ мѣстахъ чуть примѣтны были нѣкоторыя черты. Не иначе какъ съ помощію Доктора *Ангелли*, весьма искуснаго въ древнихъ писаніяхъ, и удостоивающаго меня своею дружбою, довелъ я ру-

копись сію до такого состоянія, что могъ оную прочитать, списать и напечатать.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что сіе писаніе, содержащее въ себѣ не иное что, какъ выраженіе пылкой, отъ самаго начала своего воспрепятствованной любви, сочинено было, когда Герцогъ *Феррарскій* осудилъ *Тасса* на безсрочное заточеніе, послѣ страннаго поединка его съ однимъ изъ своихъ друзей, которому открылся онъ въ страсти своей къ Княжнѣ *Елеонорѣ*, сестрѣ Герцоговой *), и которой по нескромности своей расказалъ о сей тайнѣ.

Въ книгохранилищахъ Италіянскихъ, а особливо въ *Моденской*, находятся многія сего стихотворца рукописи, которымъ Аббатъ *Серасси* въ сочиненной имъ *Жизни Тассовой* прилагаетъ списокъ. Въ семъ спискѣ о сей издаваемой нынѣ рукописи ничего не упоминается.

---

*) Тассъ во многихъ мѣстахъ Бдѣній своихъ называетъ ее *догерью* его. Примѣч. Переводчика.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Италіянскаго издателя Г. Компаніони, при второмъ изданіи въ Медіоланѣ (1803).

Бдѣнія сіи, о подлинности которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, въ первый разъ изданы въ Парижѣ.

Не можно изобразить съ какимъ всеобщимъ удовольствіемъ приняты онѣ были во Франціи, гдѣ Тассъ изъ всѣхъ Италіянскихъ стихотворцевъ есть тотъ, о которомъ наиболѣе говорятъ и разсуждаютъ. Во всѣхъ журналахъ съ великимъ жаромъ возвѣщаемо было о *Бдѣніяхъ Тассовыхъ*.

Г. Митотъ перевелъ оныя на Французской языкъ, съ перваго обнародованнаго въ Парижѣ изданія. Другой ученый мужъ присовокупилъ къ тому *Извѣстія о жизни Тассовой*, извлеченныя весьма кратко изъ книги сочиненной Петромъ Антоніемъ *Серасси* *).

*) Жизнь Тассова, сочиненная Петромъ Антоніемъ Серасси, посвященная Беатриксѣ Эстской, Эрцъ-Герцогинѣ Австрійской, напечатанная въ Римѣ въ 1785 году, въ одномъ томѣ въ четвертку. Книга сія есть богатый источникъ, откуда всѣ Французскіе о Тассѣ писатели почерпаютъ свои извѣстія.

Г. *Гишаръ* читалъ въ *Филотехническомъ Обществѣ* переведенное вольными стихами XIV бдѣніе, которое принято было съ великими похвалами. Другіе Французы покушались и нынѣ еще покушаются, въ стихахъ и въ прозѣ, возвысить языкъ свой до стихотворной Тассовой прозы, сдѣлавшейся для нихъ образцемъ ученія и подражанія.

Въ первомъ изданіи, сдѣланномъ въ Парижѣ, изъ тритцати четырехъ Бдѣній, находящихся въ подлинникѣ напечатано только тритцать. Четыре изъ оныхъ совсѣмъ пропущены; да и въ тѣхъ, которыя напечатаны, многія мѣста противъ подлинника сокращены. Въ нынѣшнемъ же изданіи нашемъ все оное дополнено и приведено въ цѣлость и порядокъ.

Издатель старался даже и въ самомъ разстройствѣ мыслей соблюсти естественное ихъ теченіе: ему казалось, что пропустя нѣкоторыя мѣста, онъ нарушитъ сцѣпленіе и связь умствованій.

Не его дѣло доказывать сколько сіи Бдѣнія должны нравиться чувствительнымъ душамъ и людямъ любящимъ словесность. Онъ не долженъ ни чьего мнѣнія ни предубѣждать, ни предварять.

Можно однакожъ не обинуяся сказать, что Бдѣнія сіи имѣютъ необычайность имъ однимъ свойственную: мы въ первый разъ слышимъ въ нихъ какъ говоритъ сумасбродный.

Вѣрить ли, что самъ Тассъ дѣйствительно въ разныя времена выражалъ различныя чувствованія свои, заключающіяся въ сихъ Бдѣніяхъ, какъ то неоспоримо доказываетъ сличеніе сей рукописи съ другими точно рукою его начертанными письменами; или полагать, что другой кто нибудь изобразилъ бредъ сего великаго человѣка, толикими нещастіями обремененнаго, (какъ то многіе неимовѣрные люди полагаютъ, думая проницать *оное* въ слогѣ сихъ Бдѣній); но то однакожъ извѣстно и вѣрно, что въ первый разъ издается въ свѣтъ языкъ человѣка, отъ унынія и нещастій поврежденнаго въ умѣ.

Итакъ съ того времени, какъ словесность Греческая, Латинская, Италіянская, и другихъ новѣйшихъ просвѣщенныхъ державъ, упражнялась въ описаніи всѣхъ нравственныхъ склонностей человѣческихъ, и утвердила съ точностію всѣ степени оныхъ, Италіянская словесность пріобрѣла себѣ новое достоинство, изобразивъ живыми красками самое нещастнѣйшее состояніе, въ какомъ человѣкъ находиться можетъ, и пред-

ставя намъ онаго съ такимъ величіемъ души и съ такою силою сердца; то есть, съ удачнѣйшимъ выборомъ въ мысляхъ.

Не трудно предвидѣть, что въ краткое время сей родъ писанія найдетъ подражателей. Тогда-то *Бдѣнія Тассовы* прославятся по достоинству. Тогда конечно отдадутъ полную справедливость попеченію издателя въ обнародованіи сего творенія.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Отъ переводившаго на Руской языкъ.

Вообще Италіянскія сочиненія мало намъ извѣстны: естьли и имѣемъ мы нѣкоторые переводы, то оные сдѣланы почти всѣ съ Францускихъ переводовъ. Знаменитѣйшіе стихотворцы ихъ, таковые, какъ Аріостъ и Торкватъ Тассъ, или по ихъ окончанію, Аріосто и Торквато Тассо, не столько извѣстны намъ какъ Расинъ и Волтеръ, потому что Италіянской языкъ у насъ несравненно меньше Францускаго употребителенъ. Издаваемыя нынѣ мною *Тассовы Бдѣнія* (le veglie di Tasso) дѣйствительно, какъ говоритъ Италіянской издатель, есть особаго рода твореніе, новое и небывалое въ словесности. Почти не льзя назвать онаго сочиненіемъ; ибо писавшій ихъ кажется не сочинялъ, не думалъ, какъ обыкновенно при сочиненіи чего нибудь думаютъ; но безъ всякаго размышленія, или умственнаго соображенія, изливалъ мысли

свои на бумагу, такъ какъ бы только записывалъ то, что онъ въ какую минуту чувствовалъ, или что ему тогда слышалось и казалось. По словамъ Италіянскаго издателя нѣкоторые сомнѣваются въ подлинной Тассу принадлежности сихъ Бдѣній, но мнѣ кажется легче было написать ихъ самому Тассу, волнуемому различными страстями, нежели другому такъ хорошо и правдоподобно подъ чувствованія его поддѣлаться. Я перевелъ ихъ съ подлинника, желая тѣмъ услужить любителямъ словесности. Впрочемъ сохранилъ ли я достоинство оныхъ, и умѣлъ ли погрузить въ нихъ ту высокоумную горячку, тотъ великолѣпный бредъ, и ту пріятную странность мыслей, какими преисполненъ подлинникъ, о томъ не мнѣ судить, но просвѣщенному читателю. Для лучшаго и подробнѣйшаго о Тассѣ и жизни его свѣденія, прежде нежели приступлю я къ изданію его Бдѣній, прилагаю при семъ два перевода, одинъ съ *Историческихъ о немъ записокъ* Италіянскаго издателя Г-на *Компаніони*, а другой съ *Изслѣдованія о Тассѣ*, сочиненнаго Француским переводчикомъ Бдѣній Г-мъ *Бареромъ*.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

О

ТОРКВАТѢ ТАССѢ,

Сочиненныя Италіянскимъ издателемъ для лучшаго разумѣнія Тассовыхъ бдѣній.

Торкватъ Тассъ, уроженецъ Бергамскій, родился въ Сорентѣ 1544 году. Отецъ его, Бернардъ Тассъ, былъ дворянинъ и любитель словесности.

Повѣствуютъ чудесныя вещи о младенчествѣ Торкватовомъ. Сказываютъ, что онъ будучи шестимѣсячнымъ робенкомъ говорилъ ужѐ по латынѣ. Много подобныхъ басенъ читаемъ мы въ жизняхъ великихъ людей.

Но то съ достовѣрностію извѣстно, что онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ учиться, сперва въ Римѣ подъ руководствомъ

Морица Катанео, которому препорученъ онъ былъ на десятомъ году своего возраста; потомъ въ Падуѣ, куда весьма еще юнаго взялъ его съ собою *Сципіонъ Гонзаго*. Имѣя не болѣе семнатцати лѣтъ отъ рожденія, Тассъ, по обыкновенію тогдашняго времени, съ великимъ успѣхомъ защищалъ философическія и богословскія положенія, такожъ права гражданскія и духовныя.

Однакожъ стихотворство предпочиталъ онъ всѣмъ симъ скучнымъ наукамъ. Ни что не доказываетъ сего лучше, какъ поэма его *Ринальдъ*, которую сочинилъ онъ въ сіе время, и посвятилъ *Эстскому Кардиналу*. Сія Поэма прославила его между Италіянскими писателями, которые изъ сего перваго опыта заключали, какихъ великихъ успѣховъ ожидать отъ него должно. Нѣкоторые изъ нихъ пригласили его ѣхать въ Болонію. Онъ не долго тамъ былъ и возвратился въ Падуу. Здѣсь-то приступилъ онъ къ первому изложенію великой своей Поэмы, которая въ послѣдствіи долженствовала содѣлать имя его толь громкимъ. Слава, какою наслаждался тогда *Аріостъ*, была сильною пружиною, побуждавшею его къ трудамъ. Говорятъ будто оказывалъ онъ нѣкое неуваженіе къ сему великому стихотворцу *),

*) Мы лучше можемъ судить о мнѣніи, какое Тассъ имѣлъ объ Аріостѣ, изъ собственныхъ словъ его, сказанныхъ XIX и XXV бдѣніи. Примѣч. переводчика.

и что напротивъ весьма высоко цѣнилъ умъ *Камоенсовъ*. Естьли это такъ, то можетъ было сіе по двумъ причинамъ, первое по строгому его суду о правилахъ эпическаго стихотворенія, а второе по соперничеству, которое рѣдко позволяетъ быть справедливымъ.

Кардиналъ Эстскій призвалъ его въ *Феррару*, блиставшую тогда великолѣпіемъ. Городъ сей былъ обителію просвѣщенныхъ, благовоспитанныхъ обоего пола княжескихъ лицъ, и славныхъ мужей во всѣхъ родахъ наукъ, словесности и художествъ. Тассъ принятъ былъ съ великою честію и щедротою.

Вскорѣ послѣ того *Кардиналъ Эстскій* прибылъ во Францію въ качествѣ посла отъ Папы Григорія XIII. Онъ взялъ съ собою Тасса, которому сдѣланъ былъ самый лестный пріемъ отъ ученыхъ, давно уже о великомъ достоинствѣ его предваренныхъ. Карлъ IX оказалъ къ нему отличное уваженіе: государь сей объявя, что онъ не приметъ ни чьей прозьбы о пощадѣ нѣкоего знаменитаго Французскаго стихотворца впадшаго въ преступленіе и осужденнаго на смерть, перемѣнилъ намѣреніе свое по ходатайству о немъ Тассову. Средство употребленное симъ послѣднимъ для убѣжденія короля, было весьма странное: *государь*,

сказалъ онъ ему, *я прошу васъ безъ всякаго помилованія казнить нещастнаго, которой постыднымъ преступленіемъ своимъ показалъ ясно, что слабость человѣческая насмѣхается надъ наукою любомудрія.*

Въ сіе время языкъ Италіянскій былъ въ великомъ употребленіи при дворѣ Францускомъ, и словолюбители Францускіе чувствовали всѣ красоты Италіянскихъ писателей. Сему распространенію языка нашего много способствовали двѣ жены изъ дома *Медицисъ*, бракосочетавшіяся съ двумя королями Францускими. Когда потомъ въ царствующій домъ стали поступать Гишпанскія или Австрійскія жены, тогда Французы рѣдко насъ понимали.

Тассъ оставилъ въ Парижѣ имя до нынѣ еще почтенное. Трудно увѣрить что онъ въ то время дѣйствительно предвидѣлъ великую совершившуюся нынѣ революцію. Однакожъ онъ точно предсказалъ о ней; всякъ можетъ это увидѣть, кто прочитаетъ *Завоеванной Іерусалимъ* (Gerusaleme conquistata).

Тассъ не прежде какъ уже по возвращеніи изъ Франціи написалъ *Аминту* свою, родъ стихотворенія, въ которомъ послѣ одинъ только *Гварини* могъ состязаться съ нимъ о пальмовой вѣтьви. Сіе пастушеское стихотвореніе было въ такой чести, что Герцогиня *Урбинская* просила *Алфонза* II,

прислать къ ней списокъ съ онаго, и самъ Тассъ поднесъ ей оный въ *Пезарѣ*. Веселости сего двора не препятствовали Тассу продолжать свою поэму. Онъ многія пѣсни читалъ сей княгинѣ, которая удобна была судить объ оныхъ.

Тассъ окончилъ трудъ свой въ 1575 году, и посвятилъ оный *Алфонзу*. Государь сей былъ вкупѣ совѣтникомъ его и главнымъ покровителемъ, безпрестанно поощрявшимъ его къ трудамъ; ибо какъ Тассъ не былъ никогда искусенъ въ воинской наукѣ, то князь сей, служившій во Франціи при *Генрихѣ II* съ великимъ успѣхомъ противъ *Карла V*, сообщалъ ему всѣ нужныя для Поэмы его свѣденія.

Прежде изданія въ свѣтъ сего великаго творенія, Тассъ хотѣлъ подвергнуть оное суду знаменитѣйшихъ своего времени людей. Онъ послалъ списокъ съ онаго къ *Сципіону Гонзагу*, князю сохранявшему къ Тассу прежнюю свою дружбу, и заступавшему тогда знаменитое мѣсто въ Римѣ. *Сципіонъ Гонзаго* созвалъ къ себѣ всѣхъ славившихся въ Римѣ мужей, дабы прочитать и разсмотрѣть Тассову Поэму, записывая всѣ примѣчанія, какія будутъ сдѣланы. Тассъ нѣкоторыми изъ нихъ воспользовался, другія же оставилъ безъ уваженія, не потому чтобъ онъ не любилъ свободныхъ сужденій,

ибо ни мало не оскорбясь тѣмъ, искалъ новыхъ судей по всей Италіи.

Между тѣмъ какъ онъ симъ занимался, Герцогъ препоручилъ ему продолжать исторію *Эстскихъ* Князей, начиная отъ *Пинія*. Сіе было началомъ мрачной его задумчивости, въ которую впалъ онъ, и которая потомъ отъ извѣстныхъ причинъ, о коихъ мы теперь же увѣдомимъ, весьма усилилась.

Сія новая предпріятая имъ работа препятствовала ему продолжать исправленіе своей поэмы, единственной вещи, лежавшей у него на сердцѣ; но болѣзнь его возобладала имъ сперва по случаю, что поэму его украдкою издали въ свѣтъ по невѣрнымъ спискамъ; сіе показалось ему поступкомъ, учиненнымъ къ затмѣнію его славы. Потомъ лишился онъ отца своего, котораго любилъ съ великою горячностію. Зависть стихотворцевъ произвела многихъ явныхъ и тайныхъ ему непріятелей, такъ что онъ претерпѣлъ все то, что ненависть и зложелательство удобны изобрѣсть во вредъ тому, кто углубясь въ миролюбивыя свои науки знаетъ только, что однимъ совершенствомъ искусства можетъ онъ снискать желаемую славу, впрочемъ не вѣдаетъ и презираетъ подлыя происки и наглыя козни, гнусныя пособія надменной посредственности.

Но всѣ сія огорченія, достаточныя сами собою повредить умъ человѣка, сложенія нѣжнаго, чувствительнаго, и которой не столько воображеніемъ своимъ, сколько воображеніе имъ управляетъ, получили отъ нѣкоторыхъ нещастныхъ приключеній еще новую силу.

Молодой человѣкъ въ почтеніи у двора, гдѣ онъ жилъ съ давняго времени, пылкій и постоянно прилѣпленный къ наукамъ, привыкшій по роду упражненія своего къ высокимъ и славнымъ мыслямъ, онъ не умѣлъ преждевременно защитить сердца своего отъ любви, вдругъ при самомъ рожденіи ея возрастшей, и потомъ постепенно еще болѣе усилившейся. Наконецъ въ крайнемъ безпокойствѣ почувствовалъ онъ, сколь высокъ и опасенъ предметъ страсти его, и сколь обманчивы были для него первые виды. Онъ влюбился, какъ кажется, въ сестру Герцогову; а всего опаснѣе по видимому было то, что онъ сію важную тайну открылъ другу своему, которой не умѣлъ ее сохранить. Отсюда произошла между ими ссора и поединокъ. Братья нескромнаго друга, противъ всѣхъ правилъ чести, напали на Тасса, за что всѣ были сосланы. Герцогъ опасаясь, чтобъ злоба и месть сильнаго семейства не были пагубны для

Тасса, заключилъ его въ темницу, и держалъ долгое время.

Не вѣрили тогда, и нынѣ конечно вѣрить не можно, чтобъ долговременному заточенію Тассову было причиною охраненіе его отъ угрожавшихъ ему опасностей; ибо разсуждая съ одной стороны о молвѣ, къ какой приключеніе сіе подало поводъ при дворѣ, а съ другой видя великія похвалы, которыя Тассъ во многихъ стихахъ дѣлалъ нѣкоторой *Елеонорѣ*, и знаки благосклонности оказываемые сею принцессою стихотворцу, можно легко подумать, что Герцогъ подъ предлогомъ токмо избавленія Тасса отъ возникшей противъ него вражды посадилъ его въ темницу; но что въ самомъ дѣлѣ тайная и сильнѣйшая причина побудила его къ таковому поступку.

Всѣ писавшіе о приключеніяхъ въ жизни Тассовой кажется чрезъ цѣлые два вѣка повторяютъ клеветы придворныхъ, сомнѣваясь въ дѣлахъ, о которыхъ они говорили, какъ о государственныхъ тайнахъ. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что это была Графиня *Скандиньяно*, женщина любезная, изъ Княжескаго рода при дворѣ *Феррарскомъ*, отличная прелестями своими, остротою ума и пріятностію обращенія. Другіе думаютъ, что сія *Елеонора*, любимая Тассомъ, была штатсъ-дама принцессина,

утверждаясь въ томъ на нѣкоторыхъ его стихахъ, въ которыхъ онъ говоритъ, что устремя любовь свою къ весьма высокому предмету, онъ съ лучшею надеждою обратился потомъ къ женщинѣ ближайшаго съ нимъ состоянія. Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ *бдѣніяхъ* его *Елеонору*, статсъ-даму принцессину. Однакожъ она тамъ не иное что, какъ вводное лице.

На что же столько труда сокрыть дѣло само по себѣ ясное! конечно ужè Герцогъ ни для статсъ-дамы, ни для графини *Скандиньяно*, нижè для другой какой инокровной съ нимъ женщины, не поступилъ бы такъ жестокосердо съ человѣкомъ, котораго онъ любилъ.

Легче вообразить, нежели описать уныніе души Тассовой, и потрясеніе ума его отъ толикихъ скопившихся на главу его золъ. Всѣ тѣлесныя силы и душевныя способности его пришли въ совершенное разстройство. Онъ ни о чемъ не помышлялъ больше, какъ токмо о средствахъ избавиться отъ сего нещастнаго состоянія, въ которомъ онъ истаявалъ.

Щастливый случай представилъ ему способъ уйти. Онъ долго считался никому неизвѣстенъ; напослѣдокъ пришелъ въ Туринъ, гдѣ познанъ былъ *Филиппомъ Эстскимъ*, видавшимъ его въ *Феррарѣ*. Сей добро-

душный Князь представилъ его Герцогу Савойскому. Живучи во дворцѣ, увѣренный въ благоволеніи Герцога, почитаемый всѣми знаменитѣйшими въ городѣ людьми, могъ бы онъ вести жизнь спокойную. Но онъ всегда мучимъ былъ страхомъ, чтобъ Герцогъ *Феррарскій* не потребовалъ его выдачи. Онъ не смѣлъ полагаться на вѣру новаго своего покровителя, испытавъ жестокимъ образомъ вѣру Герцога *Феррарскаго*, который также былъ его покровителемъ. Онъ уѣхалъ тайно изъ Піемонта, и направилъ путь свой къ Риму. Римъ одинъ казался ему безопаснымъ убѣжищемъ.

Тамъ Кардиналъ *Альбани* принялъ его весьма благосклонно. Онъ увидѣлся съ *Морицемъ Катанео*, первымъ своимъ наставникомъ, который былъ ему родственникъ и другъ. Всѣ знатнѣйшіе господа, и ученѣйшіе мужи, оказывали ему всякаго рода ласки и уваженія. Народъ самый изъявлялъ ему торжественныя почести, и сбѣгался толпами видѣть человѣка пріобрѣтшаго себѣ толикое имя и славу.

Но Тассъ не могъ болѣе обладать воображеніемъ своимъ. Римъ не удовольствовалъ его; онъ уступилъ силѣ желанія своего идти въ *Сорренту*, чтобъ взглянуть на родину свою и повидаться съ сестрою. Образъ, въ какомъ онъ представился ей, показы-

ваетъ, что голова его была повреждена. Переодѣвшись такъ чтобъ его не узнали, онъ предсталъ передъ нее въ видѣ человѣка, принесшаго къ ней письмо отъ ея брата. Въ письмѣ семъ написано было, что онъ находится въ крайней опасности лишиться жизни, естьли она не найдетъ ему сильнаго защитника. Сестра его, устрашенная симъ извѣстіемъ, стала распрашивать о подробностяхъ сего приключенія. Тассъ описалъ ей оныя такими живыми красками, что *Корнелія*, сестра его, упала въ обморокъ. Онъ бросился тотчасъ помогать ей, и потомъ просилъ извиненія въ приключеніи ей такой печали, говоря что онъ это сдѣлалъ для испытанія дружбы ея, опасаясь вездѣ находить враговъ и предателей.

Но уединеніе *Сорренты* не сходствовало съ нравственнымъ расположеніемъ Тасса. Каждый день раны сердца его растравлялись, поелику сугубая страсть любви и славы въ немъ владычествовала. Онъ помышлялъ токмо о *Феррарѣ*, воспоминая больше о благѣ, какимъ наслаждался въ семъ городѣ, нежели о злѣ, какое претерпѣлъ въ ономъ. Онъ написалъ письмо къ Герцогу и къ Принцессѣ. Просилъ также о ходатайствѣ за него Герцогиню *Урбинскую* сестру Герцогову; но ни отъ кого не получилъ отвѣта.

Онъ въ отчаяніи оставилъ *Сорренту* и домъ сестры своей, и не взирая ни на какія опасности отправился въ *Феррару*. Друзья его въ Римѣ старались отвратить его отъ сего неблагоразумнаго поступка. Ничто не могло перемѣнить его намѣренія. Тогда обратили они вниманіе свое на то, чтобъ доставить ему хорошій пріемъ, и привесть его въ безопасность отъ всякаго нещастнаго приключенія. Въ самомъ дѣлѣ *Алфонсъ* принялъ его милостиво, и возвратилъ ему прежнее мѣсто его при себѣ; но почитая въ немъ человѣка болѣе умомъ нежели тѣломъ страждущаго, не хотѣлъ отдать ему рукописныхъ сочиненій его, которыхъ онъ не преставалъ требовать. Оныя по отъѣздѣ его изъ *Феррары* сохраняемы были съ великою строгостію. Увѣрили Герцога, что Тассъ неспособенъ больше поправлять сочиненій своихъ, которыхъ онъ для сего самаго требовалъ, и что онъ скорѣе испортитъ ихъ, нежели исправитъ. Тщетно Тассъ вопіялъ на сію несправедливость, и жаловался въ письмахъ своихъ Герцогинѣ *Урбинской*. Раздраженный и доведенный до отчаянія сими препятствіями, вторично уѣхалъ онъ изъ *Феррары*, ища по всей Италіи Князя, которой бы предстательствовалъ за него у *Алфонза*. Надежда его была суетна.

Онъ нашелъ въ *Мафе Веніеро*, Венеціянскомъ дворянинѣ, хорошаго себѣ друга, которой пекся о немъ, и снискалъ ему доброхотство Герцога *Флорентинскаго*. Онъ могъ бы удалиться въ сей городъ, жить тамъ спокойно, и пользоваться всѣми уваженіями и пособіями, которыя всякъ въ нещастномъ состояніи его не отрекся бы ему оказывать. *Веніеро* не скрылъ отъ Герцога *Медицисъ* обладавшихъ Тассомъ безпокойствъ и повреждения головы его; но онъ не упустилъ также внушить ему, что тѣ клевещутъ на него, которые утверждаютъ, будто стихотворческій умъ его ослабъ.

Тассъ ожидалъ отвѣта отъ Герцога *Медицисъ*, и былъ уже у Герцога *Урбинскаго*, на котораго полагалъ послѣднюю свою надежду. Онъ не обманулся въ томъ: сей Князь поступалъ съ нимъ такъ благопріятно, что онъ выздоровѣлъ, и голова его въ краткое время совсѣмъ исправилась.

Не знаютъ точно, какія внезапныя обстоятельства снова привели его въ разстройство. Извѣстно только, что онъ взялъ подозрѣніе на Герцога *Урбинскаго*, и уѣхалъ опять въ Піемонтъ.

Въ Туринѣ нашелъ онъ въ *Филиппѣ Эстскомъ* и супругѣ его *Маріи Савойской* тужъ благопріятность къ себѣ, какую видѣлъ прежде. Естьли бы возмогъ онъ спокойно

наслаждаться нарочитымъ имуществомъ, то Князь сей конечно предложилъ бы ему оное, и Тассъ былъ бы щастливъ. Кардиналъ *Альбани* писалъ къ нему въ сіе время письмо, въ которомъ напоминалъ ему о всѣхъ его неосновательныхъ поступкахъ и пустыхъ страхахъ. Онъ подавалъ ему благіе совѣты и опыты разумной дружбы. Сіе письмо имѣло великой успѣхъ: Тассъ успокоился, и обратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ. Онъ сдѣлалъ многія сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, изъ коихъ главные два разговора о *благородствѣ* и *достоинствѣ*. Сіе сочиненіе доказываетъ, что умъ его не былъ поврежденъ, какъ только повременно.

Но память о потерѣ рукописныхъ его сочиненій не выходила у него изъ ума. Думать должно, что любовь также глубоко въ сердцѣ его была вкоренена: сіе понудило его снова ѣхать въ *Феррару*.

Филиппъ Эстскій старался отвратить его отъ онаго, но по тщетномъ уговариваніи хотѣлъ по крайней мѣрѣ исходатайствовать ему у Герцога *Альфонза* позволеніе явиться при его дворѣ, которое и получилъ съ условіемъ, чтобъ ему быть тамъ, какъ простому жителю, и только пещися о поправленіи своего здравія.

Тассъ прибылъ въ *Феррару* въ то самое время, когда праздновали бракосочетаніе Герцога съ *Маргаритою Гонзаго*. Онъ думалъ испросить уединенное свиданіе съ симъ Княземъ, и по прежнему имѣть входъ къ Княжнамъ; но времена перемѣнились: онъ не былъ допущенъ; самые градоправители и придворные чиновники не лучше обходились съ нимъ, какъ и самъ Князь. Не сомнѣваясь болѣе въ своей опалѣ у двора, видя себя оставленнаго старыми друзьями своими, и преданнаго больше нежели когда нибудь непримиримымъ своимъ врагамъ, раздраженный, вышедшій изъ себя, онъ неутерпѣлъ однажды сказать о Герцогѣ и о дворѣ его все то, что растерзанное сердце его и воспаленная голова ему повелѣли. Слова сіи устами зависти и клеветы пересказанныя Герцогу съ прибавленіями ядовитѣйшихъ подробностей, подвигли его на такой гнѣвъ, что онъ велѣлъ Тасса, какъ безумнаго, заперетъ въ больницу *Святыя Анны*, беречь его тамъ и строго за нимъ смотрѣть.

Сіе происшествіе не умедлило увеличить успѣхи болѣзни, которая была плодъ разгоряченнаго воображенія, безпрестаннаго глубокоумствованія, и постояннаго отказа въ возвращеніи ему рукописей его; болѣзни, умножившейся отъ его любви, и которая,

при совершенномъ его отъ всѣхъ людей оставленіи, сдѣлалась неизлѣчимою.

Когда онъ такимъ образомъ отъ всего свѣта отчужденъ и въ толь печальное состояніе вверженъ былъ, враги его сочли, что обстоятельства сіи благопріятствуютъ имъ отнять у него то, чего ни власть Герцогова, ни хитрости придворныхъ не могли у него похитить; то есть безсмертную славу, какую поэма его принесть ему долженствовала. Тогда-то Академія *Дела-Круска* побуждена была издать сужденіе и толкъ свой на поэму *Освобожденный Іерусалимъ*. Не извѣстно усердіе ли нѣкоторыхъ друзей, или ненависть непріятелей Тассовыхъ, доставила ему сіе *сплетеніе Флорентинское*, противъ котораго однакожъ многіе любители словесности въ защиту его возстали. Самъ онъ защищалъ дѣло свое съ такимъ здравымъ судомъ, что кажется по образу сего писанія и разсужденій его невѣроятно, чтобъ можно было счесть его поврежденнымъ въ умѣ и посадить въ домъ сумасшедшихъ.

Тассъ писалъ къ Папѣ *Григорію XIII* и къ Императору *Рудольфу*, жалуясь на жестокіе съ нимъ поступки. Всѣ Италіянскіе Князья вступились за него, и просили Герцога о дарованіи ему свободы. Герцогъ былъ неумолимъ. Однакожъ *Винцентъ Гонзаго* не

отступными прозьбами своими исходатайствовалъ позволеніе взять его съ собою въ *Мантуу*.

Но воздухъ сей страны былъ вреденъ Тассу. Болѣзнь его возобновилась, и пользованія ему не помогали: онъ выпросился ѣхать въ *Бергамъ*, гдѣ отъ родственниковъ и пріятелей своихъ былъ съ радостію принятъ. Здѣсь-то окончилъ онъ трагедію свою *Торрисмонду*, которую началъ въ первую бытность свою въ *Феррарѣ*, и которую въ знакъ благодарности посвятилъ *Винценту Гонзаго*.

Между тѣмъ наскучили ему переѣзды изъ мѣста въ мѣсто. Онъ любилъ независимость, чувство естественное и нужное человѣку упражняющемуся въ словесности. Онъ отправился потомъ въ *Неаполитанское* королевство, и думалъ спокойно жить въ *Монте Оливетто*. Тамъ имѣлъ онъ единственное попеченіе о поправленіи своего здравія. Умоотсутствіе его время отъ времени къ нему приходило и было такъ сильно, что онъ, подобно *Сократу*, думалъ бесѣдовать съ духами и разговаривалъ иногда съ ними о самыхъ глубокомысленныхъ вещахъ. Другъ его *Мансо*, написавшій жизнь его, повѣствуетъ, что однажды, какъ онъ смѣялся надъ его видѣніями, Тассъ обѣщалъ ему показать духа. Онъ началъ съ великимъ красно-

рѣчіемъ говоришь о шакихъ высокихъ предметахъ, что *Мансо* не смѣлъ его прервать. По окончаніи рѣчи своей Тассъ спросилъ у него: еще ли онъ сомнѣвается о бытіи духовъ? На что Мансо отвѣчалъ: больше нежели когда нибудь, потому что онъ слышалъ удивительной красоты рѣчь, но что со всѣмъ не слыхалъ духа, которaго онъ ему показать хотѣлъ.

Наконецъ укоренившееся въ Тассѣ безпокойство не позволило ему долго наслаждаться пріятною жизнію въ *Монте-Оливетто.* Онъ поѣхалъ опять въ Римъ, гдѣ *Сикстъ V*, мало благосклонный къ стихотворцамъ, принялъ однакожъ его съ отличною честію. Сіе самое побудило Тасса прославлять въ стихахъ и въ прозѣ великолѣпіе сего Папы.

Тассъ нашелъ въ Римѣ Герцога *Флорентинскаго*, съ которымъ онъ имѣлъ личное знакомство, когда Князь сей былъ Кардиналомъ. Герцогъ приглашалъ его поселиться у него въ *Тосканѣ*, и чтобъ лучше въ томъ успѣть, просилъ Папу присовѣтовать оное Тассу.

Тассъ поѣхалъ, но пребываніе его во *Флоренціи* было весьма кратко; ибо худые *Феррарскаго* двора съ нимъ поступки безпрестанно ему напоминались. Онъ отправился въ *Неаполь*, поселился въ домѣ у *Манса*, которой поступалъ съ нимъ такъ дру-

желюбно, что припадки глубокой задумчивости его истребились. Там-то трудился он над переменами и поправками великой поэмы своей, обращая в пользу оной все сделанныя о ней суждения. И как вместо прежняго заглавия ея *Годфрид* (Gofreddo) назвал он ее *Освобожденный Иерусалим* (Gerusaleme liberata), так потом и сие название переменил в *Завоеванный Иерусалим* (Gerusaleme conquistata). Но высокий ум имеет нечто свое собственное, и не может покаряться всем тем правилам, какия холодными граматиками предписываются. Сего ради *Завоеванный Иерусалим* не мог заступить место прежняго.

Тогда *Климент VIII* избран был в Папы, и Кардинал *Свят. Георгия*, племянник его, любитель наук и словесности, созывал к себе всех славных талантами и дарованиями мужей в Италии. Кардинал сей знал некогда Тасса. Он с величайшими для него выгодами убеждал его приехать в Рим. Тасс не мог отказаться. Однакож он с великим сожалением оставил жилище, где с такою приятностию и тишиною провождал дни свои. Папа, племянник его, и весь Римский двор, сделали Тассу такой прием, который мог все потери его привесть в забвение.

Но скоро возникли при дворе такого

рода козни и навѣты, которые могли возмутить доброе согласіе, господствовавшее въ семействѣ Папы, и какъ Тассъ былъ невинною тому причиною, то и рѣшился онъ уѣхать изъ Рима, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ и тяжебъ, которыя ему окончить надлежало.

Въ сіе-то время Кардиналъ *Святаго Георгія*, опасаясь лишиться собесѣдованія Тассова, предложилъ дядѣ своему Папѣ Римскому увѣнчать въ *Капитоліи* Тасса, какъ увѣнчанъ былъ *Петраркъ*. Сдѣлали всѣ приуготовленія къ сему знаменитому и рѣдкому торжеству, о которомъ великіе тогдашняго времени люди никогда не думали, чтобъ оно могло до такой расточительности быть унижено, какъ нынѣ. Тассъ возвратился въ Римъ; но болѣзнь тихо изнурявшая жизнь его вдругъ оказалась, и онъ умеръ на канунѣ увѣнчанія своего, 23 Апрѣля 1595 году.

Такова была нещастная жизнь единаго изъ величайшихъ умовъ, блиставшихъ въ Италіи и въ цѣломъ свѣтѣ. Таковы были неправедныя гоненія, часто безчестящія родъ человѣческій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ТАССѢ,

КАСАТЕЛЬНЫЯ ДО СЛОВЕСНОСТИ,

СОЧИНЕННЫЯ

Французским переводчиком Бдѣній.

„*Враги Тассовы сдѣлали изъ жизни его* „*цѣпь нещастій.*“ — (Волтеръ въ письмѣ къ Ж. Ж. Руссо, 30 Августа 1755).

Сочинитель прочтенных нами *Историческихъ записокъ* увольняетъ меня входить въ подробности, нужныя для разумѣнія *Бдѣній*. Итакъ я ограничусь здѣсь только нѣкоторыми изслѣдованіями, соотвѣтствующими сему сочиненію, то есть, относительными къ правдоподобію любви *Тассовой*, къ причинамъ умоповрежденія его и къ существу золъ, которые претерпѣлъ онъ отъ своихъ непріятелей.

Соперничество ли посредственныхъ вѣка его людей; или зависть, страсть обыкновенная придворныхъ; или чувствованія сердца его, устремившіяся къ особѣ весьма высокаго сана, были причиною долговременнаго заточенія его въ темницѣ, глубокой

задумчивости, разстройства ума, и безпокойной жизни; но то несомнѣнная правда, что *Тассово* нещастіе было весьма продолжительное и нимало имъ не заслуженное. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, кто можетъ больше возбуждать къ себѣ любопытства и жалости, какъ не *Тассъ*?

Надлежитъ, прежде прочтенія сего сочиненія, сдѣлать себѣ понятія о свойствѣ, душѣ и страстяхъ *Тассовыхъ*. Когда нибудь нѣкто искусный писатель, нѣкто глубокій наблюдатель, начертаетъ признаки *естествосложенія* великихъ мужей и людей одаренныхъ высокимъ умомъ. Во ожиданіи, доколѣ появится толь важное для бытописанія разума человѣческаго сочиненіе, я соберу здѣсь нѣкоторыя черты, изображающія сего безсмертнаго стихотворца.

Рожденный въ странѣ исполненной подземными огнями и подъ прекраснѣйшимъ небомъ, онъ получилъ отъ природы всѣ потребныя къ пріобрѣтенію славы дарованія, и чувствительность, почти всегда дѣлающую насъ злополучными.

Благородное происхожденіе его, и неслыханныя нещастія, претерпѣнныя отцемъ его, сдѣлали, что молодой *Тассъ* очутился при дворѣ великолѣпномъ, гдѣ вскорѣ испыталъ онъ бури, колеблющія возникающую славу, и гоненія сильныхъ. О колико

душа его свободолюбивая и гордая долженствовала страдать! Великій стихотворецъ долженъ былъ унижаясь играть лице просителя, и человѣкъ высокаго ума не могъ избѣгнуть превратностей царедворца!

Тассъ былъ строенъ и высокъ ростомъ; въ чертахъ лица его сіяли красота и благородство; но онъ былъ нѣсколько неловокъ и не доставало въ немъ пріятныхъ ухватокъ.

Онъ говорилъ съ великимъ огнемъ и краснорѣчіемъ, но и съ такою притомъ важностію, которая походила на педанство. Онъ отъ природы заикался и это мѣшало ему свободно разговаривать.

Онъ былъ сложенія сухаго и гнѣвливаго, имѣлъ воображеніе пылкое, чувствительность чрезвычайную. Сильнѣйшія страсти его были любовь и слава.

Онъ имѣлъ мрачный и задумчивый нравъ; душу страстотерпную, но щедрую и благодарную. Въ свойствахъ его было много необыкновеннаго. Въ любви пылокъ, нѣженъ, и устремляющъ всегда желанія свои на отличные предметы. Время тогда было такое, что всѣ княжескихъ домовъ знаменитѣйшія и ученѣйшія во всей Италіи женщины ободряли науки и словесность; тогда стихотворцы, таковые какъ *Аріостъ*, *Бембо*, *Тассъ* и другіе, каждый сочиненія свои посвящалъ своей красавицѣ. Время сіе блистательное

и сказочное было нѣкоторымъ родомъ рыцарства въ стихотворствѣ и словесности.

Тассъ, еще въ дѣтствѣ своемъ, удивилъ Италію успѣхами своими въ языкахъ; онъ съ неутомимымъ постоянствомъ прилѣжалъ къ наукамъ. Ставъ на осьмнадцатомъ году сочинителемъ поэмы, называемой *Ринальдъ* *), онъ принятъ былъ при дворѣ *Феррарскомъ* (можетъ быть слишкомъ ласково для сердечнаго спокойствія сердца его) двумя принцессами *Лукреціею* и *Елеонорою Эстскими*.... Во многихъ сочиненіяхъ его видно, что онъ имѣлъ сердце чрезвычайно чувствительное и душу весьма страстную. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражаетъ онъ нѣжныя чувствованія къ красотѣ, не смѣя назвать оную. Въ одномъ сонетѣ даетъ онъ имя *Елеоноры* той, которую тайно любитъ; и по сему то случаю подозрѣніе упадаетъ на *Елеонору Эстскую* **).

---

*) Напечатанной въ Венеціи въ 1562 году, по старанію и покровительству Кардинала *Людовика Эстскаго*, брата *Альфонза*, Герцога Феррарскаго.

**) Между тѣмъ *Тассъ* о сей самой принцессѣ сказалъ сіи два стиха:

.... Da vagheggiatori ella s'invola
Alle lodi, agli sguardi, inculta e sola.

то есть:

„Отъ похвалъ любовниковъ, отъ взглядовъ, она удаляется, безстрастна и всегда уединенна.

Новое обстоятельство подкрѣпило сіе подозрѣніе; онъ сочинилъ другой сонетъ, въ которомъ уподоблялъ себя *Икару* и *Фаетонту*, погибшимъ яко жертвы дерзновеннаго честолюбія. „*Но*, присовокупляетъ стихотворецъ, *какая опасность можетъ устрашить ободряемаго любовію? Діана, пылающая къ смертному, не вознесла ли на небо молодаго пастуха горы Иды?*"

Италіянскіе бытописатели и повѣствователи о жизняхъ великихъ людей весьма разногласны въ томъ, кто была подлинная любимая *Тассомъ* особа *). Одни отрицаютъ, чтобъ то была Герцогиня *Урбинская*, сестра Герцога *Феррарскаго*; другіе спорятъ, что

*) *Елеонора* и *Лукреція*, сестра Герцога *Феррарскаго*, бывшая потомъ Герцогиня *Урбинская*, объ весьма умныя и столько же любезныя сколько прекрасныя женщины, совокупно покровительствовали молодаго стихотворца, защищая его отъ зависти придворныхъ и отъ соперниковъ, состязавшихся съ нимъ въ почестяхъ и славѣ. Но чтобъ которая изъ нихъ была влюблена въ него, или онъ въ нее, таковое мнѣніе нѣкоторые описатели жизни его во вся отвергаютъ. По сіе время почитается это баснею, трудами Аббата *Серасси* въ сочиненной имъ полной и весьма подробной жизни *Тассовой* такъ оспоренною, что не остается въ томъ никакого сомнѣнія. Есть однакожъ другія о семъ записки, присланныя къ *Ж. Б. Пинью*. Безпрекословно же то, что злые люди, завистники и лукавцы, таковые какъ *Мальдадо* или *Медаліо Фреззи*, Феррарецъ, мучили его съ немилосердымъ ожесточеніемъ. (Выписано изъ историческаго словаря).

принцесса *Елеонора*, женщина отмѣнно благочестивая, строгая во нравахъ и гордая, не могла быть тою, которая очаровала сего нещастнаго стихотворца *). Иные думаютъ, что онъ былъ влюбленъ въ графиню *Скандіано*. Самое вѣрное то, что ощущаемая *Тассомъ* страсть была сильнѣйшая, какая высокимъ и пылкимъ умамъ обыкновенно бываетъ свойственна; нѣтъ также никакого сомнѣнія, что онъ любилъ женщину весьма высокаго роду при дворѣ *Феррарскомъ*. Я прилагаю здѣсь *пѣсню* или *оду*, которую *Тассъ* сочинилъ къ комнатной дѣвицѣ любимой имъ княжны. Въ сихъ стихахъ жалуется онъ на холодную гордость, на суровую несклонность и на мученія, причиняемыя ему красотою ея. Сіе стихотворное сочиненьице мало извѣстно, и можетъ

---

*) Жанъ-Баптистъ Мирабо, непремѣнный секретарь Французской Академіи, въ *жизни Тассовой*, напечатанной имъ въ заглавіи перевода своего поэмы *Освобожденный Іерусалимъ*, не пріемлетъ сомнѣнія нѣкоторыхъ Италіянскихъ писателей, и послѣдуетъ мнѣнію, что *Тассъ* былъ щастливой любовникъ *Елеоноры Эстской*, хотя не представляетъ никакихъ настоящихъ тому доводовъ, ни изъ стихотвореній его, ни изъ писемъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ *Тассъ* издавна имѣлъ весьма нѣжную привязанность къ одной придворной женщинѣ, называемой *Лукреція Бендидіо*. Извѣстно, что *Тассъ* въ поэмѣ своей подъ именемъ *Софроніи* изобразилъ *Елеонору Эстскую*. *Жизнь Тассова*, сочиненная Аббатомъ Серасси, стр. 197.

быть нѣсколько лишено пріятностей симъ слишкомъ замысловатымъ слогомъ, и сими *умоиграніями* (concetti), бывшими тогда въ великомъ употребленіи. Въ тѣ времена любили ихъ, и творецъ *Освобожденнаго Іерусалима*, не могъ конечно отъ нихъ избѣгнуть; однакожъ *Буало* съ несправедливою весьма строгостію обвиняетъ его за оныя въ семъ стихѣ своемъ, которой часто приводятъ въ противурѣчіе тѣмъ, кои предпочитаютъ, какъ онъ говоритъ, *мишуру Тассову всему золоту Виргиліеву*:

Et le clinquant du Tasse à tout l'or de Virgile.

Вотъ ода сочиненная Торкватомъ Тассомъ *):

CANZONE

A OLIMPIA

Cameriera d'onore leggiadra e vaga di *Eleonora Sanvitale*, Contessa di Scandiano.

O colle Grazie eletta e con gli Amori,
Fanciulla avventurosa,
A servir colei che a Dea somiglia;
Poichè'l mio sguardo in lei mirar non osa

---

*) Сія пѣсенка находится въ книгѣ Италіянскихъ стихотвореній, изданной въ Лондонѣ 1802 года, подъ заглавіемъ: Componimenti lirici de'più illustri poeti d'Italia, scelti da T. I. Mathias, vol. primo, in Londra.

I raggi, e gli splendori,
E'l bel seren degli occhi e delle ciglia,
Nè l'alta meraviglia,
Che ne discopre il lampeggiar del riso,
Nè quanto ha di celeste il petto e'l volto;
Io gli occhi a te rivolto,
E nel tuo vezzosetto e lieto viso
Dolcemente m'affiso.
Bruna sei tu, ma bella,
Qual Vergine viola, e del tuo vago
Sembiante io sì m'appago,
Che non disdegno signoria d'ancella.

Mentre teco ragiono, e tu cortese
Sguardi bassi e furtivi
Volgi in me, del tuo cor mute parole,
Ah dove torci i lumi alteri e schivi?
Da qual maestra apprese, e'n quai barbare scole?
Così mostrar si suole
La tua donna superba incontra Amore,
E fulminar dagli occhi ira ed orgoglio;
Ma tu del duro scoglio,
Ch'a lei cinge ed inaspra il freddo core,
Non hai forse il rigore:
Non voler semplicetta
Dunque imitar della severa fronte
L'ire veloci e pronte,
Ma, s'ella ne sgomenta, or tu n'alletta.

Mesci co'dolci tuoi risi e co'vezzi
Solo acerbetti adegni,
Che le dolcezze lor faccian più care;
Ned ella a te gli atti orgogliosi insegni,
E i superbi disprezzi,
Ma da te modi mansueti impare.
Oh se tu puoi destare,
Scaltra d'Amor ministra e messaggiera,

Fra tante voglie in lei crude e gelate
Scintilla di pietate,
Qual gloria avrai dovunque Amor impera!
Tu voce hai lusinghiera
E parole soavi,
Tu i mesti tempi e lieti, e tu dei giochi
Sai gli opportuni lochi,
E tieni di quel petto ambe le chiavi.

So ch'ella affissa ai micidiali specchi,
Suoi consiglier fedeli,
Sovente i fregi suoi varia e rinnova,
E qual empio guerrier, ch'arme crudeli
A battaglia apparecchi,
Le terge ad una ad una e ne fa prova,
Tal ellà affina e prova
Di sua belezza le saette e i dardi,
Se siano acuti, e saldi; al cor non giunge
Questo, ma leggier punge;
Quest'altro, dice, uccide si, ma tardi;
Da questo uom, che si guardi.
Può schermirsi e fuggire;
E inevitabil questo; or tu, che intanto
Il crin l'adorni e'l manto,
Cosi le parla, e cosi placa l'ire.

O dell'armi d'Amor adorna e forte,
Guerriera ribellante,
Che lui medesmo, che t'armò, disfidi:
Qual petto é di diaspro e di diamante
Che di strazio e di morte
Al balenar degli occhi tuoi s'affidi?
Chi non sa, come uccidi?
Ma chi sa come sani, e come avvive?
Dell'armi tue sol le virtù dannose
Son note, e l'altre ascose.
Perchè di tant'onor te stessa prive?

Ah, luci belle e dive,
Ah voi non v'accorgete
Ch' a'vostri rai rinnovellar vi lice
Un cor, quasi Fenice,
E le piaghe saldar ch'aperte avete.

Or che tutti son vinti i più ritrosi,
E i più alpestri e selvaggi,
Scoprite altro valor in altri effetti,
Dolci gli strai vibrate, e misti i raggi
De'folgori amorosi
Sian con tempre di gioje e de'diletti;
Sani i piagati petti,
E ne'cor per timor gelati e morti,
Desti spirto di speme aure vitali.
O fortunati mali!
Diranno poscia; o liete e care morti!
Nè più gli amanti accorti
Temeran di ferita,
Ma di morir per si mirabil piaghe
Farà l'anime vaghe
Un bel desio di rinnovar la vita.

Cosi le parla, e con faconda lingua
Lusinga insieme e prega,
Ch'alfin si volge ogni femmineo ingegno.
Ma che rileva a me, sebben si piéga?
Cresca pure, ed estingua
Gl'illustri amanti il suo superbo sdegno,
Me nel mio stato indegno,
L'umil fortuna mia sicuro rende.
Vil capanna dal ciel non é percossa;
Ma sovra Olimpo ed Ossa
Tuona il gran Giove, e l'alte torri offende:
Quinci ella essempio prende.
Ma tu, mio caro oggetto,
Non disdegnar che la tua fronte lieta

Del mio desir sia meta,
E fa de' colpi tuoi segno il mio petto.

Vanne oculta, canzone,
Nata d'amore e di pietoso zelo,
A quella bella man, che con tant'arte
L'altrui chiome comparte,
Di, che t'asconda fra le mamme e'l velo
Dagli uomini e dal cielo.
Ah, per Dio, non ti mostri;
E se scoprir ti vuol, si scopra solo
All' amoroso stuolo,
Nè leggano i severi i detti nostri.

ПѢСНЯ

КЪ ОЛИМПІИ

Придворной комнатной дѣвицѣ, пріятной и любезной, служащей при Елеонорѣ Санвиталь, Графинѣ Скандіано *).

„О щасшливая дѣвица, избранная вмѣ-„сшѣ съ Прелесшями и Лелями служишь шой „кошорая подобна богинѣ; когда взоръ мой „не смѣешъ усшремляшься на блисшаніе

*) Переводя сшихи сіи прозою, я обѣщаю чишашелю сохранишь въ шочносши смыслъ оныхъ; чшожъ касаешся до легкосши оборошовъ, до пріяшносши сладкозвучія сшиховъ и риөмъ, до выраженій особенно свойсшвенныхъ Ишаліянскому языку, и до искусшва пера Тассова: все сіе долженъ онъ искашь въ самомъ подлинникѣ. (Прим. Рускаго перев.).

„красотъ и на свѣтлые лучи прекрасныхъ „ея очей, ни на умильную и обворожающую „устъ ея улыбку, нижѐ на все то, что „грудь и лице ея имѣютъ въ себѣ небесна- „го; въ такомъ случаѣ на тебя обращаю я „глаза мои, и на миленькое и веселое личи- „ко твое съ удовольствіемъ смотрю. Ты „смугла, но прекрасна, какъ распустившая- „ся недавно фіялка, и приманчивой видъ „твой такъ мнѣ нравится, что я подъ го- „сподствомъ служанки быть не отрицаюсь.

„Когда я разговариваю съ тобою, и ты, „ласковая, потупленные взоры свои, сердца „твоего нѣмыя слова, украдкою на меня „бросаешь; ахъ! откуду же заимствуешь „ты гордые и суровые взгляды? Въ какомъ „жестокомъ училищѣ переняла ты безчело- „вѣчные обычаи, и кто была твоя настав- „ница? Таковою всегда является госпожа „твоя, презирающая любовь, и мещущая „изъ очей своихъ молніи гнѣва и гордости; „но ты не имѣешь можешь быть той твер- „докаменной крѣпости, какою обведено „сердце ея хладное и недоступное; не же- „лай же, простосердечная, суроваго чела ея „скорому и всегда готовому подражать „гнѣву; но естьли она устрашаетъ имъ, „ты прельщай.

„Мѣшай съ сладкими смѣхами и преле- „стями одинъ только такой лукавой гнѣвъ,

„которой бы сладости ихъ дѣлалъ еще прі-
„ятнѣйшими; не ты у нее строгимъ обы-
„чаямъ и поступкамъ гордымъ учись, но ее
„нѣжности и мягкосердечію научи. О когда
„бы могла ты, хитрая служительница и
„посланница Лелина, въ такомъ суровомъ и
„хладномъ нравѣ возжечь хоть одну искру
„жалости, какую бы нажила ты себѣ славу
„во всемъ царствѣ любви! голосъ твой убѣ-
„дителенъ и слова твои сладки; ты знаешь,
„когда она весела, когда скучна; умѣешь какъ
„и гдѣ заводишь игры и смѣхи; ты дер-
„жишь отъ груди ея оба ключа.

„Знаю, что смотрясь въ убійственныя
„зеркала, вѣрные ея совѣтники, часто пе-
„ремѣняетъ и обновляетъ она свои укра-
„шенія; и какъ лютый воинъ, который при-
„готовляя грозныя къ брани оружія, чи-
„ститъ ихъ одно по одному и примѣри-
„ваетъ; такъ она изощряетъ и испытуетъ
„красоты своей копья и стрѣлы, крѣпки ли
„онѣ и остры: сія не достигнетъ до серд-
„ца, но только легко поранитъ; сія другая,
„говоритъ она, умертвитъ, но не скоро;
„отъ сей человѣкъ осторожный можетъ
„уйти и спастися; отъ этой уже никакъ
„не избѣгнетъ. Ты же утваряющая власы
„ея и одежду, такъ говори ей, и такъ укро-
„щай ея суровость:

„О преукрашенная оружіями любви сильная и непобѣдимая воинственница, тому самому, кто вооружилъ тебя, не покоряющаяся! какую грудь ясповую или адамантовую молнія очесъ твоихъ не раздробишъ? Кто не знаетъ, какъ ты убиваешъ? Но кто знаетъ, какъ ты исцѣляешъ и оживляешъ? оружій твоихъ только вредоносная сила извѣстна, другая же сокрыта. По что сама себя лишаешь ты такой чести? Ахъ! очи прекрасныя, очи божественныя, ахъ, вы того не примѣчаете, что вашими жъ только согрѣтое лучами, сердце, какъ Фениксъ, можетъ перерождаться и данныя вами исцѣлять раны.

„Теперь, когда ужѐ всѣ самые упорные, самые твердосердые и дикіе противники побѣждены, являй по инымъ причинамъ иную и храбрость: кидай сладкія стрѣлы, и да будутъ лучи любовныхъ перуновъ укрощены смѣшеніемъ ихъ съ радостями и утѣхами. Исцѣли пронзенныя груди, и въ сердца отъ страха оледенѣлыя и мертвыя, вложи воскресшею надеждою духъ жизни. О щастливое зло! станутъ говорить послѣ; о пріятная и драгоцѣнная смерть! проницательные любовники не будутъ больше бояться пораженій, но пріятное желаніе возобновитъ жизнь про-

„изведешъ въ душахъ ихъ страстную охоту
„умирать отъ такихъ чудныхъ ранъ.

„Такъ говори и сладкорѣчивымъ язы-
„комъ ласкай вмѣстѣ и проси, зная, что
„всякъ женскій умъ перемѣнчивъ. Не что
„мнѣ пользы, естьли она и склонится?
„пусть гордый гнѣвъ ея растетъ и уби-
„ваетъ знатныхъ любовниковъ: убогое ща-
„стіе въ моемъ низкомъ состояніи дѣ-
„лаетъ меня безопаснымъ. Небо не ме-
„щетъ молнію на шалаши; надъ Олимпомъ
„и Оссою гремитъ Юпитеръ, и высокія
„сокрушаетъ башни. Она съ него беретъ
„примѣры. Но ты, моя любезная не сердись,
„что я на веселое личико твое люблю смо-
„трѣть, и пусть грудь моя будетъ цѣль,
„въ которую ты стрѣляешь.

„Ступай тайно, пѣсенка, рожденная
„любовію и умиленными чувствами, ступай
„въ тѣ прекрасныя руки, которыя съ та-
„кимъ искуствомъ власы другой убираютъ,
„скажи, чтобъ спрятала тебя между груди
„и полотномъ отъ людей и отъ небесъ.
„Ахъ! ради бога не показывайся; и ежели
„ужѐ хочешь показаться, покажись однимъ
„любовникамъ, да не читаютъ строгіе люди
„словъ нашихъ.“

Въ послѣднихъ строфахъ сей оды видно ужѐ, что голова *Тассова* была въ нѣкоторомъ разстройствѣ. Когда любовь и умъ

въ одно время владычествуютъ, тогда дѣйствіе ихъ бываетъ весьма сильно. Какая голова, какъ бы она ни устроена была твердо, можетъ долгое время противустоять имъ, особливо когда чрезмѣрное углубленіе въ науку съ чрезвычайнымъ нещастіемъ совокупно потрясать ее будутъ.

Весьма любопытно, какъ для исторіи словесности, такъ и для исторіи сердца человѣческаго, примѣтить, что съ сими двумя страстями ко славѣ и любви, соединены еще были продолжительныя огорченія отъ придворныхъ предателей, вооружившихся противъ сего высокаго ума, также досада видѣть у себя похищенными великую поэму свою и разныя драгоцѣнныя рукописи *), а наконецъ и всѣ душевныя и тѣлес-

*) Вотъ письмо *Веніерово* къ великому Князю Тосканскому, *Франциску Медицисѣ*, писанное Іюля 12 дня 1578 года.

„*Тассовъ* умъ въ великомъ безпокойствѣ; но хотя и „говорятъ, будто голова у него повреждена, однакожъ „въ немъ видны больше слѣды печали нежели безумства. „Желанія его суть слѣдующія: главное, что ему хочется „быть въ службѣ Вашего Высочества, прося только о такомъ содержаніи, чтобъ ему было чѣмъ жить просто и „въ уединеніи. Второе, онъ желаетъ, чтобъ *Феррарскій* „Герцогъ возвратилъ ему поэму его, съ которой онъ не „оставилъ у себя списка. Онъ безпрестанно твердитъ „объ этихъ двухъ вещахъ, и предается мечтамъ своихъ „воображеній. Сомнѣніе, что онъ не получитъ своего творенія, много приключаетъ ему печали; однакожъ онъ „увѣренъ, что можетъ въ три года сочинить другое,

ныя зла, сопряженныя съ долговременнымъ заточеніемъ и крайнимъ отчаяніемъ, до котораго онъ многажды доводимъ былъ.

Какимъ образомъ *Тассъ*, которой, какъ и всѣ славные люди, чувствовалъ превосходство ума своего *), и больше собственнымъ воображеніемъ своимъ терзаемъ былъ, чѣмъ клеветами придворныхъ ласкателей, могъ воспротивиться совокупнымъ горестямъ нещастной любви, похищенія *Освобожденнаго Іерусалима своего*, и заточенія въ больницу Святыя Анны **)?

„еще лучшее; и я этому весьма вѣрю, потому что столь „хотворный умъ его ни мало не поврежденъ. . . . . Онъ „хотѣлъ ѣхать во Флоренцію, но я удержалъ его съ тѣмъ, „чтобъ предварительно васъ о томъ увѣдомить, и чтобъ „въ случаѣ принятія вами въ немъ участія, могъ я утѣ„шить его однимъ изъ вашихъ писемъ. Все это дѣлаю я „единственно отъ искренняго сожалѣнія о семъ нещаст„номъ, которой есть-ли бы не боролся съ бѣдствіями, то „можетъ быть не увлекался бы и воображеніями своими; „также и для того, что я хотѣлъ бы видѣть трудъ и „плоды сего превосходнаго ума, имѣющаго толикое до„стоинство и славу." (стран. 265 въ *жизни Тассовой*, сочиненной Аббатомъ Серасси).

*) „Я весьма привязанъ (писалъ онъ къ его Преосвященству Панигаролю, Епископу Астскому) къ новой моей поэмѣ (Освобожденный Іерусалимъ): „она вышла изъ моего ума; какъ Минерва изъ мозгу Юпитера." (сочиненія *Тассовы*. Томъ 10, стран. 73).

**) Во всѣ времена безсловесіе, невѣжество и бѣеновѣріе, будучи въ силѣ, почитали безумными людей одаренныхъ великимъ разумомъ. Галилей въ темницѣ Инквизиціи въ Римѣ, Байль изгнанный и ушедшій въ Голландію,

Тассъ былъ смиренномудръ и глубокомысленъ. Придворныя пустоши и вѣтродумства, такъ мало сходствовавшія съ высо-

---

Вольтеръ посаженный въ бастилію въ Парижѣ, Ж. Ж. Руссо по тайному повелѣнію (par des lettres de cachet) сосланный и убѣгающій отъ гоненія духовныхъ и свѣтскихъ судилищъ, Рейналь обезчещенный Парламентомъ Парижскимъ, были въ вѣкъ свой, который они вознесли и прославили, почитаемы за безумныхъ. Тассъ, осужденный природою быть славнымъ, долженствовалъ той же участи подвергнуться. Но сіи времена неправды и неблагодарности прошли, конечно; гонители и гонимые скрылись, и ничего въ памяти людей не остается больше, какъ только стыдъ первыхъ и слава вторыхъ. Высокія творенія ума не боятся вѣковъ, подобно какъ высокія посреди Океана горы не боятся бурь. (Разсужденіе сочинителя) — Не льзя отрицать, чтобъ люди, одаренные великимъ разумомъ, не потерпѣли иногда несправедливыхъ гоненій отъ невѣжества или суевѣрія: Галилей и Тассъ могутъ быть тому примѣрами. Но еще болѣе не льзя отрицать и того, чтобъ люди, при великомъ разумѣ своемъ, не впадали въ заблужденіе и не употребляли таланта своего во зло. Разумъ, напитанный правилами вѣры, предписующей человѣку самонужнѣйшія для него добродѣтели, кротость, смиреніе и обузданіе страстей своихъ, конечно почтенъ, полезенъ и благотворенъ. Но разумъ возносчивый, напыщенный гордостію, суемудрствующій по внушенію порочныхъ чувствъ, тѣмъ вреднѣе, чѣмъ больше одаренъ краснорѣчіемъ. По нещастію таковыхъ писателей было много. Высокія творенія ихъ хотя и не боятся долговременности, но одно только здравое и доброе въ нихъ поистиннѣ достопочтенно; худое же, развратное, соблазнительное, по справедливости было гонимо, всегда достойно презрѣнія, и даже затьмитъ и ту ихъ славу, которую бы они остальною доброю частію трудовъ своихъ пріобрѣсть могли. (Примѣчаніе переводчика).

шою ума его, и уничижительныя должности царедворца, толь прошивныя гордости нрава и независимости души его, довели огорченіе его до такой степени, что неизвѣстность участи и безпокойство духа произвели нѣкое разстройство въ его воображеніи, которое наполнилось зловѣщими ужасами и печальными подозрѣніями.

Заточенный по повелѣнію Герцога *Феррарскаго* въ монастырь Святаго Франциска, онъ уходитъ изъ онаго 20 Іюня 1577. По безполезномъ испытаніи разсѣять глубокую задумчивость свою въ *Неаполитанскомъ* прекрасномъ климатѣ и посреди своихъ родныхъ и друзей, желаніе возвратиться въ *Феррару* преодолѣло всѣ долженствовавшія отклонять отъ того сильныя причины.

Но какъ Герцогъ отказалъ ему въ возвращеніи рукописной его поэмы, и запретилъ входить въ покои къ Принцессамъ, то впалъ онъ въ великое отчаяніе и вторично уѣхалъ тайно изъ *Феррары*.

Не зная въ какомъ мѣстѣ найти убѣжище, онъ пріѣзжаетъ въ *Мантуу*, гдѣ за старинную службу отца своего надѣялся быть хорошо принятъ. Но умъ и нещастіе не имѣютъ друзей. *Тассъ* при дворѣ Герцога *Мантуанскаго* не нашелъ ничего кромѣ сухости и презрѣнія. Онъ продалъ все, что имѣлъ у себя драгоцѣннаго, дабы доѣхать

до области Герцога *Урбинскаго*, мужа *Лукреціи Эстской*, одной изъ двухъ сестеръ Герцога *Феррарскаго*.

На сей разъ надежда не обманула *Тасса*: ласковой и великодушной пріемъ Герцога *Урбинскаго* подкрѣпилъ ослабшій духъ и унылую душу безсмертнаго пѣвца *Годфридова*. Сія неожидаемая встрѣча съ почестями и щастіемъ внушили въ него исполненную унынія иносказательную пѣснь, которую мы съ переводомъ здѣсь прилагаемъ. Первыя слова стихотворца изъявляютъ благодарность за убѣжище, найденное имъ въ княжествѣ *Урбинскомъ*, остальная же часть пѣсни относится къ личнымъ его нещастіямъ, и къ печальному или пріятному воспоминанію о писателяхъ того времени.

CANZONE LUGUBRE DEL TASSO

SOPRA SE STESSO

Al Metauro, fiumicello del contado d'Urbino.

O del grand' Apennino
Figlio picciolo sì, ma glorioso,
E di nome più chiaro assai che d'onde!
Fugace peregrino,
A queste tue cortesi amiche sponde
Per sicurezza vengo, e per riposo.
L'alta quercia che tu bagni e feconde

Con dolcissimi umori, (ond' ella spiega
I rami si ch'i monti e i mari ingombra),
Mi ricopra coll' ombra;
L'ombra sacra, ospital, ch'altrui non nega
Al suo fresco gentil riposo e sede,
Entro al più denso mi raccoglia e chiuda:
Si ch'io celato sia da quella cruda
E cieca Dea, ch'è cieca e pur mi vede,
(Bench'io da lei m'appiatti in monte o'n valle,
E per solingo calle
Notturno io muova sconosciuto il piede);
E mi saetta sì, che ne' miei mali
Mostra tanti ochj aver quanto ella ha strali.
    Ohime! dal dì che pria
Trassi l'aure vitali, e i lumi apersi
In quella luce a me non mai serena,
Fui dell' ingiusta e ria
Trastullo e segno; e di sua man soffersi
Piaghe che longa età risalda appena.
Sassel la gloriosa alma Sirena
Appresso il cui sepolcro ebbi la cuna:
Così avuto v'avessi o tomba, o fossa
Alla prima percossa!
Me dal sen della Madre empia Fortuna
Pargoletto divelse: ah! di que' baci,
Ch'ella bagnò di la grime dolenti,
Con sospir mi rimembra, e degli ardenti
Preghi, che sen portar l'aure fugaci,
Ch'io giunger non dovea più volto a volto
Fra quelle braccia accolto
Con nodi così stretti e sì tenaci.
Lasso! e seguii con mal sicure piante,
Qual Ascanio, o Camilla, il padre errante.
    In aspro esiglio, e in dura
Povertà crebbi in quei sì mesti errori;
Intempestivo senso ebbi agli affanni,
Ch'anzi stagion matura

L'acerbità de'casi, e de'dolori
In me rendè l'acerbità degli anni
L'egra spogliata sua vecchiezza; e i danni
Narrerò tutti, or che non sono io tanto
Ricco de'propri guai, che basti solo
Per matèria di duolo:
Dunque altri ch'io da me dev'esser pianto?
Già csarsi al mio voler sono i sospiri,
E queste due d'umor sì larghe vene
Non agguaglian le lagrime alle pene.
Padre, o buon padre! che dal ciel rimiri,
Egro e morto ti piansi, e ben tu'l sai,
Se gemendo scaldai
La tomba e'l letto: or che negli alti giri
Tu godi, a te si deve onor, non lutto,
A me versato il mio dolor sia tutto! . . . .

Manca.

То есть:

ПЛАЧЕВНАЯ ПѢСНЬ ТАССОВА,

НА САМАГО СЕБЯ.

Къ Метаурѣ, малой рѣчкѣ въ княжествѣ Урбинскомъ.

„О великаго Апеннина дитя малое, но „славное, и несравненно больше именемъ, „нежели водами, свѣтлое! скитающійся „странникъ прихожу я для безопасности „и покоя на брега твои благостынные и „дружелюбивые. Высокій дубъ, орошаемый „и питаемый животворными твоими вла„гами (отъ чего толико распространилъ онъ „вѣтьви свои, что осѣняетъ ими горы и „моря), покрываетъ меня своею тѣнію; сія „тѣнь священная, гостепріимная, и неотри„цающая никому прохладъ своихъ и покоя, „приняла меня въ самое густое нѣдро свое, „дабы укрыть отъ той жестокой и слѣпой „богини, которая хотя слѣпа, однако ви„дитъ меня; и хотя я отъ ней въ горахъ „и долинахъ скрываюсь, и по ночамъ въ уеди„ненныхъ скитаюсь пустыняхъ, однакожъ „она попадаетъ въ меня метко, и кажется „для содѣланія нещастій моихъ столько „имѣетъ у себя очей, сколько стрѣлъ.

„Увы! съ тѣхъ поръ какъ я дышу, и „какъ впервые увидѣлъ свѣтъ сей, никогда „радостями для меня не свѣтлый, всегда я „былъ игралищемъ и цѣлію сей жестоко-„сердой и несправедливой богини, нанесшей „мнѣ такія раны, которыя долгое время не „затворятся. Знаетъ то благословенная и „блаженная та Сирена, при коей гробѣ ко-„лыбель моя была. О для чего сей первый „ударъ не погрузилъ меня въ утробу земли! „Злая судьба отторгла меня въ младенче-„ствѣ отъ груди матери моей: ахъ! съ глу-„бокимъ вздохомъ воспоминаю я о тѣхъ по-„цѣлуяхъ, при коихъ обливала она меня горь-„кими слезами, и о тѣхъ горячихъ молит-„вахъ, быстрыми вѣтрами развѣянныхъ: „не суждено мнѣ было болѣе, объятіемъ „рукъ ея оплетенному, лице къ лицу ласко-„во быть прижату. Бѣдный! подобно Аска-„нію или Камиллу, долженъ я былъ нетвер-„дыми стопами слѣдовать за отцемъ мо-„имъ скитающимся.

„Въ жестокомъ изгнаніи и горькой ни-„щетѣ росъ я посредѣ сихъ злоключеній; „преждевременно позналъ чувство нещастія; „безпрерывныя бѣдствія и времена лютыя „въ незрѣлыхъ еще лѣтахъ моихъ облекли „меня недугами и старостію отца моего. „Я раскажу всѣ наши бѣдствія, теперь ко-„гда я собственными печалями моими не

„такъ удрученъ, чтобъ довольно было и „объ одномъ себѣ плачевную писать повѣсть. Такъ есть и кромѣ меня, о комъ „я слезы проливать долженъ? Ужѐ осу„дѣвшіе въ груди вздохи не могутъ болѣе „повиноваться волѣ моей, и въ сихъ очахъ „моихъ, толь многоводныхъ источникахъ, „недостаетъ слезъ къ оплакиванію моихъ „нещастій. Отче благій, отче мой! ты, „взираешь на меня съ небеси! я оплакивалъ „удрученную старость твою и смерть, и „ты знаешь, согрѣвалъ ли я рыданіями мо„ими одръ твой и могилу: днесь вкушаю„щему въ вышнихъ странахъ блаженство, „не слезы подобаютъ тебѣ, но честь и „поклоненіе: на меня единаго вся печаль „моя да изліется! . . . .

конца плачевной пѣсни сей недостаетъ.

„In lenocinio commendationis dolor est manus, „dum id ageret, oppressae.“

то есть:

Здѣсь печаль остановила перо Тассово.

Кто не почувствуетъ жалости, видя въ стихахъ сихъ, что воображеніе и чувствительность Тассова, разгоряченныя болѣзнію, и стѣсняемыя нещастіемъ, не могли болѣе рассудкомъ его быть умѣряемы?

Ему снова показалось, что онъ окруженъ сѣтями и опасностями у своего благодѣтеля, и онъ рѣшился идти къ Герцогу *Савойскому*, просить покровительства отъ враговъ, какъ настоящихъ такъ и мнимыхъ. Идучи пѣшкомъ, безъ денегъ, и почти безъ одежды, пришелъ онъ къ воротамъ *Туринскимъ* въ такомъ бѣдномъ состояніи, что часовые не хотѣли пустить его въ городъ.

Нѣкто любящій науки и словесность, видавшійся съ нимъ въ *Венеціи*, узналъ его и помогъ ему въ томъ. Онъ вошелъ въ *Туринъ*, и вскорѣ представленъ былъ князю *Піемонтскому*, который украшалъ собою престолъ, покровительствуя талантамъ, наукамъ и художествамъ. Онъ съ отмѣнною ласкою принялъ знаменитаго и нещастнаго стихотворца. Но воображеніе и сердце *Тассово* влекли его всегда къ *Феррарѣ*, гдѣ проводилъ онъ нѣкогда сладостнѣйшіе часы своей жизни. Тамъ была колыбель любви его и славы. Воспоминаніе о прекрасной женщинѣ, любимой имъ съ такою горячностію, и потеря рукописей, которыхъ славу онъ предчувствовалъ, безпрестанно его занимали; ибо посреди страстныхъ сердца чувствованій, потрясавшихъ въ немъ твердость ума, видно изъ писемъ его, что желаніе славы и чрезвычайность нещастій еще сильнѣйшимъ образомъ его тревожили.

Не взирая на совѣты и убѣжденіе своихъ друзей, *Тассъ* восхотѣлъ опять увидѣть *Феррару*. Онъ прибылъ туда 21 Февраля 1569. Онъ чаялъ снова найти тамъ любовь и славу; но его ожидали уничиженіе и злополучіе. Герцогъ и принцессы сестры его возбраняютъ ему до себя доступъ; придворные господа не принимаютъ его, и самые служители Герцоговы оказываютъ ему грубости. Онъ едва находитъ убогое себѣ пристанище. Отчаяніе внушаетъ ему колкія въ письмахъ выраженія противъ дому *Эстскаго*, противу Герцога и двора его. *Альфонзъ* не внемлетъ, какъ токмо гласу гордой власти, и безчестному желанію мести; онъ, Марта 15 дня, заточаетъ его въ срамную темницу. Больница *Святыя Анны*, куда запирали безумныхъ, пріемлетъ величайшаго изъ стихотворцевъ Италіянскихъ. Повелѣваютъ хранить его тамъ, и поступать съ нимъ, какъ съ сумасшедшимъ *).

Нѣкоторые писатели, льстецы, старались оправдать сего князя, не оказавшаго при семъ обстоятельствѣ нималѣйшаго великодушія, и извиняли его въ томъ, что онъ изъявилъ гнѣвъ и жестокость тамъ, гдѣ бы надлежало ему употребить кроткое и человѣколюбивое попеченіе. Но какъ мо-

*) *Жизнь Тассова*, сочиненная Аббатомъ *Серасси*, стр. 283.

жно простить Герцогу *Феррарскому* уничижительныя оскорбленія и недостойные поступки, какими съ непрестающею злобою преогорчалъ онъ человѣка больнаго, нещастнаго, и который, даже и въ этотъ завистливый и неблагодарный вѣкъ, былъ гордостію Италіи и славою ума человѣческаго?

Какимъ образомъ память сего князя можетъ освободиться отъ обвиненій, заключающихся въ письмѣ *Тассовомъ*, которое мы ниже сего увидимъ. Сіе письмо свидѣтельствуетъ, что великій стихотворецъ сей, толико прославившій дворъ *Феррарскій*, стоналъ долговременно въ домѣ сумасшедшихъ, оставленъ всѣми, и въ такомъ совершенномъ недостаткѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ лишенъ былъ самонужнѣйшихъ въ жизни вещей, и кажется имѣлъ причины подозрѣвать и ту малую помощь, въ которой ему отрицать не могли.

Кто не возгнушается видя, что сей самый Альфонсъ, котораго *Тассъ* толико почтилъ посвященіемъ ему своей поэмы, есть тотъ самый князь, который отнялъ у него свободу, помрачилъ умъ его, и похитилъ у потомства превосходное твореніе, какое славный писатель сей въ намѣреніи своемъ имѣлъ *).

---

*) См. ниже сего въ письмѣ Тассовомъ.

„Всякъ можетъ себѣ представить, говоритъ ученый жизнеописатель *Серасси*, какую отчаянность и уныніе въ *Тассовомъ* ужѐ одержимомъ болѣзнію разумѣ долженствовало произвесть сіе новое приключеніе. Онъ нѣсколько дней подобенъ былъ безсмысленному и ничего непонимающему младенцу, тѣмъ паче, что съ болѣзнію разума его соединялась тѣлесная болѣзнь, отъ силы сего удара весьма умножившаяся. Но опомнясь нѣсколько отъ сего перваго обуянія, онъ началъ живѣе чувствовать случившееся съ собою нещастіе, на которое съ великою чувствительностію жалуется онъ въ письмѣ своемъ, писанномъ къ *Гонзагу*, спустя нѣсколько дней послѣ своего заточенія. Вотъ сіе письмо *).

---

*) На подлинникѣ письма сего означенъ мѣсяцъ Май 1579 года. *Жизнь Тассова* (стран. 284 и 285), изданная Аббатомъ Серасси, сочиненіе драгоцѣнное для любящихъ словесность и любомудріе людей, которые въ претерпѣнныхъ *Тассомъ* нещастіяхъ найдутъ печальные и жестокіе примѣры. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать Аббату *Серасси*, описавшему съ толикимъ тщаніемъ и точностію жизнь *Тассову*, есть тотъ, что онъ смѣшалъ безсмертнаго *Галилея* съ толпою другихъ мѣлкихъ разбирателей *Освобожденнаго Іерусалима*. Весьма ощутительно, что сіе произведеніе мудролюбиваго мужа, судящаго великаго стихотворца, выходитъ изъ общей смѣси пересудчиковъ, и что сіи *письма Галилеевы* могутъ молодымъ стихотворцамъ служить наставленіемъ и руководствомъ.

„Ахъ, какъ я нещасшливъ! я имѣлъ „въ намѣреніи сочинишь двѣ другія герои„ческія поэмы, о самыхъ благороднѣйшихъ „и полезнѣйшихъ предмешахъ; чешыре шра„гедіи, кошорымъ у меня и расположеніе „сдѣлано было; шакже многія нравоучи„шельныя сочиненія въ прозѣ, и думалъ со„единишь любомудріе съ краснорѣчіемъ шакъ, „чшобъ осшавишь по себѣ въ свѣшѣ вѣчную „и досшочесшную памяшь. Но шеперь изне„могающій подъ бременемъ сшолькихъ печа„лей и нещасшій, я осшавилъ помышленіе „объ имени моемъ и славѣ. Я почишалъ бы „себя довольно благополучнымъ, есшьли бы „могъ, безъ подозрѣнія и опасносши, ушо„ляшь шомящую меня безпресшанно жажду, „и есшьли бы, подобно просшолюдину, могъ „свободно весши жизнь мою въ бѣдной хи„жинѣ, хошя не наслаждаясь здравіемъ (ибо „я ужѐ лишенъ онаго), по крайней мѣрѣ безъ „шоски; хошя не въ почесшяхъ, по крайней „мѣрѣ не обруганъ; хошя не по законамъ „людей, по крайней мѣрѣ по законамъ жи„вошныхъ, могущихъ въ ручьяхъ и рѣчкахъ

Говоря о семъ, не можно воздержашься, чшобъ не упомянушь о сшранной прошивуположносши, въ какой находились сшихошворецъ и разбирашель его швореній; *Галилея* въ Римѣ инквизиція зашочила въ шемницу, а *Тассу* въ Капишоліи пригошовлялся вѣнецъ. Но *Тассъ* пѣлъ кресшовые походы, а *Галилей* ошкрылъ движеніе земли.

„утолять жажду свою, которая (не безъ „причины повторяю) жжетъ всю мою вну„тренность. Я не столько боюсь велико„сти страданія, какъ долговременности „онаго, тѣмъ паче, что уже въ такомъ со„стояніи неспособенъ я ничего дѣлать. „Страхъ вѣчнаго заточенія умножаетъ мою „печаль; онъ увеличиваетъ уничиженіе, ко„торымъ хотятъ меня угнѣсти. Всклоко„ченность волосъ и обрастеніе бородою, „грязная одежда и происходящая отъ того „нечистота доводятъ меня до чрезвычай„наго омерзѣнія: а особливо крушитъ меня „природной непріятель мой уединеніе, ко„торое и въ добрую пору мою было мнѣ „такъ иногда несносно, что я не дожидаясь „времени хаживалъ искать сообщества лю„дей.“

Таково слѣдовательно было нещастное состояніе души *Тассовой*, что онъ желалъ уединенія, когда былъ при дворѣ или въ городскомъ шуму, и сожалѣлъ о городской жизни, когда былъ въ уединеніи. Онъ по неволѣ ненавидѣлъ сообщество людей, которое приключило ему столько золъ, и не могъ забыть о немъ, когда непріятелями своими посаженъ былъ въ заточеніе.

Тассъ находился цѣлые два года въ горестномъ состояніи, какое онъ самъ въ письмѣ своемъ намъ описалъ. Въ 1581 году

участь его нѣсколько облегчена была, однакожъ не прежде, какъ 9 Іюля 1586 года, получилъ онъ свободу; и то по настоятельному крику всей удивлявшейся ему Италіи, и по многочисленнымъ знакамъ участія, какіе получалъ онъ отъ всѣхъ сторонъ въ своей темницѣ.

Между тѣмъ какъ *Тассъ* сидѣлъ въ заточеніи, высокая его поэма безъ вѣдома его издана была четыре раза въ Италіи, одинъ разъ во Франціи, и пять разъ переведена была въ стихи Латинскіе. Итакъ онъ за освобожденіе свое обязанъ былъ своему *Іерусалиму*. Не князь, но слава и удивленіе читателей сняли съ него оковы. Ученый свѣтъ съ каковымъ изумленіемъ съ таковымъ же и гнушеніемъ видѣлъ въ домѣ сумасшедшихъ человѣка, восхищавшаго высокимъ умомъ своимъ всѣхъ ученыхъ, и наполнявшаго именемъ своимъ всю Европу.

Тассъ, съ которымъ поступали какъ съ безумнымъ и держали его въ заперти семь лѣтъ и два мѣсяца, былъ напослѣдокъ одержимъ нѣкотораго рода видѣніями: ему казалось будто въ темницу къ нему приходилъ духъ, которой съ нимъ дружески разговаривалъ, и о многихъ диковинныхъ вещахъ увѣдомлялъ. . . . .

Вотъ *несомнительныя истины*, по которымъ съ лучшимъ любопытствомъ и пріят-

ностію можемъ мы читать *Бдѣнія Тассовы.* Оныя вновь и вполнѣ изданы въ Медіоланѣ господиномъ Компаніони. Я дѣлаю переводъ мой съ сего послѣдняго изданія, и предлагаю оный Французамъ, которые во многомъ богатствѣ чужестранной словесности отличали всегда сего великаго стихотворца.

Вездѣ въ *Бдѣніяхъ* его, а особливо въ послѣднихъ, видны всѣ измѣненія самой сильнѣйшей страсти сердца человѣческаго. Тамъ видимъ мы любовь съ ея неравенствами, движеніями, страданіями, бредящую и остроумную. Сіи *Бдѣнія* суть нѣкоторой родъ пѣсней, стихотвореній, одъ: тожъ самое вдохновеніе и безпорядокъ одушевляетъ ихъ. Иногда оныя суть гимны. . . . .

О ты! первый изъ эпическихъ стихотворцевъ, какихъ произвела сія *Классическая земля* воображеній и художествъ *), прими отъ одного изъ постоянныхъ почитателей твоихъ сей приносимый тебѣ слабый даръ! *Іерусалимъ* твой есть твоя незыблемая слава **).

---

*) Италія имѣетъ больше осьмидесяти Эпическихъ поэмъ. Она съ постояннымъ просвѣщеннаго ума удовольствіемъ читаетъ изъ нихъ пять или шесть. Но какой языкъ можетъ представить такую громаду стихотворческаго богатства?

**) Аббатъ *Серасси* считаетъ по 1785 годъ сто двадцать пять изданій *Тассовой* поэмы, показывая всѣхъ оныхъ за-

Ты щастіемъ своимъ пожертвовавъ имени своему надѣялся на благодарность потомковъ. Утѣшься, тѣнь нещастная! ты справедливыя имѣлъ причины презирать гоненія и навѣты нѣкоторыхъ изъ неправедныхъ и ослѣпленныхъ современниковъ твоихъ, и достойно пренебрегалъ поздныя почести, которыхъ не могли они не воздать высокимъ твоимъ дарованіямъ *). Имя твое и творенія твои прейдутъ изъ вѣка въ вѣкъ; имена же непріятелей твоихъ изгладятся изъ памяти людей.

Парижъ 1го *Декабря* 1804.

Б. Барерѣ.

главія и числа. Сколько сдѣлано переводовъ на Французской и Англинской языки! Французскіе переводы въ прозѣ, но Англинской *Говелевъ* переводъ стихами.

*) „Мнѣ надобно приготовить гробъ, а не торжественную „колесницу (сказалъ онъ тѣмъ, которые пришли ему возвѣстить о возложеніи на него вѣнца въ Капитоліи). „Естьли вы назначили мнѣ вѣнецъ, поберегите оный для „украшенія гроба моего. Все великолѣпіе сіе не прибавитъ „ничего къ достоинству моихъ сочиненій, и не можетъ „принесть мнѣ щастія. Оно отравило ядомъ послѣдніе „дни Петрарковы. . . . “

ТАССОВЫ БДѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

БДѢНІЕ I.

Увы! — горю — какой это огонь? не тотъ, которой воспламенялъ меня, когда я пѣлъ Ринальда и Годфрида. Тотъ воскрилялъ мое воображеніе, этотъ сердце мое снѣдаетъ.

Сокрушаетъ меня. Нѣтъ ума объяснить его. Такую непреоборимую взялъ онъ надо мною силу!

Торкватъ! посмотри, не обманываешься ли ты? — изъ нѣдръ сего мучительнаго сокрушенія истекаетъ тайное удовольствіе. Ахъ! удовольствіе любить!

Увы! какое произнесъ я слово? Кто объяснитъ смыслъ онаго? — Нѣкогда говорилъ я о любви. Пѣлъ ее. Все меньше нежели чувствовать.

Эрминія! Клоринда! — Сказываютъ, что женщины чувствительнѣе насъ. Ахъ! то, что я чувствую, гораздо больше того,

что всѣ женщины вмѣстѣ чувствовать могутъ. Мечталъ, о какъ далеко отъ истины! мечталъ я себѣ, когда изображалъ любовь Клоринды и Эрминіи. Любовь совсѣмъ иное.

Я правъ — кто осмѣлится спорить со мною? кто? — тотъ развѣ, кто не знаетъ, кого я люблю.

О ты, которую я не смѣю назвать, ахъ! когда узнаешь ты, какой пресильной пожаръ рука твоя въ сердцѣ моемъ воспалила! — О ежели бы ты была здѣсь! Или бы могъ я съ силою, равною моему желанію, свободно придти къ тебѣ, и свободно пересказать тебѣ сладкое мученіе, какое ты во мнѣ производишь! — будетъ ли когда, чтобъ могъ я то тебѣ сказать?

Торквать! не питай себя безумными надеждами.

БДѢНІЕ II.

Я видѣлъ ее — ахъ! может быть видѣлъ больше, нежели надобно. — Длинные и черные волосы; черные и большіе глаза; прелестныя и любезныя уста; какъ снѣгъ бѣлые зубы; шея еще и того бѣлѣйшая! —

Безумецъ! это малѣйшая частица ея красоты. Сіи очи живыя и ласковыя; сей взоръ тихій и проницательный; сія улыбка небесная! —

Торкватъ, скажи лучше сей голосъ — ахъ! онъ и теперь еще въ ушахъ моихъ отзывается. Какими словами выражу оный? естьли слова, могущія выразить голосъ ея? —

Но какая мнѣ нужда выражать голосъ ея словами? онъ еще носится окрестъ меня, ударяетъ еще въ слухъ мой, питаетъ, услаждаетъ еще сердце мое.

Слышалъ ли ты, о Торкватъ? она читала жалобные стихи Эрминіины.

Ахъ нѣтъ, не читай! дай мнѣ, я прочитаю тебѣ сіе ужасное мѣсто: или когда хочешь читать сама, вспомни, что ты выражаешь настоящую печаль твоего стихотворца. — Я скажу ей это —

Но какъ? когда я могу сказать ей — хоть одно слово? о прескучное мѣсто, дворъ! самые первѣйшіе люди нещастливы

въ немъ, когда не могутъ слушать чувствованія тѣхъ, кто ихъ любитъ. — Они слушаютъ льстецовъ. Лицемѣры имѣютъ до нихъ доступъ.

Уйду далеко отъ двора. Заразительной воздухъ его отравляетъ ядомъ сердца. Пойду въ лѣса. Простая пастушеская жизнь первыхъ человѣковъ долженствовала бы дойти и до потомковъ ихъ — для чегожъ не такъ? она дошла до меня. Пойдемъ, Торкватъ. . . . .

Нещастный! но увидишь ли ты ее въ лѣсахъ? увидишь ли тамъ хоть одну стопъ ея слѣдинку? — остаюсь.

О ты единственная причина сего мыслей моихъ разстройства! по крайней мѣрѣ хотя бы ты знала о томъ.

ВДѢНІЕ III.

Я прохаживался по длиннымъ оптѣнамъ *) сада. Тысячу разъ мѣрилъ глазами огромность великолѣпныхъ чертоговъ, гдѣ ты живешь. Надежда шептала мнѣ на ухо, что можетъ быть увижу я хотя одну изъ служащихъ при тебѣ женщинъ.

О! для чего у нихъ не мое сердце! мое одно сердце въ груди ихъ было бы на истинномъ своемъ мѣстѣ, чтобъ тебѣ служить, о ты, первая и послѣдняя мыслей моихъ забота! надежда суетно мнѣ льстила. Въ окнахъ, на которыя такъ часто обращалъ я глаза мои, не видно было ни тѣни человѣческой.

Что дѣлали онѣ запершись внутри своихъ комнатъ? жестокосердыя! не даютъ тебѣ прохладиться свѣжимъ утреннимъ воздухомъ — возбраняютъ даже свѣтъ!

Ахъ, нѣтъ. Самый благовоннѣйшій воздухъ есть тотъ, который изъ устъ твоихъ исходитъ; онѣ сами, однѣ, хотятъ имъ наслаждаться — и справедливо дѣлаютъ. Кто имъ не позавидуетъ?

Ахъ! малѣйшей частицы блага сего я такъ давно желаю. Однажды имѣлъ я его слишкомъ много, для потерянія покоя серд-

---

*) Искусно сдѣланныя дорожки.

ца моего. Послѣ того имѣю слишкомъ мало, для удовольствованія кипящей любви моей.

О ежели бы жалобы мои могли достигнуть до тебя! я препоручаю ихъ воздуху, вѣтрамъ. Одинъ вѣтръ, одинъ воздухъ можетъ досязать до высоты жилища твоего. Но не привыкшая къ таковымъ посланникамъ, не свѣдущая о дѣлахъ имъ препоручаемыхъ, ты не будешь разумѣть ихъ донесенія.

Торкватъ! о чемъ ты говоришь? нещастный! ты поврежденъ. Престань. Ты только питаешь свои мученія. — Станемъ пѣть *Ринальда.* — Здѣсь ничего другаго тебѣ не позволяется.

БДѢНІЕ IV.

Голова моя въ совершенномъ бреду. Я видѣлъ — да! — я видѣлъ *Елеонору* — видѣлъ на яву, я не спалъ. Чтожъ такое! ну, сударыня, хоть одно слово ваше дастъ ли мнѣ жизнь? —

Мнѣ послышалось, будто она меня кликнула и сказала мнѣ: „Торквато, ты первый въ свѣтѣ пѣснопѣвецъ. Тобою имя „Князя нашего безсмертно, и всѣхъ тѣхъ, „кого ты въ стихахъ своихъ прославилъ. „Кто не почувствуетъ къ тебѣ склонно„сти, къ тебѣ, раздающему по волѣ своей „славу, толико всѣми людьми обожаемую? „Нѣтъ высоты, съ которою бы ты не былъ „равенъ.“

Елеонора! такъ. — Виргилій рожденный въ деревнѣ Минчіи, въ бѣднѣйшемъ состояніи пошелъ въ Римъ, чтобъ испросить себѣ малый уголокъ земли, и сдѣлался другомъ *Меценату*, гостемъ *Августовымъ*. Особливо же, Елеонора, Виргилію не возбранно было видѣть *Ливію*, разговаривать съ *Юліею*, и обѣимъ читать свои стихи. — Ахъ! нашъ Государь достоинъ сердца *Августова*; не недостоинъ и я участи пѣвца *Энеева*.

Что я говорю! почто нещастный вдаюсь въ такія разсужденія? Елеонора едва украдкою на меня взглянула. Я думаю она

меня со всѣмъ не видала — ахъ! въ сихъ высокихъ башняхъ, куда всѣ мои желанія устремлены, въ сихъ башняхъ — ни одна душа не думаетъ обо мнѣ.

Звѣрскія сердца! что напослѣдокъ больше имѣетъ цѣны? Власть ваша можетъ въ одинъ мигъ исчезнуть. Сокровища ваши могутъ отнять у васъ тѣжъ самыя руки, которыя вамъ ихъ дали. Обнаженные отъ того, что получили вы отъ людей безумныхъ — могущихъ однако же образумиться — сдѣлаетесь вы худощавѣе и жалчѣе остава костей человѣческихъ. Умъ возносится превыше всего. Онъ не подвластенъ никакимъ перемѣнамъ. Лукавство, сила, злоба, не могутъ ему вредить. Я не умру никогда въ памяти людей. Сокрушитель всѣхъ вещей, время, скоро истребитъ имя ваше, естьли я не поддержу оное, не извлеку изъ забвенія.

Ктожъ укоритъ меня дерзостію? Кто скажетъ, что я въ любви высоко вознесъ мою надежду?

О вѣкъ испорченный и подлый! однакожъ должно покоряться его законамъ. —

Но такова непорочность той души, которую любовь сдѣлала моею владычицею, что она не мыслитъ такъ низко. Нѣтъ. Ежели нѣкогда она меня выслушаетъ, то безсомнѣнія скажетъ мнѣ: „Торкватъ!

„есть въ сердцѣ человѣческомъ склонность,
„равняющая всѣ состоянія: ты такъ ве-
„ликъ, что не можешь опасаться отказа.
„Одна и таже вѣтвь увѣнчиваетъ царей и
„стихотворцевъ; но стихотворцы дѣлаютъ
„безсмертными царей." —

И я не буду любить душу толь чистую и благородную? Я! — всегда.

БДѢНІЕ V.

Придворный человѣкъ, поди сюда.. Скажи мнѣ; да будь чистосердеченъ. Для шого ли шы единсшвенно при государѣ своемъ служишь, чшобъ выманишь изъ рукъ его какую нибудь милосшь? —

Я служу при немъ по исшинному чувсшвованію моей къ нему привязанносши. *Альфонзъ* шаковъ, что есшьли бы онъ и не былъ богашѣйшимъ и сильнымъ государемъ, шо и шогда бы возбуждалъ къ себѣ любовь. —

Такъ шы его любишь?

Да конечно. —

Чшожъ шы любя для него дѣлаешь? —

Сшараюсь службою моею угождашь ему.—

Ты хорошо посшупаешь. — Я не шакой придворной, какъ шы, но дѣлаю больше: гошовлю ему непоколебимое мѣсшо въ вѣчномъ храмѣ безсмершія, подлѣ героевъ? —

Но прежде самому себѣ гошовишь. —

Между мною и шобою нахожу я разносшь, и превеликую: — шы послѣдуешь за Государемъ своимъ и служишь ему съ шою главною надеждою, чшо онъ сосшавишъ швое щасшіе. Я могъ бы не сдѣлашь его соучасшникомъ шой славы, кошорую гошовлю для себя. Онъ не плашишъ мнѣ за шо, и всего царсшва его было бы мало для заплашы за сіе.

Мнѣ кажется ты дорого цѣнишь свой трудъ. Но для чегожъ не просишь ты за него награды? —

Лукавецъ! я худо сдѣлалъ, что позвалъ тебя разговаривать съ собою. Ты не можешь быть моимъ судіею. Поди. Я не хочу больше бесѣдовать съ тобою.

Онъ ушелъ. — Услуга моя добровольная. Я не требую чиновъ, имѣнія. Какая мнѣ въ нихъ нужда? одно мнѣ надобно: то, о чемъ печальное сердце ежеминутно мнѣ напоминаетъ; то, безъ чего жизнь моя давно бы мнѣ наскучила, и я давно бы ужè былъ между. . . .

Ты одна удерживаешь меня, о сладкое души моей мученіе! и ты главная причина толикаго усердія моего къ обладающему надъ нами.

Но гордость людей великихъ презираетъ сей родъ уваженія. — Бѣда, ежели бы я открылся! — Государственное дѣло, преступленіе. . . . Преступленіе непорочная склонность, нѣжнѣйшее чувствованіе!

Не думаете ли вы стяжать оное оружіемъ, златомъ? или не находите въ томъ нужды? — вы безумны.

Природа всѣмъ дала одну душу и чувства. Ложные уставы перемѣняютъ вещи, но единственныя силы ума и сердца отличаютъ насъ.

О! почто родилась она въ вѣкѣ толико испорченномъ? почто невинный разумъ ея долженъ пить изъ источниковъ толь нечистыхъ? молю небо о благопріятной минутѣ увидѣться съ нею, открыть ей. . . .

Ахъ! злополучный. Когда минута сія придетъ, она не будетъ ужѐ такова, какою ты ее воображаешь. Величество и льстецы заразятъ непорочную душу ея. Она̀ станетъ любить: но не будетъ ужѐ любви моей достойна.

Праведное небо! какой злой духъ внушилъ мнѣ сіе черное подозрѣніе? — Добродѣтель ея непоколебима. Да придетъ желанная мною минута!

БДѢНІЕ VI.

Враги славы моей нападаютъ на меня злобно. Шумъ ихъ несется по берегамъ Арны и распространяется во всю Италію. Я въ семъ преніи буду побѣдитель. Повергну ихъ и низложу. Правость дѣла моего мнѣ извѣстна. *Іерусалимъ* мой восторжествуетъ надъ завистію и временемъ.

Но увы! другая величайшая потеря угрожаетъ мнѣ. Сердце мое стоило бы всякаго таланта и всякой поэмы. Въ нынѣшнія времена такъ трудно найти подобное моему сердце, какъ трудно было написать поэму достойную быть соперницею *Энеидѣ*.

Кто уважаетъ сердце по надлежащему? есть даже и такіе люди, которые ругаются надъ нимъ. О злополучныя времена! Спрашиваютъ съ безстыдствомъ, да къ чему оно; особливо ежели ты не Князь. И когда ты съ жаромъ сердца нѣжнѣйшаго, чувствительнѣйшаго, ищешь любви высокой родомъ женщины, зубоскалы придворные называютъ тебя дуракомъ.

Ахъ! Торквато, что дѣлать? въ споръ съ ними конечно ты не вступишь. Превеликія опасности окружаютъ тебя; дѣла своего не можешь ты защищать, какъ только внутри себя самаго. Люди суть бѣше-

ныя поклонники боговъ, которыхъ они въ своенравіи своемъ создали. —

Она также божество для меня. Но мое поклоненіе не такое, какъ тѣхъ, которые при дворѣ ползаютъ.

Боже всесильный! сдѣлай ее простою сельскою дѣвкою. Тѣ, которые сегодня терзаютъ меня, за чѣмъ я обожаю ее, завтра безстыдно презрятъ, отступятся отъ нее, совсѣмъ оставятъ.

Но въ моемъ сердцѣ она ничего не потеряетъ. Получитъ еще новое достоинство, потому что внѣ опасности отъ соблазновъ, надежнѣе полагаться будетъ на свою добродѣтель. —

О! какою тогда еще любезнѣйшею красотою сіяла бы она посреди безхитростныхъ прелестей простой природы! подъ стопами ея распускались бы всѣхъ временъ года цвѣты; прозрачные и чистые ручейки, остановясь въ теченіи своемъ, бѣжали бы ближе къ ней въ жадной надеждѣ, что она къ нимъ прикоснется; легкіе весенніе вѣтерки ласково играли бы вокругъ нее; лѣсныя птички пріятными своими пѣніями старались бы услаждать слухъ ея; простосердечныя овечки, любуясь прекраснымъ ея станомъ и лицемъ, около нее бѣгали бы и блеяли. Деревенскіе жители почитали бы ее, любили, обожали, носили бы на рукахъ.

Любезное имя ея, повторяемое изъ устъ въ уста, достигло бы въ скучный городъ и ко двору. Придворные забыли бы тогда безумную гордость, которую теперь идоломъ своимъ ставятъ; и почему знать, чтобы тотъ пышный и великій, кто съ высоты изобилія и могущества своего весь остатокъ свѣта за ничто почитаетъ, не сталъ стараться удостоиться любви простой этой дѣвки! Царедворцы льстецы стали бы рукоплескать сему выбору, сказали бы.... чего придворные лжецы не сказали бы для угожденія страсти сильнаго?

Но тщетно! женщина эта моя, вся моя. Она не знаетъ, что такое духъ тщеславія; никогда не напыщалась имъ. Она знаетъ только правоту сердца, нелицемѣрность склонности, чистоту чувствованія. Имѣете ли вы подобныя сему блага? естьли не имѣете, подите прочь, недостойные! но у васъ нѣтъ ихъ, точно нѣтъ, мнѣ это извѣстно; я жилъ съ вами: я знаю васъ. О! какъ знаю! — и она васъ также знаетъ: воспитанная между вами, она съ омерзѣніемъ и ужасомъ помнитъ гнусныя ваши наставленія.

Да хотя бы вы и въ состояніи были показать достойныя ея добродѣтели, однако все трепещите. Вамъ предстоитъ страшный соперникъ — я. Такъ! я выду, и стану

съ вами спорить о побѣдѣ. Я всегда ненавидѣлъ ваши хитрости. Я никогда сердцемъ моимъ не торговалъ. Я въ любви не ищу ничего кромѣ любви — вы подчиняете любовь другимъ видамъ; и естьли сила склонности на краткое время и овладѣетъ вами, вы не умедлите ослабить оную.

Но увы! она не выходитъ изъ чертоговъ Княжескихъ; не удаляется отъ блеска величія, въ которомъ родилась! и я, нѣтъ, не буду имѣть желаемаго утѣшенія. Я нещастный!

Между тѣмъ какія жестокія обстоятельства! война воздвигнутая противъ моей славы дѣлается опасною для моей любви. Она услышитъ толки, хулы; и кто знаетъ, можетъ быть вмѣстѣ со врагами моими будетъ надо мною смѣяться. —

Нѣтъ, душа у ней не такая низкая. — Разгонимъ сей рой шмелей. Отмстимъ, о Торквато, за нападеніе на славу нашу! можетъ быть въ тоже время и за любовь нашу отмстимъ. — Возьмемъ перо.

ВДѢНІЕ VII.

Нѣтъ, врачъ. Не твоего искуства дѣло вылѣчить меня отъ этой горячки. Ты худо видишь; или признаки ея обманчивы. Великъ огонь, во мнѣ пылающій! Не думай, чтобъ пойлами своими ты потушить его могъ. Хотя бы я выпилъ Эриданъ *); мнѣ отъ того не будетъ легче.

Ты говоришь, что отъ этой горячки подъемлются пары, отъ которыхъ разумъ мой часъ отчасу больше помрачается. Что! развѣ ты думаешь, что я съума схожу? ты клевещешь. Умъ мой такъ твердъ, какъ только можетъ быть у человѣка. Онъ весь устремленъ на одинъ предметъ. — Ахъ! ты не знаешь какой предметъ разсматриваетъ онъ, и съ какимъ вниманіемъ. —

Возведи глаза твои въ полдень середи лѣта на солнце: смотри пристально: впусти въ зеницы твои необъятную свѣта его пучину: ты тотчасъ ослѣпнешь; не увидишь вокругъ себя ничего другаго.

Вотъ что происходитъ со мною. Весь я, всѣ мои чувства напоены тою, кѣмъ я дышу: а не умомъ боленъ, какъ ты говоришь. — Итакъ побереги стараніе твое и науку твою, коли она у тебя есть, для

*) Эриданъ или *По*, большая рѣка въ Италіи.

шѣхъ бѣдныхъ, кошорые лежашъ въ посшелѣ. Ты никого не видалъ здоровѣе меня.

Можешъ ли одержимый болѣзнію шакъ любишь, какъ я? я весь въ ней; не вижу никого, кромѣ ее; не ищу никого другихъ.

Осшаньше меня, жесшокіе, въ моемъ благополучіи. Шагъ одинъ назадъ, и шогда можешь шы упошреблять швое искусшво. — Но шогда помощь швоя безполезна будешъ. Я умру.

БДѢНІЕ VIII.

Я не упрямъ. Слушаюсь разсудка, и слѣдую ему. Перемѣню заглавіе. Поэма моя будетъ также и послѣ этой перемѣны. Сего дня по утру разсматривалъ я сдѣланныя мнѣ возраженія. —

Не думай однакожъ, божественная женщина, чтобъ во время занятія моего ученостію не сохраняла ты мѣста своего въ моей памяти. Какая сила можетъ изгнать тебя оттуда, гдѣ ты одна сидишь и владычествуешь?

Нѣтъ, не лгу и не увеличиваю. Увеличиваютъ простые любовники, для того что простымъ пламенемъ горятъ. Моя страсть небесная. Богъ природы! ты, ты самъ, твоя всесильная рука вложила ее въ душу мою. Начертала глубочайшими чертами: онѣ врѣзались въ самые сокровеннѣйшіе изгибы сердца моего. Погибнетъ сердце мое, но прежде его любовь моя конечно не погибнетъ.

Чѣмъ больше разсматриваю я мое сочиненіе, тѣмъ больше воспламеняюсь тобою: тебя я вижу въ *Софроніи*, тебя въ *Эрминіи*, тебя въ *Клориндѣ*, и даже, прости мнѣ, нахожу тебя въ самой *Армидѣ*. Армида лукава; но она прекрасна, и у ней есть

сердце; и этого сердца, этой красоты, довольно для пламенной любви моей.

Я встаю потомъ, и самъ у себя спрашиваю, откуду взялъ я разныя изображенія толь прекрасныхъ женщинъ. Спрашиваю: ежели онѣ хороши, чтожъ та, которую я чуть только обвелъ, чуть тѣнь ея означилъ? —

Какъ бы ни были благообразны тѣ, которыхъ воображеніе мое описало, я отдаю ихъ другимъ. — Себѣ оставляю небесный образецъ. Да! себѣ. Кто можетъ спорить о томъ со мною? естьли такая на свѣтѣ сила? не вижу ее. Я всякой силы превыше. Но ежели бы насильство устремилось. . .

Къ чему нить жизни моей привязана? Одинъ ударъ — и я могу сдѣлать его во всякую минуту. Не думаешь ли ты, что я оробѣю? Отними надежду, и увидишь. —

Слава можетъ повелѣть мнѣ жить. Слава великую имѣетъ власть надъ душами выспренними. Мнѣ кажется я ужѐ стяжалъ оную: и естьли зависть сегодня возбраняетъ мнѣ насыщаться ея плодами, завтра всѣ ея коварства истощатся. Я восторжествую.

Ты теперь одна подкрѣпляй душу мою. Мысль тебя увидѣть, говорить съ тобою, умилить тебя; сія одна мысль составляетъ всю жизнь мою. Она пребудетъ не отлучно

во мнѣ, гдѣбъ мнѣ случай, или чья воля, ни повелѣла жишь. Кшо можешъ вложишь руку свою въ душу мою, и вынять изъ ней сію мысль? Всякая сила лишь больше укоренишъ ее во мнѣ. Ушомлю всѣхъ мучишелей и всѣ бѣдсшвія.

Но ежели бы шакой звѣрской умыслъ могъ сшашься, скажи — съ какимъ сердцемъ смошрѣла бы шы на шо? —

Увы! знаешъ ли она всѣ прешерпѣваемыя мною нещасшія? знаешъ ли, что ею, ею одною наполненъ я; для ней одной живу? — Ахъ! она эшого не знаешъ.

О пресильнѣйшая и пренещасшнѣйшая сшрасшь! на что жъ я снѣдаюсь? По крайней мѣрѣ другіе за долгія сшраданія свои могушъ неблагодарную любовницу свою упрекашь жесшокосшію. Раскаяніе ея, или воображеніе, что совѣсшь угрызаешъ ее, служишъ имъ нѣкоторымъ ушѣшеніемъ. Душа раздраженная ошказомъ услаждаешся месшію презрѣнія: послѣднее средсшво любви нещасшливой и непреодолимой. Я не могу имѣшь сей ошрады; не могу воспользовашься симъ средсшвомъ; нѣшъ. —

Но участь обыкновенныхъ любовниковъ не должна бышь моею учасшію. Царсшвующая въ душѣ моей шакъ велевыспренна, что подобная ей никогда не царсшвовала

въ сердцѣ человѣческомъ. Все ново; все велико.

Сія мысль даетъ мнѣ новыя, высокія силы. —

ВДѢНІЕ IX.

Стихотворцы имѣютъ привычку клеветать на женщинъ. Частыя жалобы ихъ то доказываютъ. — Они имѣютъ еще другой порокъ. Безславятъ таинства любви, — знаешь ли для чего? Для того что склонности ихъ низки. —

Торквато не таковъ. Не опасайся его, безподобная женщина. Ахъ! познай меня, и дерзай смѣло.

Я всталъ рано поутру. Хотѣлъ идти къ тебѣ. Кто возбранитъ мнѣ путь? Я спросилъ бы о Елеонорѣ: сказалъ бы ей . . . . . . то, что отчаянный человѣкъ сказать можетъ. Не ужъ ли бы она была такъ жестокосерда? — Елеонора! уже нѣсколько мѣсяцовъ, давно, весьма давно! Зеницы мои не смыкаются. Сердце мое безпрестанно трепещетъ. Безпокойство, тоска. . . . . О какое мученіе! я не могу больше, не умѣю тебѣ пересказать. — Жаръ поднимается изъ груди въ голову. Посмотри какіе у меня огненные глаза! посмотри какъ я весь горю!

Ахъ! это она? — Шумъ этотъ — тише! чтобъ она не испугалась; чтобъ не ушла назадъ, узнавъ, что здѣсь мущина! — Знаю: никто не долженъ сюда входить. Но этотъ законъ не для меня, Елеонора.

Знаешь ли ты горячую любовь мою? Знаешь ли, что нѣтъ въ сердцѣ моемъ ни одной жилки, на которой бы любовь не напечатлѣла твой дражайшій образъ? — Скажи ей — поди, Елеонора, поди. Я буду дожидаться здѣсь до вечера, весь день, весь годъ . . . . цѣлой вѣкъ; лишь только бы она пришла, лишь только бы мнѣ ее увидѣть, поговорить съ нею.

Елеонора! не уподобься ты мучителямъ; не сдѣлайся богоненавистною преступницею! Страшись мщенія любви. Ты лучшее дѣло ея испортишь. —

Елеонора сжалься надо мною. Она входитъ. О какъ пристально глаза мои на нее смотрятъ!

Сердце у меня бьется. Малѣйшій шумъ производитъ во мнѣ трепетъ, содроганіе— я горю, леденѣю.

Назадъ идетъ! Нѣтъ, это не Елеонора.

Слуга досадный сходитъ съ потаенной лѣстницы, ведущей въ комнаты къ той, которую я обожаю. — О ежелибъ могъ я надѣть платье твое, человѣкъ, не знающій блага, какимъ ты наслаждаешься! Какими дѣлами удостоился ты жить подлѣ нее? Ты по истиннѣ щастливъ. Всякую минуту видишь ты ея небесное лице; слышишь сладкій голосъ ея; дѣлаешь ей тьмы услугъ,

когда она тебя позоветъ. Уступи мнѣ свое мѣсто.

Слуга проходитъ безмолвенъ, и Елеонора не является. О горе! долго ли снѣдаться мнѣ суетными желаніями? долго ли судьбу имѣть врагомъ? Всякъ отвергаетъ мою прозьбу; никто не хочетъ слушать моихъ жалобъ!

Ахъ! приди на помощь ко мнѣ, о ты, высокая вина моей печали. Твое это дѣло. По какому праву могу я жаловаться на Леонору, естьли она ужѐ знаетъ, что склонность моя не къ ней? Вся къ тебѣ, ты одна владѣешь ею, тебѣ должно подвигнуться на жалость. — Развѣ высота породы увольняетъ тебя отъ благодарности? Божè мой! не ужъ ли послѣдуетъ она ученію безчеловѣчной гордости? Нѣтъ! но гордость держитъ ее въ оковахъ. Эхъ! что въ томъ что цѣпи ея златыя? меньше ли онѣ суть орудія власти?

Боже всемогущій! Благодарю тебя что я родился не въ такомъ высокомъ состояніи. Я бы тогда былъ узникъ; не могъ бы располагать нижè сердцемъ моимъ — нижè сердцемъ!

БДѢНІЕ X.

Почшо упоенный прошивъ меня ядомъ желчи, о злодѢй, не пронзилъ шы кинжаломъ сердца моего, когда преисполненный дружелюбивыхъ чувсшвованій былъ я одинъ съ шобою и держалъ шебя въ моихъ объяшіяхъ, почишая шебя часшію самаго себя? Ты бы шогда былъ шолько убійца; мнѢ бы не приключилось ничего, кромѢ смершн. — Люшый человѢкъ! Ты вышелъ изъ круга возможносши, въ какомъ на земли до нынѢ позволялось бышь пресшупникамъ — и вышелъ единсшвенно для моей пагубы.

НѢшъ, божесшвенная женщина, усша мои никогда оскорбленіемъ имени швоего, никогда поруганіемъ любви моей не осквернялись. — Кшо могъ шоликой шайны бышь досшоинъ?

Дружба имѢешъ великіе права — шакъ: во всемъ, кромѢ любви. И можешь ли шы подозрѢвашь меня, чшобъ гордящійся шѢмъ, чшо шакъ высоко возносишъ меня надъ смершными, упалъ я въ шоликую низосшь, чшобъ сообщашь оное другому человѢку! Солгалъ, кшо сказалъ эшо — Онъ измѢнникъ.

И лицемѢрилъ въ дружбѢ, и нарицалъ себя хранишелемъ шайны. — И поблѢднѢлъ, когда оружіе праведнаго мщенія предъ очами его засверкало; и не иначе спасся, какъ

чрезъ новую подлость — наслѣдіе безчестной крови его!

Но что мнѣ въ томъ! — Отчужденный отъ общества людей. . . . Вверженный въ сіе жилище крайняго злополучія . . . басня и посмѣшище подлыхъ царедворцевъ. . . . Пища гнѣва многосильнаго, который прежде былъ моимъ покровителемъ — но все то еще ничто. — Она . . . сердита на меня. . . на меня! — Ты!

Ахъ! я прощаю тебѣ. Чудное дѣло. Вотъ какъ велико мое нещастіе! уста молчали! я оклеветанъ. Но сердце горитъ, и клевета не солгала. Приди, приди сюда. Я буду нѣмъ предъ тобою. Зеницы очей моихъ не изъявятъ ни малѣйшаго движенія; сердце мое скроетъ въ себѣ всякое трепетаніе. . . Ахъ! только бы умереть у ногъ твоихъ — загладить предъ тобою вину мою, буде есть оная. . . .

Но какая же вина моя? — одна только — Елеонора! вина ли тебя любить? — о! Тассъ!

Ахъ! безсомнѣнія сердце твое питаетъ въ себѣ совсѣмъ иныя чувствованія: и взоръ твой, которой одинъ управляетъ моею надеждою, будетъ опять веселъ. Ежели взоръ сей воспріиметъ паки свое веселіе, я буду посредѣ жестокихъ бѣдствій моихъ благополучнѣйшій изъ человѣковъ.

Она идетъ. — Сіи чаще и чаще умножающіяся біенія моего сердца суть вѣрные предвѣстники ея прихода.

Ахъ! мы оба нещастливы, и отъ неба великому искушенію преданы. Однакожъ не унывай, высочайшая всѣхъ чувствъ души моей обладательница. Перемѣнится состояніе толь ужасное. Какимъ образомъ можетъ угнѣтающая нынѣ насъ судьба сдѣлаться еще жесточе?

О Боже! увы! . . . блѣдна . . . . власы растрепаны . . . . уста содрагаются . . . . очи . . . . о какія очи! — нѣтъ, не могу больше переносить сего зрѣлища.

Поди. — Полно съ меня. Хорошо: завтра будешь покойна. Завтра не найдешь ты на земли нещастнаго причинителя твоихъ мукъ. — Справедливо.

Да возвратится потомъ покой въ твое сердце! да оживитъ онъ по прежнему божественныя твои черты! онѣ единыя оправдаютъ нещастнаго. . . .

ВДѢНІЕ XI.

Не остается ни тѣни надежды. — Жестокіе! возбранять мнѣ даже видъ дворца! по этому вы знаете на какую высоту возводилъ я глаза мои?

Однакожъ въ нещастіи моемъ вкушаю я великую отраду. Боятся: — стало быть сердце ея не равнодушно ко мнѣ? ахъ! такъ. Видно взыванія мои даже до ушей ея проникли. Она знаетъ мою любовь! мои восторги! — ежели знаетъ, сжалится надъ ними.

Я больше не желаю. Стану пребывать далеко отъ стѣнъ сихъ. Но буду въ стѣнахъ сихъ торжественно жить въ памяти ея. Она скажетъ: *бѣдной Торквато!* — и можетъ быть между тѣмъ какъ я здѣсь предаюсь любви моей къ ней, она равною склонностію соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. — Ободримся! любовь преодолѣваетъ великія препятствія. И почему знать, можетъ быть готовятся щастливыя для насъ перемѣны!

Безумный! куда дерзаю летѣть воображеніемъ моимъ? чего требую? чего надѣюсь? ничего — ничего. — Невидать мнѣ ее больше. Не говорить никогда съ нею. Ей не извѣстны мои чувствованія и мои страданія. Кто могъ ее о томъ увѣдомить?

кто? — бываешь ли другъ при дворѣ? всѣ корыстолюбцы. Всѣ таятъ правду. И какъ скоро сдѣлаешся кто нещастливъ, всѣ оборачиваются къ нему спиною. Много видѣлъ я тому примѣровъ. Не могу самаго себя обманывать. —

Погибъ я . . . . погибъ невозвратно! не остается ни тѣни надежды. Чтожъ намъ дѣлать, Торквато? —

БДѢНІЕ XII.

Причиною нещастія моего заговоръ противъ меня моихъ враговъ. — Но они не могли любовію моею приключить мнѣ вредъ: они не знаютъ о ней. Какъ имъ знать, когда я такъ ревностно храню ее во глубинѣ души моей? Торквато! не открылся ли ты въ томъ кому нибудь? берегись: во всякомъ человѣкѣ подозрѣвай измѣнника; ты же много обманешься. И въ какую заслугу поставилъ бы себѣ тотъ, кто бы выманилъ изъ меня сію тайну, чтобъ меня убить! да, чтобъ убить меня, злодѣй! — я слышу голосъ блѣднаго лицемѣра. Шепчетъ государю на ухо. Довольно первыхъ словъ, чтобъ подвигнуть его на гнѣвъ. Тотчасъ ищутъ, спрашиваютъ. . . . . Я погибъ!

Ну чтожъ! погибну. Погибалъ ли кто когда за причину лучшую моей? внѣ двора тьмы людей честныхъ и жалостныхъ отдадутъ справедливость моему сердцу.

Онъ былъ первый изъ стихотворцевъ вѣка своего, скажутъ. *Воздвигъ въ новой Италіи памятникъ ума, которымъ она столько же какъ и древняя можетъ хвалиться. Естьли же высоко потомъ вознесъ любовь свою, онъ имѣлъ всякое на то право: сердце его долженствовало идти рядомъ съ его умомъ.*

Жестокосердые исполнители несправедливых повелѣній! идите взять меня подъ стражу. Я не буду противиться насилію вашему. Совокуплю всю силу въ сердцѣ моемъ, чтобъ еще больше любить почтенную и милую особу, живущую въ мысляхъ моихъ. — Вотъ они, жестокосердые! отворяютъ двери.

О ты, невинная золъ моихъ вина! по крайней мѣрѣ хотя бы ты могла взглянуть на недостойные поступки съ человѣкомъ, которой тебя обожаетъ!

БДѢНІЕ XIII.

Я бросаюсь съ постели. Отпираю замокъ у дверей. Не хочу упустить ни одной минуты! Дверь эта должна тотчасъ при появленіи ея раствориться настяжь.

О Торквато! что скажешь ты, когда она вступитъ въ эту комнату?

Что я скажу? я! — брошусь къ ногамъ ея: умру предъ нею. — Да: умру; умру. — Что мнѣ другое сдѣлать? что могу я сдѣлать лучше? тогда ужѐ никакого превосходнѣйшаго блаженства не останется мнѣ ожидать. Умру. — О радостная смерть послѣ самаго величайшаго удовольствія!

Принесу ей мою благодарность. — Сколько разъ молилъ я небо о ниспосланіи мнѣ сего мгновенія! божественная женщина! и такъ ты почувствовала жалость къ вѣрному твоему обожателю! кто сказалъ тебѣ о моей любви? —

Что я говорю? кто сказалъ ей?

Да развѣ не изображена любовь сія на всемъ томъ, что меня окружаетъ? развѣ не написана она въ очахъ моихъ, на челѣ моемъ, во всѣхъ моихъ чертахъ и движеніяхъ? — мои слова, мои вздохи, самое молчаніе мое, такое глубокое, такое долгое, не являютъ ли ее? воздухъ, воздухъ, толь долговременный свидѣтель моихъ чувствованій,

моихъ стенаній, моихъ жалобъ; да, воздухъ, разстилающійся даже до высоты ея чертоговъ, тотъ самый извѣщалъ ее о моемъ состояніи.

Ахъ! ежелибъ ты умедлила придти, божественная женщина, ты бы не застала меня живаго.

Она отверзаетъ уста. Говоритъ мнѣ. — Молчите, завистливые шептатели! дайте насытиться мнѣ сладкимъ звукомъ каждаго ея слова. — Увы! дверь еще затворена. Замокъ этотъ неподвиженъ. — Отъ чего она ушла? кто не пустилъ ее сюда? ой мнѣ! ой мнѣ! я не вижу ее больше! не увижу больше — какое молчаніе!

ВДѢНІЕ XIV.

Я умру: умру: точно это знаю. — Бросьте меня . . . . куда хотите. Что мнѣ до того?

Нѣтъ, нѣтъ . . . . похороните бѣдные остатки сіи въ придворной церквѣ. Подите къ Государю своему. Скажите ему: *Тассъ желалъ сего*. Онъ исполнитъ мою прозьбу. Воли мертвыхъ священна.

Тамъ желаю я быть погребенъ, тамъ. Она благочестива; она обыкновенно бываетъ въ церквѣ на хорахъ, откуда безъ всякаго отъ другихъ примѣчанія можетъ смотрѣть на все то, что внизу поставлено. Такъ точно. Она примѣтитъ мѣсто, гдѣ я буду положенъ. *Здѣсь лежитъ Тассъ.* Буквы будутъ большія. Велите каменосѣчцу сдѣлать ихъ такія, чтобъ съ верху можно было прочитать.

Знаешь ли ты, кто этотъ бѣдной, которой тутъ лежитъ? не приводи себѣ на память стиховъ его. Вспомни лучше любовь, ту любовь нещастную, которая свела его во гробъ. Ты была тому виною, ты! онъ никого кромѣ тебя не любилъ. Тебя одну любилъ; и о! какъ любилъ: умеръ отъ того!

Ахъ! ежели жалость возопіетъ въ тебѣ; ежели внушитъ какую молитву о моемъ покоѣ — смотри! —

Какой покой можешъ имѣшь злополучный, не имѣвшій его никогда на земли? говорятъ будто душа уноситъ съ собою послѣднія чувствованія, при которыхъ смерть ее застанетъ, и будто онѣ ужѐ во вѣки пребываютъ съ нею. — Видѣть тебя, говорить тебѣ о любви моей, были послѣднія мои чувствованія. Итакъ душа моя не будетъ имѣть другихъ. И я не буду больше существовать, не буду видѣть тебя, говорить съ тобою. Напрасно будешь мнѣ просить покоя.

Ахъ! я брежу. О! да, да; проси мнѣ покоя. Набожность твоя да испроситъ мнѣ его. Тобою только могу я получить оный. — Я могъ бы имѣть его и въ жизни моей, ежели бы ты хоть однажды ласково на меня взглянула!

Праведное небо! услыши молитву души ея. Даруй мнѣ то, о чемъ она тебя молить станетъ. Вѣрность моя будетъ увѣнчана.

БДѢНІЕ XV.

Скажи мнѣ ты, приставленный стеречь меня, словно какъ бы я былъ государственный преступникъ, осужденный на позорную казнь; скажи мнѣ: знаешь ли ты, любитъ она меня? я люблю ее. Люблю свыше всякой силы человѣческой.

Ты это примѣтилъ. Когда ты спрашиваешь у меня, не надобно ли мнѣ чего, и я тебѣ не отвѣчаю: тогда я разсматриваю образъ ея; тогда пью блаженство мое изъ божественныхъ очей ея, которыя ей одной даны.

Ты смотришь съ удивленіемъ. А! ты можешь быть равнодушенъ? нещастный! ты не видалъ ее никогда. Ты не знаешь высокихъ ея достоинствъ. Душа твоя не способна возвыситься до ней. — Далеко отъ того. Небо сотворило двѣ души, двѣ только: ея и мою. Онѣ обѣ созданы съ тѣмъ, чтобъ понимать другъ друга и любить.

Что я говорю? любить другъ друга. Моя душа вся въ ней.

Не говори мнѣ ни о чемъ другомъ. Не спрашивай что мнѣ надобно. У меня нѣтъ никакой надобности, кромѣ одной, быть увѣрену въ ея любви.

Докучникъ ушелъ. Хорошо сдѣлалъ. Присутствіе его начинало мнѣ быть въ тя-

гость. Онъ не стоитъ того, чтобъ я открылъ ему мой пламень.

Теперь, когда онъ ушелъ, будь веселъ, Торквато; и дай свободу сердцу своему. Здѣсь нѣтъ свидѣтелей, могущихъ тебѣ измѣнить.

О! ежели бы у меня хотя одинъ былъ вѣрный, жалостливый другъ! О! ежели бы видя горькое состояніе мое изъ человѣколюбія далъ ей знать о томъ! — но я пойду самъ сказать ей: — видишь ли ты? — грудь моя не имѣла прежде такой глубокой внутрь меня впадины; ребра сіи не были такъ высунувшись, какъ нынѣ. Я не мучился такими частыми, такими смертельными трепетами. Ты это сдѣлала, да, все ты; и я радъ этому, и былъ бы нещастливъ, естьли бъ это было не такъ, и естьли бъ это было не для тебя. —

Скажи мнѣ: ты не сердишься на мою прозьбу! не отвергаешь моего сердца!

Какъ отвергать такое сердце, какъ мое?

БДѢНІЕ XVI.

Покидаю берега *По*. — Пойдемъ Торкващо подъ другое небо, меньше для любви нашей зловредное. Здѣшнее мѣсто преисполнено нещастій. Можетъ быть не баснь що, что стихотворцы о немъ сказали.

Уйдемъ изъ города лукаваго, отъ двора лукаваго, отъ жены лукавой . . . да, и она также, и она лукава! обѣщала мнѣ . . . . я самъ слышалъ это, самъ слышалъ. — Я былъ здѣсь — она была тутъ — мы смотрѣли другъ на друга — я пламенными взорами; она взорами ласковыми и стыдливыми, какъ прилично дѣвѣ и красотѣ небесной.

Я повѣрилъ ей: повѣрилъ моему желанію — не словамъ ея, которыя были кратки, и были такъ тихи, что голосъ не могъ дойти до ушей моихъ. Но сердце мое было мнѣ вмѣсто чувствъ. Сердце мое все собрало, все выразумѣло.

Бѣдное сердце! видишь какъ она тебѣ измѣнила! — ахъ! нѣтъ, не она, не она мнѣ измѣнила. Я самъ себѣ измѣнилъ. Не должно ли было мнѣ прежде подумать? не должно ли было разсудить, что тамъ въ высокихъ чертогахъ не такія души, не такая вѣрность, какъ въ нашихъ домахъ? — воздухъ тамъ ядовитый; и она отъ самыхъ пеленъ

все имъ дышала. Мнѣ бы надлежало знать это. Я понадѣялся . . . . легковѣрный!

Но я отомщу. Да твердится сія измѣна, такъ! да твердится цѣлой вѣкъ, два вѣка, десять вѣковъ. — Она, царедворцы ея, будутъ прахъ; а я буду жить, и вострублю измѣну ея во всю вселенную.

Прости, жилище неправды! не надлежало бы ногѣ моей быть въ тебѣ. Я виноватъ. Изглажу мою вину. Никогда не возвращусь сюда больше.

Можетъ быть, какъ я удалюсь, пожелаютъ меня увидѣть. Безполезное желаніе! изгоню тогда изъ сердца моего сію жестокую змію, сосущую его теперь. Буду нынѣшнюю печаль мою считать видимымъ во снѣ кораблекрушеніемъ, о которомъ въ вечерней бесѣдѣ со смѣхомъ расказываютъ. Рѣшился. Не перемѣню.

Отоприте двери. Я иду далеко отсель.... да, весьма далеко . . . . гдѣ бы имени ея не было слышно: гдѣ бы никто не напомнилъ мнѣ о ней. — Отоприте.

БДѢНІЕ XVII.

Я видѣлъ сонъ. Какой ужасный сонъ увы! да не увижу шого на яву! — шщешное моленіе.

Вошъ она, хладный шрупъ, простершый на одрѣ. Увы! что сталося съ очами ея, съ сими очами, которыя были свѣтозарные лучи, дарующіе жизнь всему, на что ни посмотрятъ? — закрыты рукою смерти. Не откроются больше, ахъ! никогда не откроются. — Дайте мнѣ омыть ихъ моими слезами. Можетъ быть слезы мои . . . . любовь не одинъ разъ дѣлала чудеса. —

Ахъ! зеницы мои сухи: печаль окаменила въ нихъ слезы.

Чѣмъ же возвращу тебѣ жизнь? кому говорю? чѣмъ громче хочу сказать, тѣмъ тише становится голосъ мой. Грудь мою жметъ желѣзная рука. Смертная тоска задушаетъ меня. Ахъ! никто меня не слышитъ.

О дражайшая, съ толикою горячностію любимая мною! ты преставилась! и такъ скоро! и въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ отнята у меня!

Протяни ко мнѣ руку изъ гроба. Будь по крайней мѣрѣ теперь благосклонна. Я готовъ сойти къ тебѣ.

Люди ужасаются смерти; а я нѣтъ, когда она соединитъ меня съ тобою, кого я одну любилъ, для которой одной жизнь моя была мнѣ сладка.

Мертвые не слышатъ; и сила свыше человѣческой отрѣваетъ меня.

Боже всемогущій! прошу смерти. Прошу того, чему неминуемо подвергъ ты всякое дыханіе. Возможно ли, чтобъ ты отказалъ мнѣ даже въ смерти? по этому вовся отвратилъ ты слухъ свой отъ Тасса! —

Я просыпаюсь. — Волосы мои стоятъ дыбомъ; чело мое все окроплено холоднымъ потомъ; глаза мои . . . . грудь моя . . . . до какой степени можно страдать во снѣ!

Отврати отъ меня взоры свои, ты, который стоишь безмолвно и съ удивленіемъ на меня смотришь. Ахъ! ты не знаешь смертельнаго сердца моего томленія! не знаешь до какого верха нещастія достигъ я! поди.

Нѣтъ, нѣтъ: останься. Самому мнѣ надобно къ этому ужасному освѣдомленію приступить. Самъ пойду. Самъ спрошу. Найду кого нибудь, кто бы о ней меня извѣстилъ. — О ужасъ! ежели зловѣщій этотъ сонъ . . . . ой мнѣ! силъ лишаюся . . . . не могу. . . . .

БДѢНІЕ XVIII.

Какой ясный день! какое свѣтлое солнце! о! какъ великолѣпна сего дня съ сей высоты представляется взорамъ моимъ Феррара!

Торквато! такой же былъ прекрасный день, какъ ты увидѣлъ ту, о которой сердце твое вздыхаетъ. Солнце также сіяло!

Въ тотъ день весь городъ праздновалъ, Государь нашъ ѣздилъ по широкимъ улицамъ на престатномъ конѣ, изъ чужихъ странъ присланномъ. За нимъ ѣхало множество сопровождателей, и ты былъ не послѣдній изъ числа оныхъ.

Мы вошли въ великолѣпные покои. Тамъ былъ собранъ весь цвѣтъ прекраснѣйшихъ придворныхъ женщинъ. Сколько ихъ! красота, любезность, прелести . . . . все было соблазнительно.

Одну между всѣми я отличилъ, одну, которая всѣхъ превосходила. Я вдругъ почувствовалъ, что душа моя въ необыкновенной сладости утопаетъ. Глаза мои не могли оторваться отъ ней ни на одно мгновеніе.

Праведное небо! можетъ быть я обманулся. Но не правда ли, что она примѣтила? какъ могъ я скрыть отъ ней мое удивленіе и торжество ея!

Съ шѣхъ поръ страшное смятеніе овладѣло моими чувствами. О какія безпокойства! какое шумное стеченіе различныхъ чувствованій!

Сегодня однакожъ я тихъ. Сегодня помню всѣ мучительныя движенія, которыми душа моя была колеблема. Я люблю, точно люблю: я это чувствую.

Ну чтожъ! люблю. Развѣ это преступленіе? за чѣмъ природа сотворила ее такою любезною? — нѣтъ, это не преступленіе. Не можетъ быть.

Прославимъ дня сего память. Возгласимъ ей пѣснь, достойную безсмертія, сердце да сложитъ оную: пѣснь слагаемая для ней должна быть внушена сердцемъ.

Увы! великость содержанія низлагаетъ меня. Чувства мои разсѣяваются. — Успокоимся.

Какое черное облако! какіе вѣтры ярые сорвались съ цѣпей своихъ! о! какимъ мракомъ покрываются небеса. — Помогите.

У кого я прошу помощи? изъ сей тѣсной храмины жалобный гласъ мой не можетъ достигнуть до ней; а никто кромѣ ея не въ силахъ подать мнѣ помощи.

Ахъ! внемли чувствительности своей и моимъ моленіямъ! посмотри, какую глубокую язву отверзла ты въ груди моей.

Посмотри, какая черная кровь клокочетъ отсюда. Ахъ! боль моя, боль моя выше всякой мѣры. Отъ тебя ожидалъ я моего блаженства — и сталъ злополученъ.

ВДѢНІЕ XIX.

Я отрекся отъ славы отиковъ. — *Аріостъ, Камоенсъ, Виргилій, Гомеръ*, къ именамъ вашимъ я сталъ равнодушенъ. Прошло время, въ которое помышлялъ я о высокой чести состязаться съ ними. Нынѣ слава моя живетъ для ней, составляющей все для меня.

Небесная дѣва! не ужъ ли ты одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ женщинъ . . . — въ какомъ заблужденіи былъ я доселѣ! думалъ посредствомъ славы моей возвеличить твою славу. Нѣтъ, ты не имѣешь нужды въ сей помощи. Ты сама себѣ слава, и всѣхъ тебѣ принадлежащихъ. — Ты и Тассову составишь славу.

Погибни *Іерусалимъ* мой, когда пожираютъ оный, когда хотятъ того *Арнскіе* мнимоученые, и царедворцы отца твоего. Ни слова о немъ. Чтобъ быть первымъ въ мои времена человѣкомъ, чтобъ обратить на себя зависть всей вселенной, довольно одной любви моей.

Мучители это смѣтили. Вотъ, вотъ какъ они утѣсняютъ меня. Вотъ какъ алчутъ разрушить славу мою, благополучіе мое. — Не удастся имъ. Оно спрятано въ высокомъ мѣстѣ, до котораго святотатственныя руки ихъ никогда не доста-

нутъ. — Оно спрятано въ твоемъ сердцѣ, и въ моемъ.

Лукавые соглядатели! можетъ быть одинъ ея вздохъ подалъ вамъ причину къ низверженію меня въ нещастіе. Но она хитрость вашу превозможетъ; уйдетъ отъ соглядяній вашихъ.

Въ сію ночь . . . . въ ночь сію, такъ, я ожидаю ее: любовь будетъ ея руководительницею.

Дерзай! . . . . спѣши! . . . я жду тебя. Не уйду конечно отселѣ, покуда не придешь. — Тише.

БДѢНІЕ XX.

Кто велитъ мнѣ ѣхать отсюда? нѣтъ не поѣду. Ничто не зоветъ меня въ другое мѣсто. А здѣсь напротивъ все меня удерживаетъ. Все удерживаетъ.

Но я самъ хотѣлъ этого . . . . я? Торквато! до какой степени повредился умъ твой? ты самъ возстаешь противъ своего щастія! да: это щастіе. — Какая мнѣ нужда, что я запертъ въ этой тѣсной горницѣ съ желѣзными въ окнахъ рѣшетками! — до ней одной мнѣ нужда. Она небесными лучами освѣщаетъ сіе мѣсто; она воздухъ, которымъ я дышу, наполняетъ благовоніемъ; она душу мою напояетъ сладкимъ удовольствіемъ.

О ты, достойная всей моей любви! прости мнѣ, что я хотѣлъ уйти отселѣ. Злой духъ всѣ вещи изображалъ мнѣ въ черномъ видѣ. Смущалъ мои чувства, мрачилъ мой разумъ. Сегодня я самъ въ себѣ. Сегодня знаю себя.

Враги мои думаютъ торжествовать надо мною. Безумные! вы сдѣлали, что я надъ вами торжествую. Въ Феррарѣ долго будутъ говорить: Тассъ больше не при дворѣ. Тассъ не ходитъ больше ни мимо дворца, какъ бывало часто ходилъ, ни по садамъ, какъ бывало еще и того чаще хаживалъ.

Нѣтъ, я не при дворѣ больше. — Я въ лучшемъ несравненно мѣстѣ . . . . въ сердцѣ у той, которая украшаетъ собою весь дворъ, и весь свѣтъ.

Вы не можете имени моего произнесть безъ того, чтобъ невинное и нѣжное сердце ея внезапу не почувствовало сладкаго трепетанія. Самое молчаніе ваше, самое отсутствіе мое, приносятъ мнѣ услугу, ходатайствуя за меня у ней.

Оставьте же меня здѣсь, оставьте, покуда не придетъ день, въ которой любовь моя увѣнчана будетъ. — Придетъ сей день, придетъ конечно.

Стражъ! замкни комнату сію сколькими ты хочешь замкáми. Не молвлю ни слова, не пожалуюсь. Я стану пребывать здѣсь мирно, покойно. Не выду отсель, хотя бы ты всѣ двери растворилъ настяжъ. — Умру не выду.

Великіе опыты доказываютъ великую любовь. Остаться здѣсь есть одинъ изъ сихъ опытовъ. И ежели любовь, противоборствующая злощастію, умножаетъ цѣну свою на земли, я достоинъ буду той любви, о которой воздыхаю; той, въ которой одной все мое блаженство.

БДѢНІЕ XXI.

Сегодня нѣсколько лѣтъ. Да, нѣсколько лѣтъ сегодня. Дворъ былъ въ *Бельригвардо*; и я былъ тамъже. — *Жанбатистъ!* ты помнишь это? мы были вмѣстѣ, и ты говорилъ мнѣ много объ Аминтѣ *). Вдругъ появился длинной рядъ женщинъ. Придворные всѣ сбѣжались. Ты съ досадою такъ молвилъ: *развѣ это чудо какое!* Мѣсто, гдѣ мы стояли, было возвышенное. Мы безъ тѣсноты и помѣшательства могли все видѣть. О! какъ я помню и окно это, и желѣзную эту рѣшетку! ту рѣшетку, которая одна была мнѣ преградою; и ты еще меня удерживалъ, чтобъ я въ забвеніи себя не сбросился оттуда.

Часъ цѣлый не помнилъ я ничего. Не видалъ тебя больше; не слыхалъ что ты мнѣ говорилъ.

Двумя стрѣлами были для меня два глаза, которые я видѣлъ; двумя стрѣлами, воспалившими въ сердцѣ моемъ пламень.... ахъ! какое они воспалили пламя! оно снѣдаетъ меня день и ночь: чувствую, что жестокой жаръ этотъ становится смертельнымъ моимъ мученіемъ. — Нѣтъ, я не правду сказалъ. Онъ сдѣлался стихіею моей

*) Сельское стихотвореніе Тассово.

жизни. Я бы ужѐ тысячу разъ умеръ безъ любви моей.

Но ты не слушаешь меня. Ты можешъ быть смѣешься надъ моими словами, и надъ жаркою, снѣдающею меня страстію. О нежалостливый другъ! поди, напиши какое нибудь холодное краестишіе, какой нибудь бездушной мадригалъ, и пошлѣмъ . . . . .

Жанбатиста нѣтъ здѣсь. Ну чтожъ до этого. И что онъ худой судья любви моей, чему дивиться? у него не мои глаза; сердце же и подавно не мое.

Природа имѣетъ предъ собою два превеликіе сосуда. Въ одномъ хранятся имена мущинъ, которыхъ она зоветъ въ жизнь, въ другомъ имена женщинъ. Изъ перваго беретъ она имя правою, изъ втораго лѣвою рукою, и вмѣстѣ ихъ вынимаетъ. Судьба оба имя вписываетъ рядомъ въ книгу жизни. И тогда ужѐ никакая сила не можетъ ихъ расторгнуть. Какимъ образомъ истолковать иначе невѣроятныя сплетенія, соединяющія въ глазахъ нашихъ два сердца, созданныя кажется для вѣчнаго одно съ другимъ раздѣленія? не видимъ ли мы ихъ тогда съ неслыханными усиліями ищущихъ другъ друга въ безчисленномъ сонмѣ? говорятъ, что въ душахъ царствуетъ нѣкое тайное согласіе. Это правда. Природа предопредѣлила участи наши и склонности.

*

Она каждому назначила свой жребій: пребывать въономъ есть истинное благополучіе.

Мой жребій любить ту, которая всегда предо мною, всегда въ глазахъ моихъ, и безъ которой все для меня пустота, мракъ, заблужденіе.

О безподобное твореніе! извѣстно ли то тебѣ? не ужъ ли тайное предчувствіе тебя о томъ еще не увѣдомило? наши имена вынуты въ одно время. Любовь между нами необходимость. Тщетно льстилась бы ты быть любимою кѣмъ инымъ: я назначенъ тебѣ — я твой.

Она узнáетъ это — узнáетъ конечно. Природа не можетъ отъ ней такъ долго то скрывать.

Торквато! скрѣпи свое сердце. Чрезмѣрная радость можетъ тебя убить. Я приготовляюсь къ сладчайшему въ жизни моей мгновенію. Ужѐ возстающею въ груди моей неизреченною, неизъяснимою радостію начинаю я тихо наслаждаться. О какъ одна капля ея сладостна! — чтожъ будетъ когда она вся въ душу мою хлынетъ? — небо! дай мнѣ силу помѣстить ее въ себѣ; и между тѣмъ дай мнѣ хотя нѣсколько времени къ тому приготовиться.

БДѢНІЕ XXII.

У Св. *Бенедикта* звонятъ къ заутрени. Я еще не спалъ. О какъ давно ужѐ не смыкалъ я сихъ очей моихъ! — но за чѣмъ смыкать ихъ? — придетъ, не опасайся, придетъ день, въ которой они сомкнутся. — И на всегда. Ахъ! когда ужѐ день сей необходимо придти долженъ, небо! не будь ко мнѣ столь не милосердо, чтобъ не дать мнѣ прежде хотя одинъ разъ увидѣть ту, для которой одной было бы теперь такъ грустно мнѣ сомкнуть ихъ на всегда. —

Я думаю, что сей слышимый мною звонъ колокола дойдетъ и до ея ушей. Ахъ! ежели этотъ звонъ разбудитъ ее, можетъ она вспомнитъ о своемъ Тассѣ! можетъ быть скажетъ: *онъ не спитъ въ эту минуту; я у него на умѣ; онъ обо мнѣ думаетъ. Бѣдинькой! какъ чаю грустить! какими мрачными терзается мыслями! Торквато! не унывай. Ты не такъ нещастливъ, какъ думаютъ. Ты живешь во мнѣ, равно и я въ тебѣ надѣюсь жить. Печаль твоя, несправедливые съ тобою поступки, приводятъ меня въ жалость. Но перемѣнится состояніе твое; нещастіе наше перемѣнится. Мы разлучены теперь, но настанетъ день, когда соединены будемъ. Тебѣ не позволено теперь произносить моего имени, но придетъ время. . . .*

Ахъ! продолжай, божественная женщина! ты думаешь, что придетъ это время? скажи мнѣ: въ правду ли ты это думаешь? — но когда? — можешь ли ты ускорить его? могутъ ли ускорить его мои моленія? я докучаю ими небу. Не перестану докучать. Присовокупи и ты свои прошенія. Жаркая молитва двухъ любящихся сердецъ подвигнетъ небеса на жалость. Будь въ этомъ несомнѣнно увѣрена. Но хотя бы небо и отвратило слухъ свой отъ насъ; пусть люди будутъ жестоки, несправедливы, немилосерды . . . . знай, что я противустану людямъ и небесамъ. Не буду больше унижаться просить ихъ. Какая мнѣ до нихъ нужда? любовь моя чиста, такъ чиста, какъ тотъ предметъ, который возжегъ ее во мнѣ. Я доволенъ, что она тебѣ угодна. — Ты мнѣ это сказала; я увѣренъ, что ты склонности моей соотвѣтствуешь. Инаго не требую.

Солнце лучами своими начинаетъ позлащать противоположную стѣну. Престань, о любезное свѣтило! отъ трудовъ твоихъ. Успокойся. Я одинъ долго еще не успокоюсь. Но посреди мучащей меня тоски нѣкое тайное удовольствіе приноситъ мнѣ отраду, удовольствіе происходящее отъ надежды. Тѣ, которыхъ судьба вознесла высоко; тѣ, которыхъ душа упоен-

ная всѣми сладостями не знаешь чего желать, тѣ да трепещутъ. Что иное остается имъ, какъ не страхъ низринуться въ противуположное состояніе?

Нещастный въ лучшемъ положеніи. Всякая случившаяся съ нимъ перемѣна приближаетъ его къ благополучію.

Торквато! утѣшайся. Ты нещастливъ.

ВЪДѢНІЕ XXIII.

Увы! какъ пусшъ сегодня умъ мой! — какая безплодносшь въ мысляхъ! — никакого понятія.

Торквашо! живъ ли шы? — щупаю у себя голову. Она шушъ. Вошъ и глаза мои шушъ. — Какъ же эшо? какимъ образомъ я ничего не вижу? не понимаю ничего!.... ничего, ничего!

Пошевелимся. — Ну вошъ! эшо мой сшоликъ; я осязаю его.... эшо моя посшеля.....

О посшеля! о бѣдный свидѣшель мукъ бѣднаго человѣка! шакъ, эшо шы, на кошорой прошянувшись лежу я, не для покоя, не для вкушенія сна, шоль сладкаго ушомленному шѣлу; но чшобъ во всѣхъ жесшокихъ положеніяхъ предавашься ошчаянной, угнѣшающей меня горесши.

Я живъ, да, я живъ. Грусшь моя увѣряешъ меня въ шомъ больше, нежели эшошъ сшоликъ, эшошъ сшулъ, и эша моя посшеля.

Чшо я сказалъ! о чемъ бишь я говорилъ? — ничего не помню. —

До чего довели вы меня! я не былъ шаковъ. Нѣшъ не былъ шаковъ. Знаешъ шо Небо. Я самъ знаю эшо сшолько же, какъ и Небо. На чшо призывашь оное шамъ, гдѣ одного меня довольно?

Ахъ! но Небо знаетъ и то, что я не заслуживаю быть въ этомъ злощастномъ состояніи. Ежели знаетъ, для чего же не отмститъ за меня? Небо справедливо. Месть за оскорбленную невинность есть часть правосудія. — Отмститъ, такъ, отмститъ за меня; я твердо въ томъ увѣренъ. Но что Небо сдѣлаетъ для тебя, о Торквато! давно ужѐ ты призываешь его — и тщетно — тщетно! — не богохульствуй нещастный! Небо есть вѣрнѣйшій другъ твой; единственный, какого ты имѣешь.

Ахъ! друзей, имѣлъ я толпу! ..... друзей? ...... лицемѣрныхъ. Истинный другъ не покидаетъ въ нещастіи. Умѣетъ какъ въ радостяхъ участвовать, такъ и муки раздѣлять съ тобою. Я, какъ упалъ въ злополучіе, не видалъ ни одного; ни одного не видалъ больше. Боятся нещастіемъ моимъ заразиться. Слабосердые! — боятся не понравиться князю! подите льстить ему. Скажите, что онъ правосуденъ; что дѣлаетъ похвальное дѣло; что Тассъ. . . .

Всѣ люди поклялись дышать на меня злобою. — Но слышитъ ли Небо взыванія мои? — не знаю.

Ахъ! ежели бы умъ мой служилъ мнѣ по прежнему! ежели бы смыслъ мой былъ такъ свѣтелъ и чистъ, какъ прежде! — но вокругъ меня густая темнота . . . .

мракъ! . . . . гдѣ я? сказываютъ, что люди передъ концемъ жизни лишаются чувствъ своихъ; что оныя мало по малу гаснутъ въ нихъ. Не въ томъ ли уже я состояніи? . . . . какой холодъ! какъ жостки руки мои! перо валится изъ нихъ: . . . напряжемъ силы. Ежели я мыслей моихъ не ввѣрю сей бумагѣ, скоро слѣдъ ихъ исчезнетъ.

Не могу больше. Возьмемъ покой . . . . покой! ахъ, Торквато! какой покой ожидаетъ тебя? послѣдній . . . . . покой нещастныхъ . . . . . смерть. . . . .

БДѢНІЕ XXIV.

Я уснулъ. — Силы мои возвратились.... и такъ я завтра иду отсюда! .... завтра воленъ буду идти къ *Соренту*, къ *Риму*, куда хочу. — Во *Флоренцію* .... нѣтъ, не бойтесь, не пойду.

О Небо! правда ли это? она идетъ... идетъ въ объятія супруга, и супругъ этотъ не *Торквато*?

Я придумалъ ..... сдѣлаю это .... такъ. Напишемъ къ ней.

„Любовь сотворила тебя моею. Ты „моя; будешь моя, покуда я живъ. Измѣ„ною .... вѣроломствомъ, нѣтъ я тебя „отнюдь не обвиняю. Напротивъ сожалѣю „о тебѣ. Жертва нещастная честолюбія, „властвующаго мучительски надъ сердцемъ „отца твоего, и надъ твоею участію! „иной бракъ, не тотъ, которой склонность „моя предполагала, готовятъ тебѣ, и ща„стіе совсѣмъ иное! со мною свободна, „съ другими будешь ты навѣки раба, и „мать рода рабовъ. Не ослѣпляй себя мечтами. Въ домѣ отца твоего была ли ты „свободна? нѣтъ. — Дворъ .... сокрови„ща .... нещастная дѣвица! вещи сіи, „нѣтъ, не для тебя. Чтобъ жить, надобны „ли тебѣ большія комнаты, огромныя хра„мины, наполненныя подлыми льстецами,

„жадными грабителями, кровожаждущими „піявицами? чтобъ жить, надобны ли тебѣ отолы преисполненные лакомыхъ „яствъ, пожираемыхъ другими? изъ всѣхъ „великолѣпныхъ вещей, видимыхъ въ домѣ „отца твоего, покажи мнѣ хоть одну, которая бы нужна была для спокойствія „души, для свободныхъ изліяній нѣжности. „Дочь твоего садовника, дочь отца бѣднѣйшаго, ничего того не имѣетъ; однакожъ она веселѣе и довольнѣе тебя. — „Слѣдовательно тебя предаютъ. Такъ предаютъ. Отецъ твой, женихъ твой, предатели, согласившіеся погубить тебя. Упоенные подлымъ величіемъ, раждающимся „отъ властолюбія, оба они условились кровію твоею подписать договоръ о порабощеніи половины Италіи. — Поди, будь супруга, поди въ объятія мужа, который „вчера пустилъ бы всякую на ложе свое „жену, когда бы она равное съ тобою принесла ему богатство. Поди въ объятія „человѣка, котораго вчера отецъ твой не „принялъ бы зятемъ своимъ, естьли бы „кто другой сильнѣйшій его пожелалъ твоей руки. — Итакъ ты не вкусишь сладостей любви! ахъ! сладости любовныя „вкушаются только въ среднемъ состояніи, далеко отъ страха, далеко отъ упрековъ совѣсти, — гдѣ сердце избираетъ,

„гдѣ чувствованіе путеводительствуетъ,
„гдѣ. . . . . "

Не могу сносить сего убійства. Ахъ! подамъ новый бытописанію примѣръ. . . .

Но . . . . . гдѣ сей совмѣстникъ? сей бракъ? — ничего не бывало. Слава Богу, что это мнѣ почудилось только.

Издеремъ этотъ листъ. Да не останется ниже слѣда моихъ сомнѣній, моихъ мечтаній. — Нѣтъ, нѣтъ. Сохранимъ сей листъ. Нѣкогда она его прочтетъ. Увидитъ какъ много сокрушался я объ ней.

БДѢНІЕ XXV.

Боже мой! боже мой! . . . . . ахъ! погибла вся надежда. Злодѣи! побѣдили. — Постойте. — Тщетно. Пламень все пожралъ.

Вонъ немногіе листки въ черномъ дымѣ носятся по воздуху!

Двадцатилѣтніе труды! миліоны лѣтъ славы! все въ краткій мигъ погибло!

Все? нѣтъ: враги мои не будутъ тѣмъ величаться. Срамъ покроетъ ихъ . . . . вѣчный срамъ . . . . . Зоилы безумные! чѣмъ больше разверзаете вы челюсти свои на меня, тѣмъ больше будетъ слава моя. Вы, да, вы изчезнете. Не пройдутъ два поколѣнія, какъ имена ваши будутъ забыты.

Ахъ! пусть останутся сіи гнусныя имена; пусть твердятся изъ рода въ родъ, во всѣ вѣки; и да будутъ, какъ того достойны, въ поруганіи у всѣхъ временъ, и всѣхъ вѣковъ.

Я состязался съ первѣйшими вѣка моего умами, и не упалъ духомъ. Самая твердость моя есть уже великій для меня опытъ — *Аріостъ*. . . . .

Великъ *Аріостъ*! . . . . жители *Феррары*! когда Италіянскіе города спорить будутъ о славныхъ мужахъ, каждый присвояя себѣ съ гордостію честь рожденія ихъ, вы

оставьте длинную роспись своихъ: назовите только пѣвца *Неистоваго Орланда.* При семъ имени всѣ умолкнутъ.

Но онъ въ поляхъ своенравнаго воображенія носился подобно своему герою. Мѣшалъ низкое съ высокимъ, странности съ расторопствами; и какъ новый *ДедалЪ* создалъ *ЛабиринтЪ*, отъ котораго можетъ быть не инымъ чѣмъ стяжалъ себѣ славу, какъ тѣмъ, что умѣлъ выдти изъ онаго.

Рабъ развращеннаго двора, онъ искалъ только угодить гордому Князю, который послѣ былъ ему неблагодаренъ. Такимъ образомъ посрамилъ лучшее твореніе музъ. Оставилъ грядущимъ временамъ сожалѣніе о худомъ употребленіи толь велевыспреннаго ума.

Торквато! къ лучшему устремлялся ты намѣренію, и лучшую получишь славу.

Одинъ въ вѣнѣ семъ совмѣстникъ можетъ спорить со мною о вѣнцѣ. — Ахъ! скажи мнѣ: такъ ли ты, какъ я, былъ нещастливъ, о доблій пѣвецъ величайшаго изъ предпріятій, на какое соотечественники твои поступили? слава о томъ достигла и до насъ. Бѣдный! однако не столько, какъ я. Область Индійская выдетъ изъ рукъ потомковъ *Емануиловыхъ*; гордый *ЛиссабонЪ* не увидитъ болѣе пристающихъ въ пристани его Азіятскихъ и Африканскихъ сокровищъ;

но первая слава обширныхъ завоеваній шво-
ихъ всегда будешъ свѣшла и лучезарна въ
стихахъ *Камоенса.* Послѣдніе роды родовъ
увидяшъ въ *Лузіядѣ* невѣрояшное мужесшво
горсши людей, которые, покоривъ несмѣш-
ные народы, и прошивуборсшвуя новымъ,
безчисленнымъ, страшнымъ опасносшямъ,
принесли на край свѣша добродѣшель свою,
и законъ ощцевъ своихъ.

Важное предпріяшіе, самое величайшее,
какое народы Европейскіе произвели въ дѣй-
сшво, взялъ я для сосшавленія моей поэмы.
Іерусалимъ мой будешъ для Христіянскихъ
народовъ шо, что *Иліяда* для Грековъ, *Энеи-
да* для Римлянъ; шо, что *Лузіяда* для Пор-
шугальцевъ.

Воспаленные во всѣхъ странахъ святою
ревносшію цари и народы ополчились ис-
шоргнушь изъ рукъ нечесшивыхъ мѣсша вѣ-
рою освященныя. Полишика съ шого време-
ни перемѣнилась въ Европѣ. Свѣшъ наукъ
возникъ, и ошъ заблужденій суевѣрія про-
изошла щасшливая перемѣна въ обычаяхъ,
нравахъ, законахъ.

Бытописашели въ лѣшописяхъ новѣй-
шихъ державъ ознаменуюшъ досшопамяш-
носшь сего славнаго времени. Оно шоже,
что въ древнихъ державахъ переходъ изъ
Греціи въ Трою. Я больше сдѣлалъ: увѣко-
вѣчилъ оное въ сшихахъ моихъ.

Ахъ! спросятъ, но какая же участь стихотворца? . . . . *Камоенсъ!* мы оба нещасливы! и кто же тотъ не былъ такимъ, кто наименьше того достоинъ? однако неправосудіе царствуетъ одинъ только мигъ; потомъ исчезаетъ, и съ нимъ исчезаютъ дѣлатели, творцы онаго.

Ахъ! естьли бы также скоро исчезли изъ ума Государя моего злощастныя, вооружившія его противъ меня подозрѣнія! ежелибъ онъ съ лучшею справедливостію разсудилъ о чистотѣ моей склонности! . . . .

Но о чемъ я говорю? можетъ ли любочестіе сильнаго разсуждать справедливо?

Маломощные въ началѣ своемъ, поддерживаемые обстоятельствами, слабостію другихъ и собственною своею дерзостію, распространяя въ междоусобныхъ браняхъ отчасу болѣе власть свою, и будучи иногда подпорами, иногда бичами и даже мучителями своего отечества, вознеслись они на высоту, на какой видитъ ихъ Италія.

По этому время дѣлаетъ различіе между участію людей? естьли бы, когда они у подошвы Эвганскихъ горъ жили въ ветхихъ палатахъ, одинъ изъ предковъ моихъ взялъ себѣ жену изъ ихъ семейства, онъ почитался бы отъ нихъ великоименитымъ человѣкомъ, достойнымъ ихъ родства. Можетъ быть они искали бы его и постав-

ляли союзъ съ нимъ за милое пріобрѣтеніе. Нынѣ одинъ изъ потомковъ ихъ помыслъ о такомъ бракѣ поставляетъ мнѣ въ преступленіе: какая коловратность!

Ну чтожъ! я останусь при моей участи. Доволенъ буду нещастною моею любовію. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя оной слѣды останутся на свѣтѣ.

По двумъ причинамъ имя мое будетъ въ почтеніи. Имя же гонителя моего, о какъ будетъ ненавистно!

БДѢНІЕ XXVI.

О! какой это худой хлѣбъ! черствѣетъ въ моемъ желудкѣ и превращается въ ядъ. Прочь съ нимъ . . . . не приносите мнѣ его никогда. Знаю злодѣйскую руку, посылающую ко мнѣ оный. Можетъ ли злоба посылать иное, какъ не ядъ?

Мнѣ даютъ этотъ хлѣбъ для того, чтобъ бѣдная жизнь моя, ежедневно снѣдаемая печалію, ежедневно укрѣплялась въ силахъ сносить печаль свою. — Жестокіе! это новаго рода мучительство. Каждый день приключать мнѣ смерть!

Два широкихъ пути предлежатъ мнѣ, дабы избѣгнуть наконецъ отъ сего ихъ душепагубнаго намѣренія. Или отвергну сей ядовитый хлѣбъ, и отъ мучителей избавлю жертву; или стану питаться сладкою надеждою увидѣть нѣкогда ту, для которой теперь страдаю, и углубленный въ толь прекрасную мысль сдѣлаю тщетными злоумышленія моихъ враговъ. — По которому изъ сихъ путей, о Торквато, хочешь ты шествовать? одинъ изъ нихъ долженъ ты непремѣнно избрать. Великое . . . . превеликое мужество потребно для того и другаго.

Изберемъ первый. — Теперь ты, Торквато, при послѣднемъ издыханіи.

*

Но какъ же она, чей образъ всегда передъ тобою; она, чье имя ты съ такою радостію произносишь; она, все для тебя составляющая . . . . она! ты не увидишь ее больше; не вспомнишь о ней больше.... ты будешь мертвъ для ней.

Нѣтъ, нѣтъ, всегда нещастливый, гонимый . . . . терзаемый всѣмъ, что ненависть имѣетъ въ себѣ жесточайшаго . . . . но живъ; но способенъ помнить о ней; называть ее, представлять себѣ образъ ея божественный. Она моя жизнь . . . . мое все. Какъ отрещись отъ ней? . . . . нѣтъ, нѣтъ, не умру.

Станемъ продолжать сію нещастную жизнь. Станемъ каждый день питаться печалію, и приготовлять себя сегодишнимъ терпѣніемъ къ терпѣнію завтра, и послѣ завтра, и въ будущій потомъ день, и всегда, покуда не настанетъ перемѣна.

Ахъ! предпріятіе жестокое . . . весьма жестокое. Но за то получимъ награду. Сіи немилосердые хотятъ убить меня, и не удастся имъ. Буду жить, да, въ горести, чтобъ не сдѣлать по ихъ, чтобъ доказать имъ, что они со всѣми своими силами ничэго не могутъ: Торквато превыше всей ихъ власти.

Сколько выгодъ совокуплено въ одной сей мысли! отмщаю и люблю.

Такое постоянство растерзаетъ душу враговъ моихъ, а въ сердце мое прольется небесная роса, роса, имѣющая неимовѣрную доброту, помощію которой утомленныя силы мои возобновятся и вознесутся еще выше, чтобъ обожать женщину . . . . сію божественную женщину, которая достойна и предостойна того, чтобъ всякое для нее претерпѣть страданіе. —

Для того избираю жить.

ВѢДѢНІЕ XXVII.

Слава зоветъ меня въ *Капитолій*: буду увѣнчанъ, аки первый вѣка моего стихотворецъ. Пойдемъ, нѣтъ больше у меня враговъ. Нѣтъ больше въ любви моей препятствій. Могу говорить о ней; могу о ней говорить свободно, безумолкно, сколько хочетъ сердце мое, наполненное ею.

Герцогъ не будетъ тѣмъ оскорбляться: завистники придворные его не станутъ мнѣ поставлять того въ преступленіе. — Напослѣдокъ вы умолкните: и злость ваша, толь доселѣ для меня пагубная, обратится вамъ въ ядъ — а мнѣ будетъ виною торжества.

Торквато! бодрствуй, сноси настоящее нещастіе: скоро настанетъ свобода, побѣда, благоденствіе.

Что по сей часъ было препятствіемъ? то, что я не царской крови. Дѣти царскіе должны сочетаваться съ царевнами. Такъ гордость раздѣляетъ родъ человѣческій на степени.

Хорошо: пускай такъ. Я ужѐ больше не простой, не частной человѣкъ. Чело мое увязаетъ также вѣнецъ, который есть плодъ моихъ трудовъ, а не наслѣдство, безъ заслугъ доставшееся и случайное. Куда помѣстите вы меня? съ кѣмъ соедините?

сдѣлаюсь и я гордъ, когда гордость надобна.

О божественная дѣвица! о ты, единая, могущая дать цѣну моему возвышенію! нѣтъ ты не станешь любви моей стыдиться. Бытописаніе будетъ именовать двухъ женщинъ, сдѣлавшихся безсмертными чрезъ своихъ любовниковъ. Кто та, которая не позавидуетъ участи *Лауриной?* ты будешь по порядку времени вторая, но по истинному щастію первая безпрекословно.

Такъ. Соединенная со мною ты будешь щастлива. Бывъ супругою князя, о! какихъ бѣдствъ долженствовала бы ты страшиться! ахъ! ты не знаешь какое сердце имѣетъ всякой князь, и для кого имѣетъ оное. Жестокое желаніе властвовать надъ всѣми: вотъ его душа. Ему надобны одни рабы, и первый изъ нихъ его супруга.

Зависть другихъ сильныхъ честолюбцевъ, возмущеніе, война, могутъ похитить у тебя мужа, у дѣтей твоихъ царство. *Сфорца* и *Бентиволіо* суть не весьма древнія имена въ росписи князей нещастныхъ. Родственница твоя . . . . въ домѣ своемъ имѣешь ты примѣры. Съ какою пышностію, съ какими надеждами отправилась она въ *Болонію?* чтожъ потомъ? видѣла свекра своего умирающаго плѣнникомъ въ Медіоланѣ,

мужа своего скипающагося безъ пристанища, и дѣтей своихъ изгнанныхъ и не смѣющихъ приближиться къ шому граду, который долженствовалъ быть ихъ наслѣдіемъ.

Величеству Князей положенъ конецъ. Но ставъ супругою Торквата ты будешь въ безопасности наслаждаться моею славою: она вся въ цѣлости прейдетъ къ твоимъ дѣтямъ. Никто не можетъ ее похитить у меня.

Она слышала. Поспѣшимъ, время веселія близко.

ВИДѢНІЕ XXVIII.

Съ тѣхъ поръ, какъ заперли меня въ сіе мѣсто, не вижу я ни одного изъ моихъ друзей. Неблагодарные! не придти ни разу меня провѣдать, ни разу! — Какая дружба ваша? — дружба людей.

Не спѣши осуждать ихъ, о Торквато! можетъ быть они хотѣли придти. Кто знаетъ сколько разъ покушались на то. Но было ли имъ позволено?

О друзья мои! когда бы вы знали въ какомъ бѣдномъ состояніи вашъ *Тассо!* худо ему . . . . очень худо. Ночь и день одно для него. Ночью не смыкаю глазъ, день проходитъ тихо, тихо; свѣтъ его такой блѣдной, что вмѣсто радости, приносимой имъ всякому дыханію, онъ умножаетъ печаль мою, раждаетъ во мнѣ черныя воображенія, и повергаетъ въ уныніе . . . . о какія безобразныя мечты возстаютъ въ умѣ моемъ, и меня устрашаютъ! Я стараюсь разогнать ихъ, но онѣ нагло возвращаются, и при новыхъ усиліяхъ моихъ возрастаютъ какъ исполины. Самая надежда, сіе утѣшеніе нещастныхъ, надежда становится бичемъ моимъ. Какъ могу я положиться на ея прельщеніе! На какомъ основаніи утверждаясь могу повѣрить, что найду наконецъ, есть-ли не правосудіе въ людяхъ, зложелатель-

ствующихъ мнѣ, то по крайней мѣрѣ жалость въ той, которая одна виною золъ моихъ!

О любезные друзья! вы, которые въ протекшія времена столько для меня жертвовали; вы, къ которымъ имѣлъ и такую довѣренность, покажите мнѣ свою услугу. Нѣтъ, вы не знаете высокаго ея достоинства! — Подите къ ней. Вы, когда пожелаете, можете увидѣть ее: за вами не примѣчаютъ, какъ за *Тассомъ*.

Ни одна женщина не внушала такой довѣренности. Вы увидите на лицѣ ея благость. Голосъ ея ободритъ васъ говорить съ нею, и подастъ вамъ смѣлость съ надеждою за меня ходатайствовать. — Скажите ей: *Княжна! гдѣ твой Торквато?*

Она при имени моемъ тотчасъ потупитъ глаза. Примѣчайте хорошенько. Цвѣтъ лица ея перемѣнится. Можетъ быть въ очахъ навернутся слезы; глаза сдѣлаются красны. Тогда говорите смѣло. Скажите: *Торквато заперть въ жилищѣ величайшаго бѣдствія человѣческаго. Однако невѣрь, княжна, будто онъ повредился въ умѣ; это клевета. Онъ безпрестанно о тебѣ думаетъ. О тебѣ одной думаетъ. О тебѣ одной разсуждаетъ. Инаго не требуетъ, ни о чемъ другомъ не воздыхаетъ, ты у него все. . . . .*

Иногда посреди мукъ своихъ веселится, для того что терпитъ ихъ за тебя. Иногда же, княжна, печаль преодолѣваетъ его, и онъ предается унынію, для того что не видитъ ни малѣйшаго луча утѣшительной надежды. Что будетъ съ другомъ нашимъ? мы желаемъ ему свободы; онъ о свободѣ своей не печется, ежели не можетъ видѣть тебя, тебя одну, чѣмъ умъ его наконецъ, сердце преисполнено. Говоритъ что онъ тебѣ милъ, и говоритъ это, извини княжна, такимъ голосомъ, что непримѣтно, отнюдь непримѣтно никакого поврежденія въ умѣ, ниже разстройства въ его мысляхъ. Можетъ быть слишкомъ много истинны. Но развѣ не можетъ быть въ тебѣ такая высокая добродѣтель......

Нѣтъ, умолкните, рѣчь ваша не такъ сказана, какъ мнѣ хотѣлось. Вы не можете такъ говорить, какъ достойно величественному ея сердцу и моей любви. — Друзья [illegible]! — подите, наслаждайтесь своею свободою, своимъ щастіемъ, оставьте меня въ моемъ бѣдствіи: я въ бѣдствіи моемъ больше, нежели вы въ великомъ благополучіи своемъ. — Подите.

БДѢНІЕ XXIX.

Солнце восходитъ. Ремесленники въ сосѣдствѣ моемъ приступили къ работѣ; а трудолюбивый земледѣлецъ давно уже ихъ предупредилъ. — Ахъ! какой бы ни лилъ съ лица вашего потъ, вы не можете назваться злополучными. Вечеръ возвѣщаетъ вамъ и конецъ трудовъ вашихъ, и покой возстановляющій силы.

Я по истиннѣ злополученъ! Нѣкогда вставалъ и я также рано, и часто еще ранѣе васъ. Углублялъ въ размышленіе умъ мой, даръ драгоцѣнный и нещастный, какимъ небо при рожденіи моемъ надѣлило меня; и сочинялъ въ веселіи стихи . . . . тѣ стихи, которые составятъ славу мою послѣ жизни моей, и будутъ славою Италіи во всѣ времена! — Я не чувствовалъ никогда усталости: никто слѣдовъ ея въ стихахъ моихъ не примѣтитъ. Останавливался правда; но для исправленія, для украшенія того, что пылкость воображенія мгновенно мнѣ внушила. Потомъ наставалъ полдень. — О! сколько разъ не примѣчалъ того, и въ сладкомъ восторгѣ продолжалъ спѣшно работу мою, не прежде прерывая оную, какъ съ наступленіемъ вечера.

Тогда посреди друзей моихъ громкимъ гласомъ повторялъ сладкозвучную пѣснь,

сложенную мною въ тишинѣ уединенія. Не было для меня прекраснѣе дня, какъ тотъ, въ который прешелъ я знатное въ пути моемъ поприще.

О! какая перемѣна. Заключенный многіе ужѐ мѣсяцы здѣсь, не вижу я ни единаго таковыхъ дней блистающаго луча. Не чувствую въ себѣ болѣе ни силы къ сему пѣнію, ни желанія начать оное. Безмолвный ужасъ, хладная тишина меня окружаютъ. Чувства мои притупѣли: душа моя застыла, уснула. . . .

Уснула! пусть бы такъ. Я сказалъ бы . . . ты совершила великій путь, и больше сдѣлала одна, нежели вкупѣ тысяча людей, не безпріятныхъ музамъ. Покойся. Время твое пришло.

Но увы! душа моя совсѣмъ въ иное низверглась состояніе. Бѣдственное игралище прекраснѣйшей и купно злополучнѣйшей страсти, колеблемая въ безъизвѣстности носится она по кипящему морю, вѣроломствомъ обуреваемому и отчасу больше волнующемуся, безъ всякой къ утишенію надежды. Холмящіяся волны скопляются, ударяются одна съ другою, и грозно ревущія несутъ меня разразить. О небо! ты знаешь куда: я не знаю, потому что оглушенный шумнымъ плескомъ, исчезающій въ ужасахъ бурной ночи, не вижу ни брега, ни камня,

и окружающая меня смерть кажется сама отъ меня бѣжитъ, довольствуюсь тѣмъ, что зритъ меня обуянна страхомъ.

Ахъ! долго ли продолжаться будетъ сіе состояніе! однако есть въ небѣ удивительной свѣтлости звѣзда, которой лучь, естьли густыя облаки пропустятъ его сквозь себя, освѣтитъ не токмо путь мой, но всю вселенную; и вскорѣ вещи въ новомъ, смѣющемся видѣ появятся, и ясность будетъ постоянная, и день . . . . день жизни и радости настанетъ.

О звѣзда! съ толикою довѣренностію призываемая мною! о ты, единая надежда и единое благо печальной сей души! Я знаю тебя. Знаю, появившуюся на востокѣ; уже ты великую часть неба протекла, и утвердилась въ мѣстѣ опредѣленномъ тебѣ, и тамъ сіяешь съ безопасностію, и щастіе мое въ себѣ заключаешь. Пройдутъ конечно туманы, скрывающіе тебя отъ очей моихъ. Когда нибудь лучь твой возблистаетъ снова. Я возвращусь въ жизнь, въ веселіе.

Кто будетъ тогда благополучнѣе меня? Краткія минуты, въ которыя видѣлъ я тебя, но весьма помню, въ какомъ блаженствѣ утопала душа моя: ничто иное, какъ сила красотъ твоихъ, влагала въ меня тогда и духъ и разумъ. Великъ восторгъ, произво-

димый совершеннѣйшимъ предмета: чувство любви отъ того необходимо раждается.

Теперь я далеко отъ тебя, и за то, что тебя люблю. Сей отдаленности, по жестокосердому повелѣнію содѣланной, чувствую я всю лютость. За то почувствую несказанную радость, когда тебя увижу; когда дверь гнуснаго жилища сего отопрется, и я, какъ того воздыхающее сердце мое алчетъ, свободенъ буду соединиться съ тобою. Внезапный восторгъ мой и разслабленіе, въ которое упаду, ясно будетъ тебѣ свидѣтельствовать великость претерпѣннаго мною страданія и любви. . . . О! любви, какой доселѣ не было на свѣтѣ, и не будетъ.

Торквато! придетъ, такъ, придетъ минута, въ которую ночь, нынѣ тебя окружающая, уступая лучу благопріятствующей тебѣ звѣзды, разсыплется. Увижу опять дни свѣтлые и красные, какіе бывали прежде. Еще свѣтлѣйшіе еще прекраснѣйшіе увижу ихъ; и возвратится ко мнѣ духъ стихотворства; и воспою достойно небесной женщины, достойно любви моей.

О солнце! теки скорѣе, спѣши принести желанную мною минуту. — Ты знаешь съ какимъ жаромъ я ее ожидаю.

Я говорю солнцу! нещастный! . . . . Увы! природа отвращаетъ слухъ свой отъ моихъ взыванiй.

ВДѢНІЕ XXX.

Я спасъ честь: трудился для славы. — Нещастіе не пощадило меня: моя ли то вина? — Непріятели мои не могли простить мнѣ той вины, что природа ущедрила меня своими дарами. Горе тому, кто получитъ такое злополучное прощеніе.

Перемѣны государственныя. . . . Приключенія нещастнаго князя. . . . Ахъ! родитель мой: щастіе обоимъ намъ неблагопріятствовало.

Отлученный отъ тебя съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ . . . . . соединенный съ тобою на краткое время, и потомъ осужденный на всегда жить далеко отъ тебя. . . . Корабль безъ кормчаго на бурномъ морѣ оставленный! онъ подставляя то одинъ, то другой бокъ ярымъ, отчасу болѣе свирѣпѣющимъ вѣтрамъ, борется нѣсколько времени съ волнами; но какимъ образомъ, есть-ли бы и не разбился напослѣдокъ о камень, какимъ образомъ можетъ до безопаснаго достигнуть пристанища?

Зри на кораблѣ семъ сына твоего. — О! да не произнесутъ уста мои жалобы. Но ты зналъ мою сыновнюю къ тебѣ горячность. Въ немерцающемъ живущій свѣтѣ ты видишь ее во всей цѣлости. О ро-

дитель мой! Торквато твой нещастливъ, но не виненъ.

Дерзнулъ излишно. . . . Не я возродилъ въ сердцѣ моемъ сіе нещастное дерзновеніе. Сила превысшая меня сотворила оное. Я не могъ ей воспротивиться.

Возстань, божественная женщина. Ты должна оправдать меня; ты, которая не оскорбилась моимъ дерзновеніемъ.

Кто знаетъ какъ далеко простеръ я оное? — Вотъ превеликій листъ, на коемъ изображены мечтанія человѣческія. Мои тутъ же означены. Хорошо: чей перстъ покажетъ мнѣ черту, за которую не позволено мнѣ было преступать?

Священъ высокій сей предметъ. Обезчестилъ ли я оный? отче! отче! да изрекутъ святыя уста твои. —

Ахъ! наступитъ день, когда соединясь съ тобою въ небесномъ обиталищѣ, гдѣ ты безсмертенъ пребываешь, услышу я судъ твой. Ожидаю; зову тотъ день. Увы! есть-ли можешь ты молитвами своими споспѣшествовать благу сына твоего, испроси, да наступитъ онъ скорѣе. Я часть тебя: и какъ же оставишь ты меня на пути неизвѣстномъ и бѣдственномъ, на которомъ я погибну, ежели укоснишь ты подать мнѣ руку помощи! Зри ужасное состояніе мое! колико бѣдъ обрушилось на главу твоего

Торкваша! не говорю шебѣ о сердцѣ моемъ. Бѣдное! сколькими сшрѣлами пронзенно! говорю объ умѣ моемъ. Чшо осшаешся человѣку, у кошораго разумъ ошнять? —

Ложь эшо. Мучишель сплелъ ее. — Но слухъ прошелъ по всей Ишаліи. Я по нещасшію пребываю въ мѣсшѣ, опредѣленномъ для шѣхъ, кошорые сами себя не знаюшъ.

Проклятые! подъ шакимъ подлымъ предлогомъ скрываеше вы черное свое злоумышленіе.

О! ежели есшь въ небѣ засшупа за добрыхъ, почшо медлишъ оно ниспослашь призываемую мною праведную месшь? и ежели часшь засшупы сей сосшоишъ въ избавленіи меня ошъ прешерпѣваемыхъ мною недосшойныхъ поруганій, почшо, боже всемогущій, не позовешь шы меня къ себѣ?

Тассо! надѣйся. Надежда усладишъ швою горесшь.

ВИДѢНІЕ XXXI.

Торквато! гдѣ ты? — гдѣ? . . . . . я прежде былъ при дворѣ. Желаніе узнать людей, и показать имъ себя; честолюбіе снискать ихъ уваженіе; жадность приближиться къ великимъ, и быть у нихъ въ милости . . . . въ милости у великихъ! . . . .

Такъ! вся Италія прославляла домъ князей *Эстскихъ*. Тамъ, говорили, хотя и надъ меньшимъ пространствомъ земель, но царствуетъ *Августъ*, не обезславившій имени своего никакими изгнаніями. Чертоги его полны превосходнѣйшими сего вѣка умами. Онъ принимаетъ ихъ съ честію, привѣтствуетъ, ласкаетъ. — Пойдемъ туда. — Будемъ *Виргиліемъ* у таковаго *Августа*.

Я пришелъ. — О какъ люди удобособлазнительны! изобиліе, великолѣпіе, добродушіе. — Чего не казалось мнѣ видѣть! тамъ нашелъ я сто ученыхъ мужей, изъ коихъ довольно было двухъ для прославленія вѣка своего. — Тамъ ста другихъ сохранялась память. — Потомки также будутъ обмануты, и назовутъ нашъ вѣкъ столь же прекраснымъ, какъ *Перикловъ*.

Я не знаю бытописаній *Периклова* двора. Но конечно нигдѣ и никогда не читалъ, чтобъ мудролюбецъ, краснорѣчивецъ, стихотворецъ, пришедшій въ *Аѳины* для

прославленія добродѣтелей князя сего, былъ вверженъ отъ него въ темницу. — Не темница ли это, нещастный, гдѣ ты сидишь? выди изъ ней, ежели можешь.

Увы! темница конечно! — за что ты въ ней? . . . развѣ умышлялъ измѣну? дѣлалъ заговоры? . . . . я? никогда на умѣ того не бывало.

Изъ семейства его . . . видѣлъ . . . дѣвицу, прекраснѣйшую. — Правда. Ахъ! почто я видѣлъ ее! развѣ видѣть ее есть преступленіе? — но всѣ придворные вмѣстѣ со мною ее видѣли. — Я осмѣлился любить ее. — Развѣ любить ее есть преступленіе? развѣ она не долженствовала быть любимою? Ахъ! небо для того создало ее толь прелестною. — Царедворцы! развѣ вы ее не любили? — нѣтъ, нѣтъ; я одинъ любилъ, я одинъ. Вотъ мое преступленіе. Возьмите меня, свяжите, мучьте, убейте. Я стою упорно въ этомъ преступленіи: я любилъ ее . . . . люблю — погибну; но буду любить покуда дышу. И ежели сокращеніемъ дней моихъ хотятъ прервать мою любовь, я умножу ее, дабы кратчайшее время вмѣщало и содержало въ себѣ все чувствованіе долгихъ лѣтъ. Любовь есть огонь. Воспалю въ крови моей пожаръ. Увидятъ изъ сей груди исходящій пламень, распространяющійся окрестъ меня, объем-

лющій сію комнату, все сіе мѣсто. Я испалѣю въ пепелъ, и кто придетъ потомъ взглянуть на сей пепелъ, прочтетъ въ немъ чрезвычайную любовь мою, и будетъ смотрѣть на него въ священномъ ужасѣ; никогда не подумаетъ, чтобъ онъ простылъ, даже и тогда, какъ цѣлый вѣкъ пройдетъ.

Но что! такъ ты умрешь, Торквато! любовь твоя окончится! — Какая чорная мысль! любовь стремится къ вѣчности. Умереть! какое для страстнаго сердца вообраҗеніе! мысль о концѣ любви гораздо хуже смерти. . . .

Моя любовь безсомнѣнія не будетъ имѣть конца. Есть во мнѣ часть, которая побѣдитъ всѣ времена. Совлекшись бренной одежды, въ какую нынѣ облаченна, полетитъ она въ безпредѣльное нѣдро вѣчности, гдѣ постоянно сама себѣ подобна, и въ чувствіи своемъ непоколебима, не будетъ знать ни мѣры ни степени. Одна мысль будетъ ея жизнію; одна мысль ни съ какою другою не смѣшенная, ни какою другою непрерванная, твердая, вѣчная, единственная . . . мысль о превосходнѣйшей любимой мною женщинѣ. Сія мысль будетъ страсть; а жизнь моя будетъ чувствованіе, или какая нибудь другая лучшая вещь, составляющая жизнь, удовольствіе, блаженство: составляющая все — мое все — и всегда.

Когда такъ, жестокосердые! умножьте муки мои. Отнимите у меня воздухъ, которымъ я дышу, такъ какъ вы, злодѣи, отняли отъ глазъ моихъ то, что меня увеселяло. Вы тѣмъ лишь только ускорите минуту моего благополучія. Ужè я смотрю на высоту.

О ты, выспренній желаній моихъ предметъ! но прежде нежели отыду созерцать тебя въ томъ мѣстѣ, гдѣ всякой земной красоты хранится изображеніе, увы! да увижу тебя еще единожды! правда, ты всякую минуту предо мною: божественныя черты твои, небесная осанка, лице превышающее человѣческую красоту, тѣлодвиженія твои, миловидность, прелести, все передъ глазами моими, хотя ты далеко отъ меня; но увидѣть тебя еще разъ принесло бы мнѣ величайшее удовольствіе. Врѣжутся въ сердцѣ моемъ, глубже врѣжутся, и образъ твой любезнѣйшій и обращеніе твое толь пріятное . . . . и сіи мановенія, небесную природу изъявляющія, отъ которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ, познала душа моя такое живое ощущеніе, такое сладкое трепетаніе, что еще волненіе то не утишилось, еще удары онаго слышны.

Ой мнѣ! я не увижу ее . . . . никогда болѣе не увижу.

Дворъ лукавый! вотъ за чѣмъ я пришелъ въ *Феррару!* — Кто вложилъ въ меня эту проклятую мысль? . . . .

О вы, которыхъ сердце природа одарила нѣжностію, далѣе, далѣе отъ сей земли. Она врагъ роду человѣческому и любви.

БДѢНІЕ XXXII.

Мѣрило дней, время, не для всѣхъ людей равномѣрными грядешъ стопами. Царедворцу часы кажушся крашки и лешучи. Послушай жалобъ его. Онъ хошѣлъ бы медленно, капля за каплею, пишь сладосшь своего блаженсшва; но между шѣмъ шрепещешъ предчувсшвуя приближеніе шой минушы, въ которую щасшіе обращая колесо свое, съ высошы, на которую вознесло его, бросишъ немилосердо внизъ.

Для меня напрошивъ время въ пуши своемъ шечешъ лѣниво. Долги дни, долги часы. И о! какъ шихо идешъ минуша моего освобожденія.

Освобожденія! небо! шакъ и невинный должень слово сіе употреблять въ сшранѣ мучишельсшва! Я молюсь . . . . . каждый вздохъ мой есшь молишва; и минуша сія не приходишъ. Чшожъ осталось мнѣ дѣлашь? Умерешь . . . . умерешь.

Какія чорныя шѣни окружающъ меня ошовсюду! какіе ужасные призраки сшоящъ предомною! смершь шушъ. Они ея предшечи. Торквашо! лягъ — возьми положеніе приличное швоей печали. Положи руки сіи на грудь. Нѣшъ, нѣшъ, на лѣвую сшорону. Тамъ, гдѣ сердце шрепещешъ. — Голову свѣсь на шуже сшорону. Но держи ее прямо

противъ дверей, шакъ чшобъ всякой, кшо войдешъ, могъ всего шебя видѣшь.

Я воображаю шу первую минушу, когда придушъ на меня смошрѣшь. . . . Придушъ, да, какъ скоро услышашъ о моей смерши.

Небо! не дай чшобъ я былъ одинъ изъ шѣхъ мершвыхъ, въ кошорыхъ нѣшъ ничего выражающаго. — Эхъ! нѣшъ: я не буду шаковъ.

Видъ обезображеннаго лица моего, я увѣренъ, предсшавишъ живыя черты горесши. — Скажушъ: мершвые не печаляшся; но какъ у эшого чело наморщено, ланишы въ содроганіи, усша шрепешны. Въ какомъ онъ ужасномъ положеніи!

Да развѣ вы не знаеше жесшокаго мученія, снѣдавшаго душу его? развѣ не знаеше, что онъ любилъ превыше силы человѣческой; любилъ, какъ любяшъ духи ошъ смершной одежды освобожденные, и что сія смершная одежда служила ему шокмо къ раздраженію шой самой любви, кошорая людьми и небесами гонимая, превращилась пошомъ въ глубокую печаль, приключившую мнѣ смершь?

Тѣло мое несушъ. — Пришворно шужашъ обо мнѣ. Какое пышное погребеніе! сколько свѣчь горишъ! какое сшеченіе народа! вся *Феррара* сбѣжалась. *Пойдемъ смошрѣшь Тасса.*

Вспомняшъ, что я былъ почшенный дворянинъ при дворѣ Герцоговомъ; что здѣсь и въ другихъ Ишаліянскихъ городахъ жилъ въ немаломъ уваженіи; что почишался имѣющимъ щасшливыя дарованія; что увеличилъ блисшаніе словесносши; что прославилъ вѣкъ свой.

Пошомъ скажушъ, что никогда никому никакого не сдѣлалъ зла; что многимъ дѣлалъ добро; что хошя иногда горячь былъ нравомъ, но шошчасъ, опяшь просшывалъ; что мечшы воображенія моего были невинны. . . . .

Молчише. Не нужны мнѣ ваши похвалы. Вы же ни одной изъ нихъ не сказали досшойной меня. Какъ? вы ничего не говорише о любви моей! ничего не говорише о злосши моихъ враговъ! ничего не говорише о убійсшвѣ, повергшемъ меня во гробъ!

Льсшецы! шакъ вы и съ мершвыми посшупаеше несправедливо?

Скорѣе, опусшише меня въ шемную могилу, гдѣ члены мои должны разрушишься. Ошнимише у меня сей ядовишый воздухъ. Въ сихъ мракахъ я васъ не увижу больше. Есшьли не буду имѣшь покоя, шакъ по крайней мѣрѣ не буду шерпѣшь поруганія.

О Торквашо! вошъ уже досшигъ шы до вѣчнаго жилища швоего. Нещасшный! для чего шы жилъ.

Голосъ меня разбуждаетъ. — Ахъ! я еще не умеръ. Слышу голосъ. — Но тихій, и не вразумительный. — Возвысься благодатный голосъ и будь погромче. — Милый голосъ приближается. Велякій Боже! не дай чтобъ я обманулся. — Не ужъ ли будетъ это вправду, что отъ самаго дна нещастія поднимусь я вдругъ на самый верхъ благополучія!

Что слышу? глаза мои не могутъ распознать предмета, которой стоитъ передомною . . . . сердце мое узнаетъ его . . . . . ахъ! это ты! . . . . ты! — я дышать не могу. — Протяни ко мнѣ руку. — О! какъ сладка въ эту минуту смерть!

БДѢНІЕ XXXIII.

Поди! засвидѣтельствуй міру. Ты былъ пораженъ необъятнымъ свѣтомъ, внезапу разсѣявшимъ мраки минувшей ночи. Ты видѣлъ — можетъ быть простонародные глаза и грубыя чувства твои не позволили тебѣ наслаждаться симъ божественнымъ зрѣлищемъ?

Оно мнѣ живо представляется, я созерцалъ его, и былъ самъ участникомъ.

Духъ покровитель Тассовъ наконецъ признался, что совсѣмъ меня оставилъ, и устыдился того.

Рука свыше человѣческой влечетъ меня съ одра, глухаго свидѣтеля безполезныхъ воздыханій моихъ и слезъ. Все вокругъ меня перемѣняется. Стѣны сей комнаты таютъ какъ мягкій воскъ. Свѣтъ окружаетъ меня, стократно яснѣйшій солнечныхъ посреди лѣта лучей, и столь кроткій и пріятный, что нѣжа сладостно чувства, наполняетъ и упояетъ ихъ неизреченною роскошью.

Приди. — Я сижу на огненной колесницѣ. *Феррара*, толико гордящаяся пространствомъ окрестностей и величествомъ башенъ своихъ, исчезаетъ во взорахъ моихъ. Высоковыйный *По*, дерзающій препираться съ моремъ; *По*, пріемлетъ видъ узкой бѣлой стези; потомъ теряется во мракѣ. Колес-

-ница между тѣмъ возносится быстро сквозь облака; я пребываю въ безмѣрной обширности воздуха — единственной стихіи достойной великихъ умовъ.

Пойдемъ куда насъ лучшая судьба зоветъ. Наконецъ, о Тассъ, день торжества твоего долженъ возсіять. — Такъ, я съ тобою; небо даровало мнѣ сію блаженную участь, о которой я толь долговременно воздыхалъ; и ты знаешь, достоинъ ли я того.

Она обращаетъ на меня взоръ свой: душа въ очахъ ея . . . . . вся душа. — О! истинный огонь тотъ, которымъ, заключа въ объятія свои, жжешь ты меня, жена божественная! на земли, гдѣ много я горѣлъ, никогда не испыталъ я толь остраго, толь сладострастнаго чувства. Молчи, вознесемся еще выше; и долгое дыханіе воздухомъ сихъ небесныхъ странъ очиститъ все, что остается еще земнаго въ твоемъ любовникѣ.

Радуга прекрасныхъ цвѣтовъ Иридиныхъ близко ужè. Бѣлые кони, влекущіе колесницу, несутся на скорыхъ крилахъ своихъ быстрѣе къ сей радугѣ. Пучина новаго свѣта льется внезапу отъ ея средоточія, и прорванное облако въ отверстыхъ нѣдрахъ своихъ представляетъ новое чудо.

Се, се конецъ длиннаго пути. Лучшая

страна ожидаетъ насъ, гдѣ чистыхъ склонностей не возмущаетъ черное подозрѣніе, ниже зависть тревожитъ, ниже гордость преслѣдуетъ. Тамъ смѣющіяся долины, и безопасныя жилища, гдѣ въ благоуханіи посвященныхъ любви миртовыхъ древесъ, любовь наша сама собою питаться будетъ, и сама себѣ любовь наша будетъ достаточна . . . . толпа друзей идетъ на встрѣчу намъ . . . . сойдемъ съ колесницы — о блаженство! . . . Все прошедшее исчезаетъ въ умѣ моемъ. Не остается ни малѣйшаго въ сердце моемъ волненія. О Елеонора! ты моя! моя, такъ что никто не поспоритъ въ томъ со мною: обойми меня. Нѣкій богъ тебя мнѣ далъ; или ты сама — ты мой богъ.

Ахъ! умри — умри; избавь самъ себя отъ стыда. Что другое остается тебѣ? или что другое надобно? . . . . О! давно ужè сія нещастная надобность мучитъ меня; и не имѣю силъ . . . . нѣтъ . . . . не имѣю силъ . . . . даже умереть.

Не сонъ ли то былъ? Какъ почитать сномъ то, что я сими глазами моими видѣлъ? . . . То, что я сими руками моими. . . . ?

Я ужè стоялъ на землѣ. Ей, вставшей ужè и хотящей сходить, подавалъ руку. Я это такъ твердо помню, что усумниться въ томъ было бы безуміе. . . . .

Ахъ! мнѣ бы надлежало, какъ она сходила, прижать ее къ себѣ. Проклятые кони, потекши паки пущемъ вѣтровъ, не унесли бы ее отъ меня. Я самъ виноватъ.

Но ты! . . . . О язва смертоносная и любезная! какимъ образомъ, созданная для сохраненія природы, для жизни сердецъ, такъ часто претворяешься ты въ ядъ, и дѣлаешься хуже смерти? Никто не говори мнѣ о любви . . . . . огоните ее съ земли. Мѣсто ея не здѣсь, въ адѣ . . . . тамъ ея мѣсто.

А ты, которая напослѣдокъ была моя . . . . гдѣ ты? . . . Чья ты теперь? . . . . Увижу ли я тебя?

Говорите мнѣ о ней . . . одной, и всегда о ней! . . . . Нещастное сердце сіе не можетъ заниматься ни чѣмъ другимъ: не хочетъ ни чѣмъ другимъ заниматься, хотя бы и могло.

О! все темнѣетъ. Полъ дрожитъ. Я не могу стоять. — Вотъ конецъ моимъ бѣдамъ. . . . .

БДѢНІЕ XXXIV.

Я свободенъ! нѣтъ, мнѣ это не почудилось. Дверь отворена. Онъ сказалъ ясно. Я свободенъ.

О Небо! что я дѣлалъ? Что такое думалъ? — Не помню. Сонъ . . . . . какой долгой сонъ! — Ахъ! Торквато! какъ это можно? Въ какое бѣдственное упалъ ты состояніе? . . . . Приготовимся къ отъѣзду.

Но какіе это листки? . . . . свидѣтели безпорядка въ умѣ моемъ. — Ступайте, будьте, раздранные на тысячу лепестковъ, игрою вѣтровъ, о печальные свидѣтели слабости моей! да не останется ни малѣйшей памяти ни объ васъ, ни о моемъ стыдѣ.

Но нѣтъ; оставайтесь. Никогда не было постыдно любить превосходное существо; и всякому должна быть священна невинная склонность, какой душа моя предалась. Итакъ оставайтесь.

Я просмотрѣлъ сіи листки. О какая любовь есть преужасная болѣзнь! не желалъ бы я никогда больше зараженъ быть ею.

Суетное однакожъ притворство. Ужасная болѣзнь сія много имѣетъ въ себѣ прельщающаго душу. Сіи самые листки, въ которыхъ собраны нѣкоторыя токмо искры сильнаго снѣдающаго меня пламени, сіи самые листки производятъ во мнѣ слезное

нѣкое умиленіе. . . Ахъ! всякъ, кто знаетъ любовь, конечно пожалѣетъ обо мнѣ.

Но много есть и суровыхъ людей. Они станутъ осуждать, что Тассовъ умъ на нѣкоторое время былъ мертвъ. Сокроемъ листы сіи отъ нихъ. Они выведутъ изъ того зловредныя для меня заключенія. . .

. . . . *).

Но когда нибудь издадутся въ свѣтъ. Я не буду больше въ живыхъ. Тогда будутъ ихъ читать съ жадностію, можетъ быть также и съ чувствомъ сожалѣнія. Я больше всего желаю, чтобъ читали ихъ съ пользою. Великой урокъ даю я симъ моимъ умоповрежденіемъ!

---

*) Мѣста сего въ подлинникѣ не можно было разобрать.

КРАТКАЯ

И

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПАГУБНЫХЪ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ ПОМЫСЛАХЪ, О ВОЙНАХЪ ЕГО СЪ ГИШПАНІЕЮ И РОССІЕЮ, О ИСТРЕБЛЕНІИ ВОЙСКЪ ЕГО И О ВАЖНОСТИ НЫНѢШНЕЙ НѢМЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Книжка, въ утѣшеніе и наставленіе Нѣмецкому народу сочиненная.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ трудившагося въ переводѣ.

Книжка сія показалась мнѣ достойною перевода на Руской нашъ языкъ. Она исполнена духомъ любви къ правдѣ, къ благочестію, къ добронравію. Нигдѣ не господствуетъ въ ней языкъ лжи. Сила ея состоитъ въ чувствованіи, краснорѣчіе въ истиннѣ изображаемыхъ событій. Сего довольно, дабы во множествѣ издаваемыхъ книгъ, быть ей въ числѣ немногихъ. Въ концѣ ея сказано: geschrieben zu Dresden in den ersten tagen des Aprils 1813, т. е. писана въ Дрезденѣ въ первые дни Апрѣля 1813. Слѣдовательно почти ровно за годъ до окончанія войны. Наставленіе Нѣмцамъ не худо прочитать и всякой Державы людямъ, когда они желаютъ быть истинными сынами своего отечества. Сочинитель ея неизвѣстенъ.

КРАТКАЯ

И

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПАГУБНЫХЪ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ ПОМЫСЛАХЪ, и проч.

Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, въ 1788 и 1789 годахъ, поднялся во Франціи сильный и страшный пожаръ, которой съ того времени смертоубійствомъ, кровопролитіемъ, грабежами и мучительствомъ свирѣпствовалъ, и поднесь еще продолжаетъ свирѣпствовать. Сей пожаръ охватилъ сперва Францію, и оттуда въ немногіе годы распространился во всѣ пограничныя области. Нѣмецкая земля, Италія, Швейцарія, соединенные Нидерланды чувствовали ярость его и пагубу. А въ послѣдніе годы достигъ онъ до отдаленнѣйшихъ земель, такъ что Гишпанія и Португалія и Польша и Россія почувствовали оный. Однѣ только уединенныя земли, какъ-то: Швеція,

Норвегія, Англія, защищены были морем; однакожъ и онѣ многими нуждами и жестокими войнами испытали, коль злополучное настояло время. Причиною же всеобщаго нещастія было слѣдующее.

За сто лѣтъ до сего появилось во Франціи богомерзкое скопище кощуновъ и сластолюбцевъ, которые всему насмѣхались, что человѣку было свято и почтенно, которые всякую вѣру и богослуженіе пустымъ мнѣніемъ называли, всѣ преданія и откровенія Божескія отвергали, и безъ закрышки говорили: ,,нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ сластолюбія; все послѣ сей жизни прахъ и тлѣнъ, и тѣмъ останется. Богъ, и безсмертіе и воздаяніе суть мечты слабоумія.“ Ядъ сихъ непотребныхъ людей разливался по всѣмъ странамъ, достигъ и въ наше отечество, въ Нѣмецкую землю. Равнодушіе къ святости и вѣчности, презрѣніе ко всѣмъ нравамъ и обычаямъ, суемудріе въ вѣрѣ, лжетолкованіе Божескихъ откровеній, алчность къ земнымъ благамъ, вмѣсто небесныхъ, забвеніе старой Нѣмецкой вѣрности и чести — вотъ на что пятьдесятъ или сорокъ лѣтъ справедливо жалуются честные и добрые люди. Мы уже не такъ кротки и вѣрны, какъ были; мы не любимъ больше съ такою искренностію нашего Бога, наше отечество, нашу свободу и честь;

съ какою любили ихъ наши праотцы. Какъ худо было у насъ, такие худо было и у другихъ народовъ. Когда люди таковы, тогда наказаніе Божіе близко; онъ покажетъ тогда имъ, что живетъ въ небѣ одинъ надъ всѣми. Богъ наказалъ свѣтъ пустымъ и дикимъ крикомъ о вольности и равенствѣ, обуяніемъ и ослѣпленіемъ всѣхъ сердецъ и умовъ, и кровожаднымъ и ненасытнымъ мучителемъ, которому онъ, какъ точному подобію сатаны и сатанинской хитрости и насильства, возстать попустилъ.

Такъ какъ люди во Франціи и во всей Европѣ отъ Бога и отъ старой вѣры отпали, и всякою нелѣпою ложью сердца свои наполнили, то дерзкіе безумцы сіи возмечтали, что они также всевѣдущи и премудры, какъ самъ Богъ, и могутъ въ одну минуту все то сдѣлать, что долговременностію вѣковъ пріуготовлено или самимъ Богомъ въ сердца отцовъ ихъ, лучшихъ чѣмъ они, вложено было. Надуваясь умничаньемъ и спѣсью, какъ они надъ Святымъ Евангеліемъ и Божественными откровеніями издѣвались, такъ и всѣ уставы и учрежденія, благоразумными и честными мужами въ прежнія времена постановленныя, выдавали за нелѣпыя и глупыя, и хвастали такимъ постановленіемъ правительства и вольности и блаженства, какого до нихъ никогда на

земли не бывало. Симъ омрачали многія сердца и обманывали легковѣрный народъ, и наконецъ сіи дурные, упрямые и злонравные люди думали, что они одними помыслами и лжеумствованіями своими то сдѣлаютъ, что предки ихъ съ вѣрностію и добродѣтелію основали. Сіе произвело, что съ 1780 года пусторѣчіе о *всеобщемъ равенствѣ и вольности*, о *неотъемлемомъ правѣ человѣческомъ*, о *верховной власти народа*, и о другихъ справедливыхъ и несправедливыхъ вещахъ, одержало верьхъ; а въ чемъ состоитъ истинная вольность и равенство, что такое священное право людей и въ какомъ случаѣ народъ должно всего выше поставлять — того они незнали. Напослѣдокъ въ 1788 и 1789 годахъ вспыхнулъ огонь, который долго тлѣлъ въ пеплѣ, и съ величайшимъ свирѣпствомъ охватилъ всю Францію. Вредоносное лжесіяніе его было такъ велико, что и въ другихъ земляхъ такіе же безразсудные и злонравные люди имъ ослѣпились. Въ немногіе годы весь старый порядокъ вещей былъ опрокинутъ, законъ поруганъ, Король казненъ, кровопролитіе, насильство и опустошеніе повсюду распространились. Нѣсколько наглыхъ злодѣевъ господствовали посредствомъ наведенія ужаса, и лицемѣрствуя употребляли имена *правосудія, вольности, равенства, возстановленія, перерожде-*

нія, которыми они людей и народы дурачили и обманывали. Въ тоже время распространилась изъ Франціи жестокая война, которая всѣми адскими хитростями раздуваема и производима была, и всѣ земли разоряла и опустошала; въ нѣдрахъ же Франціи происходило самое лютое смятеніе, одна часть людей искореняла другую, одно учрежденіе опровергалось другимъ, одна мерзость заступалась другою; ничего не было твердаго и постояннаго у тѣхъ, которые обѣщали основать вѣчнопребывающее, праведное и свободолюбивое царство. Такимъ образомъ большая часть гнусныхъ преступниковъ и убійцевъ, навлекшихъ толь великое нещастіе на свое отечество, собственными своими ученіями и пороками были наказаны и погибли.

Въ семъ состояніи дѣлъ, Богъ, въ четвертомъ году войны и въ осьмомъ году Французскаго возмущенія, воздвигъ человѣка, который дѣло срама увѣнчать и всему свѣту открыть долженствовалъ, какіе плоды времена безвѣрія и безбожія приносятъ: сей человѣкъ назывался Наполеонъ Бонапарте. Онъ родился на островѣ Корсикѣ, въ Средиземномъ морѣ не подалеку отъ Италіянскихъ береговъ лежащемъ, и обитаемомъ дикимъ, въ мятежахъ и грабительствахъ упражняющимся народомъ. Уже болѣе двухъ тысячь

лѣтъ островъ сей славится разбоями, убійствами, предательствомъ и всякими непотребствами, и понынѣ таковъ же, такъ что Италіянцы не охотно подъ одною кровлею съ Корсиканцомъ остаются. Сія разбойниками и душегубцами богатая земля долженствовала изъ нѣдръ своихъ изрыгнуть изверга, которой бы свѣтъ за грѣхи его наказалъ, и притомъ былъ бы явнымъ знаменіемъ, какого человѣка заслужили имѣть главою своею тѣ, которые Наполеона *освободителемъ*, *возстановителемъ*, и *обновителемъ свѣта*, и *воеводою* и *путеводящею звѣздою девятагонадесять вѣка* называли.

Бонапарте началъ служить во Французской народовозмутительной войнѣ поручикомъ въ артиллеріи, и во всѣхъ случаяхъ отличался проворствомъ, смѣлостію и храбростію; сверхъ того былъ онъ лукавъ, скроменъ, честолюбивъ, умѣлъ льстить и вкрадываться въ тѣхъ, которыхъ власть и покровительство могли проложить ему путь. Особливо же подольстился онъ къ Барасу, человѣку, имѣвшему въ 1795 по 1799 годы великую во Франціи силу, женился на его наложницѣ, вдовѣ Жозефинѣ Богарней, и былъ чрезъ него опредѣленъ главноначальствующимъ надъ Французскими войсками въ Италіи. Сіе случилось весною 1796 и

было первою великою ступенью его высокаго щастія.

Бонапарте появился, съ Италіянскою хитростію, смѣлостію и проворствомъ, и пріобрѣлъ надъ своими мешкатными и несогласными непріятелями чрезъ кровопролитныя битвы, а еще болѣе чрезъ обманчивые договоры, великія выгоды. Многіе думали, что онъ будетъ чрезвычайный мужъ и содѣлается утѣшеніемъ рода человѣческаго: но нѣкоторые предвидѣли ужѐ въ глубокой хитрости и непреклонной строгости, даже и въ самой величавой ласкѣ его, таившагося тигра, который сжатые когти свои нѣкогда распуститъ. Кровавыми побѣдами и раздѣленіемъ непріятельскихъ силъ Бонапарте покорилъ Италію, и Австрія заключила съ нимъ перемиріе, за коимъ долженствовалъ послѣдовать всеобщій миръ. Посреди мирныхъ договоровъ, происходившихъ въ Раштадѣ на Рейнѣ, отправился Бонапарте весною 1798 на прекрасномъ флотѣ съ избраннымъ изъ 45000 человѣкъ состоящимъ войскомъ въ Египетъ, дабы завоевать сію землю и въ иныхъ частяхъ свѣта подѣлать великія дѣла. Между тѣмъ какъ онъ тамъ то побѣдитель, то побѣжденный съ перемѣннымъ щастіемъ воевалъ, въ Европѣ снова возгорѣлась война, которая для Французовъ была весьма нещастлива,

шакъ что они всѣхъ войскъ и большой части завоеванныхъ земель лишились, и свѣтило щастія ихъ казалось бышь заходящимъ. Но что потеряли они оружіемъ, то пріобрѣли опять взаимною непріятелей своихъ враждою. Обладатели и полководцы такъ ослѣплены были, что они по десятилѣтнемъ испытаніи не могли еще понять, какою опасностію угрожала имъ Французская революція. Если бы они между собою дружны были, никогда не могло бы произойти того, что въ прошедшихъ годахъ сдѣлало насъ толь злополучными.

Когда все во Франціи было въ замѣшательствѣ, нещастіе отъ внѣ, возмущеніе внутри, никакого уваженія къ правящимъ, никакого повиновенія отъ подчиненныхъ, тогда осенью 1799 прибылъ нечаянно моремъ изъ Египта полководецъ Наполеонъ Бонапарте: онъ войска свои оставилъ, дабы во Франціи уловить случай сдѣлаться господиномъ. Дѣйствительно вскорѣ низвергъ онъ господство тѣхъ, которые подъ именемъ правителей (директоровъ) высочайшую власть имѣли, разогналъ помощію солдатъ всѣхъ другихъ сильныхъ, и сдѣлался въ званіи перваго Консула верховнымъ правителемъ. Послѣ того велъ онъ съ большою силою войну, одержалъ великія побѣды, и принудилъ Нѣмецкую и другія державы къ миру,

которымъ онъ отъ Нѣмецкой области многія прекрасныя земли и города отнялъ, и многія другія государства привелъ въ зависимость отъ Франціи. Одна только свободная и смѣлая Англія стояла непоколебимо, и по краткомъ мирѣ вступила опять въ войну съ Франціею.

Бонапарте, ставъ первымъ Консуломъ и обладателемъ Франціи, морочилъ и обманывалъ еще словами вольности, правосудія, человѣколюбія и миролюбія; но годъ отъ году показывалъ больше и больше, что̀ такое онъ и чего хочетъ. Никогда не было на земли обладателя, которой бы подобно ему съ такимъ успѣхомъ употреблялъ ложь и подъ пестрымъ покрываломъ ея столько оскорблялъ добродѣтель и правду. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ злѣйшихъ и законопреступнѣйшихъ людей, которыхъ Французское народовозмущеніе во всѣхъ козняхъ пороковъ и непотребностей сдѣлало искусными, дабы они ему царствовать и какъ свой, такъ и чужіе народы порабощать помогали. Все же то, что свободу, истину, правосудіе, человѣчество и вѣрность любило, онъ сбросилъ, прогналъ, сослалъ, заточилъ, казнилъ. Ужасъ и насильство царствовали во всей Франціи, правда онѣмѣла, правосудіе ушло на небо, и въ немногіе годы на лобныхъ мѣстахъ и въ темницахъ по-

гибло болѣе нещастныхъ жертвъ, нежели пало оныхъ въ царствованіе десяти Королей. Сверхъ сихъ кровавыхъ насильствъ, коими онъ бодрость и духъ людей ослаблялъ и обуздывалъ, собралъ Бонапарте толь великое число войскъ, что всѣ другіе обладатели также власти его трепетать долженствовали. Онъ употребилъ на то силы всей Франціи, Италіи, Нидерландовъ и части Нѣмецкой земли (въ которую онъ посреди мира вошелъ и расхитилъ и ограбилъ), также и великую дань, какую платили ему Гишпанія и Португалія.

Когда сей властолюбивый и кровожаждущій человѣкъ такихъ людей, коихъ добродѣтель и честность ему опасны были, избавиться хотѣлъ, то производилъ онъ сіе адскою хитростію тайной своей полиціи, надъ которою начальствовалъ отличный злодѣй Фуше, и оплеталъ ихъ такою сотканною изъ клеветъ и предательствъ сѣтію, что они изъ ней никакъ выпутаться не могли. Такимъ образомъ подъ предлогомъ измѣнниковъ противъ отечества и умышлявшихъ противъ его особы многіе казнены, другіе посажены въ темницу, и тамъ удавлены, нѣсколько сотъ сосланы за море на острова и берега южной Америки, дабы они тамъ въ бѣдности и безъизвѣстности померли. Явнымъ также знакомъ кроткаго и

правосуднаго царствованія сего человѣка служитъ, что во всей Франціи, во всякой округѣ, построены новыя темницы для содержанія въ нихъ такъ называемыхъ Государственныхъ преступниковъ. Бонапарте званіемъ и властію перваго Консула не былъ доволенъ; ему хотѣлось получить бо́льшее сего имя. Дабы дать себѣ оное и господство свое еще болѣе распространить, надобно было ему прибѣгнуть къ новымъ смертоубійствамъ и произвесть ихъ съ нетрепетною свирѣпостію. Сперва велѣлъ онъ одного изъ Князей отъ древней крови Королей Французскихъ, прекраснѣйшаго и храбрѣйшаго изъ всѣхъ, солдатамъ своимъ среди мира въ Нѣмецкой землѣ схватить и близъ Парижа разстрѣлять. То былъ Энгіенскій Герцогъ, юноша въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и который прекраснымъ станомъ своимъ и мужественнымъ сердцемъ приводилъ добродушнѣйшаго Короля Французскаго на память. Вскорѣ потомъ раздался изъ Парижа слухъ, что открылось пагубное и страшное злоумышленіе противъ щастія и свободы Французовъ, противъ жизни перваго Консула, и что многіе знаменитые люди въ томъ замѣшаны, между прочимъ оба славные полководца, Пишегрю и Моро. Въ самомъ же дѣлѣ хотѣлось ему погубить Генерала Моро, который по великимъ своимъ

дѣламъ и по достоинству нрава былъ изъ всѣхъ Французскихъ полководцевъ наилюбимѣйшій и самопроизвольному возниченію власти его наиопаснѣйшій. Судъ надъ сими мужами былъ безпорядочнымъ и насильственнымъ образомъ наряженъ, и такимъ же образомъ произведенъ въ дѣйство: Пишегрю въ темницѣ задушенъ, Моро сосланъ въ Америку, изъ остальныхъ иные казнены, другіе, которыхъ выдали за согласниковъ и за орудіе, прощены. Бонапарте послѣ сего велѣлъ провозгласить себя Французскимъ Императоромъ, а потомъ вскорѣ Королемъ Италіянскимъ, и осенью 1804 въ главной Парижской церкви короновался.

Между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ жестокостями, обманами и насильствомъ внутри Франціи возносился на высоту господства и власть свою происками и разбоями полиціи, также и щедро награждаемыми Министрами, Совѣтниками, Маршалами, тѣлохранителями основывалъ, пожиралъ онъ внѣ Франціи, какъ ненасытный волкъ, все больше и больше вокругъ себя, и глоталъ одну землю послѣ другой въ хлябь своего властолюбія, поступая съ Царями и Царствами съ несносною гордостію и величавостію. По сей причинѣ осенью въ 1805 году возгорѣлась противъ него сильная война, въ которой Англія, Россія, Австрія,

Швеція и другія державы участвовали, и которая могла бы усмирить его, еслибъ союзъ сей между обладателями былъ тѣснѣе и вѣрнѣе наблюдаемъ. Война сія при первомъ объявленіи своемъ началась нещастными произшествіями: Князи Баварскій, Виртембергскій, Баденскій, и великій Канцлеръ Имперскій Карлъ Фонъ Далбергъ, который хотѣлъ всегда слыть отчизнолюбцемъ, оторваны были силою непріятеля отъ Имперіи, перешли къ Французамъ, и усиливали ихъ войска. Австрія была побѣждена и заключила миръ, которымъ она владычества своего надъ Нѣмецкою страною, предстѣнія Государства своего Тироля, и многихъ прекрасныхъ земель лишилась. Вся Нѣмецкая земля открыта была побѣдителю; онъ поступалъ съ нею съ жесточайшимъ самовластіемъ, и наконецъ объявилъ себя основателемъ новаго Нѣмецкаго союза, коимъ свобода и благоденствіе Нѣмецкой земли долженствовали начаться, и который назвалъ онъ Рейнскимъ союзомъ; но то былъ не союзъ, а постыдное рабство, въ которое низвергъ онъ всю южную Нѣмецкую землю.

Это было только начало. Онъ отчасу больше вокругъ себя заграбливалъ, и сѣверную Нѣмецкую землю, въ томъ числѣ и Пруссію такъ притѣснилъ, что ей между войною и раболѣпствомъ другаго выбора

не оставалось. Пруссія вела войну сію весьма нещастливо; чрезъ что союзные нынѣ съ Франціею южно-Нѣмецкіе обладатели послѣднія свободныя земли и города Нѣмецкаго царства привели въ порабощеніе, и Нѣмецкія братья другъ противъ друга въ братоубійственныхъ битвахъ сражались, и собственнаго рабства своего оковы крѣпче смыкали: старое Нѣмецкое нещастіе! также многіе и сѣверной Нѣмецкой земли Князья должны уже были къ сему такъ называемому Рейнскому союзу пристать, и войсками своими и всякаго рода пособіями чуждаго мучителя усиливать. Тогда вся Нѣмецкая земля грабежу и насильству безвозбранно предлежала; всѣ города, крѣпости и берега чужеземцами заняты; Французы и друзья ихъ начали правительствовать, а честные и вѣрные Нѣмецкіе мужи за то, что отечество свое и правду и правоту любили, посажены были въ темницу или на площади убиты, и нужда, мучительство и отчаяніе день отъ дня возрастали. Чуждый поработитель велѣлъ льстецамъ своимъ называть себя *миродарователемъ*, *свободовозстановителемъ* и *свѣта-облагодѣтельствователемъ*. Безстыдство достигло до такой высокой степени, что ложь предъ лицемъ Бога и свѣта наглѣйшимъ образомъ выдавала себя за правду, и многимъ едва казалась ложью.

Щастіе, такъ скоро Бонапартія съ ступени на ступень возводившее, наконецъ его ослѣпило, и онъ тотчасъ послѣ Тильзитскаго мира, послѣ котораго вся Нѣмецкая земля подъ власть его упала, покусился на новый обманъ и злодѣйство, кои не такъ ему удались, какъ прежніе. Гишпанія недостойнымъ временьщикомъ, вмѣсто Короля управлявшимъ ею и называвшимся Княземъ мира, вся какъ бы измѣннически продана была Франціи: флоты ея, войски, казна — все было въ полномъ распоряженіи Бонапартія: она казалась быть Французскимъ удѣломъ. Однакожъ ненасытное властолюбіе его не было тѣмъ довольно: Гишпанія долженствовала быть порабощена и Французскими полководцами и градоначальниками обладаема и отъ Французскихъ солдатъ и разбойниковъ расхищена и опустошена; духъ гордаго и величаваго народа долженъ былъ привыкнуть къ стыду и рабству. Подъ видомъ, будто бы, для устращанія приверженныхъ къ Англіи Португальцевъ, вошли осенью 1807 Французскія войска въ Гишпанію, и внезапнымъ обманомъ взяли оба главные ключа ея, Барцелону и Пампеллону. Въ тожъ время Парижскія и Бонапартіевскія змѣиныя хитрости тайнымъ образомъ дѣйствовали въ Гишпаніи, и сѣяли подозрѣніе, раздоръ и предательство. Но гнѣвъ

Гишпанскаго народа, который поработить мнили, наконецъ воспрянулъ: старый слабый Король отчужденъ отъ самодержавства, предатель отечества Князь мира ввerженъ въ темницу, и старшій сынъ Короля, Князь Астурійскій, подъ именемъ Фердинанда седмаго, возведенъ на престолъ. Сіе происходило осенью 1808.

Какъ ни была сія развязка обстоятельствъ досадна Бонапартію, но онъ взялъ на себя совсѣмъ иной видъ, и притворяясь изъявлялъ юному Королю Гишпанскому дружелюбивѣйшія чувствованія. Онъ пригласилъ его для совѣщанія и разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ пріѣхать на границу Гишпанскую. Фердинандъ, не подозрѣвая ничего худаго, поѣхалъ ему на встрѣчу. Но лишь только приблизился онъ къ границѣ, какъ Французскіе солдаты его схватили, и отвезли насильно въ Баіону, городъ въ южной Франціи, гдѣ Бонапарте уже находился. Тамъ одержали его, какъ плѣнника; Королевскіе родители его, прочіе Принцы, и Князь мира, тудажъ привезены; низведеніе съ престола стараго Короля уничтожено; Фердинандъ седмый объявленъ возмутителемъ; старый Король поднесъ добровольно, изъ благодарности — такъ это разглашалось — Гишпанскую корону и всѣ Королевскія права (которыми онъ дарить не могъ), *пріятелю своему и*

освободителю Наполеону, а сей *великій освободитель и возстановитель Гишпанскаго сіянія и славы*, жарен вмѣсто себя браша своего Іосифа, шак называемаго Короля Неаполиттанскаго, Королем Гишпанским. Гишпанскіе же Короли и Принцы во Франціи посажены въ шюрьму.

Едва въ Гишпаніи пронесся слухъ, что сдѣлалось въ Баіонѣ, какъ все гордостію, яростію и мщеніемъ воспылало прошивъ вѣроломнаго измѣнника, который себя союзникомъ Гишпанскаго народа, другомъ Короля, и возстановителемъ Гишпанской чести называлъ. Въ столицѣ началось: Мадришъ первый въ Маіѣ мѣсяцѣ благороднымъ гнѣвомъ воскипѣлъ, а потомъ вскорѣ и весь народъ поднялъ прошивъ Французовъ оружіе. Зяшь Бонапартіевъ, Мюрашъ, тогда еще великимъ Герцогомъ Бергскимъ, а послѣ Королемъ Неаполишанскимъ называвшійся, былъ съ жадными своими грабишелями выгнанъ изъ города; Французской флошъ въ Кадиксѣ сдался; Французское войско, 25000 человѣкъ, не подалеку отъ Кордовы разбито и въ полонъ взято; повсюду возстаніе, вопли мщенія, кровавое гоненіе на Французовъ и приверженныхъ къ нимъ; вскорѣ Бонапартію объявлена война, а съ Великобританіею заключенъ союзъ; Португалія Англинскими высаженными на берегъ войсками

покорена; въ Аррагоніи явился благодушный Палафоксъ, сей доблій подвижникъ, который небо и землю призывалъ въ свидѣтельство Гишпанскаго срама и Французской измѣны, и внушилъ соотечественникамъ своимъ такую душу мужества и мести, что вокругъ Сарагоссы многія тысячи Французовъ изрублены въ куски.

Европа обрадовалась, Бонапарте удивился и ужаснулся. Онъ искалъ угрожавшую въ Гишпаніи бурю укротить, и послалъ туда страшное число войскъ, стоявшихъ въ завоеванной имъ Нѣмецкой землѣ. Гишпанцы не могли толь великой силы его удержать: онъ вошелъ въ столичный городъ ихъ Мадритъ и прогнаннаго брата своего Іосифа посадилъ снова на престолъ. Тутъ возгласилъ онъ громко: *презрѣнныя и невоинскія скопища людей, возставшія противъ законнаго Короля ихъ Іосифа, разсѣяны и уничтожены; бунтовщики сіи* (такъ называлъ онъ ихъ) *не могутъ болѣе возбуждать народъ къ войнѣ; одного Французскаго поручика довольно теперь, чтобъ довершить покореніе Гишпаніи.*

Бонапарте не имѣлъ времени оставаться долѣе въ Гишпаніи, можетъ быть и не смѣлъ. Онъ боялся гнѣва и мщенія благороднаго и гордаго народа, съ которымъ онъ толь измѣнническимъ и оскорбительнымъ

образомъ поступалъ. Австрійскій дворъ чувствовалъ утраты свои съ 1805 года, и рѣшился потерянное господство свое возвратить: весною въ 1809 объявилъ онъ Бонапартію войну. Сія война ведена была съ великою честію и перемѣннымъ щастіемъ; при больщей подвижности и дѣятельности, при большемъ единствѣ въ намѣреніяхъ и смѣлости въ исполненіяхъ, при вящшемъ мужествѣ и высокомъ чувствѣ, вовлечь Нѣмецкій народъ съ собою въ сію священную войну, отечество могло бы въ сіе лѣто быть спасено. Однакожъ Ваграмъ и Эслингенъ, Стерцингенъ и Бергъ-Изель всегда съ радостію въ устахъ Нѣмецкихъ мужей будутъ твердиться; постоянство и любовь къ отечеству храбрыхъ Австрійцевъ, добледушіе Тирольцевъ и безсмертнаго ихъ предводителя Андреаса Гофера фонъ Пассеира, смѣлость и нещастіе Деренберга, храбрость и паденіе Шиля, высокій духъ и неустрашимость Вильгельма Брауншвейгскаго, и толь многихъ другихъ Нѣмецкихъ мужей печальная не по достоинству судьба, останутся навсегда незабвенными. Также и сію горесть честный Нѣмецъ долго не позабудетъ, что Нѣмецкія войска противъ Австріи и Нѣмецкаго отечества за Французовъ воевать и Нѣмецкую честь и свободу угнѣтать должны были: сто тысячъ Нѣм-

цовъ подъ Бонапартіевыми знаменами сражались, и всегда въ битвахъ выставляемы были впередъ, чтобъ первые падали и Французовъ собою заслоняли.

Въ Гишпаніи между тѣмъ война не престала продолжаться съ убійственною и неутолимою ненавистію; Французы хотя и взяли нѣсколько крѣпостей, но Гишпанскаго народа и мужественнаго и гордаго духа его, непреклоннаго къ рабству, побѣдить не могли. Когда Бонапарте Австрійскую войну скорѣе и щастливѣе кончилъ, нежели надѣялся, тогда наводнилъ онъ Гишпанію новыми войсками, проникъ до южнаго моря и облегъ крѣпость Кадиксъ, лежащую противъ Мавританскаго берега. Сіе было осенью 1809 и зимою 1810.

Но въ Гишпаніи были еще благородные мужи, подкрѣплявшіе духъ народной гордости. Палафоксъ въ Сарагосѣ, главномъ городѣ Аррагоніи, мужественно защищавшійся, взятъ въ плѣнъ, отвезенъ во Францію, и тамъ въ темницѣ умерщвленъ. Но доблесть его и доблесть многихъ другихъ превосходныхъ мужей жила неистребимо въ сердцахъ Гишпанцевъ, и воспаляла ихъ ко всякой силѣ и крѣпости. Изъ числа живыхъ больше всѣхъ сіяли знаменитый полководецъ Графъ Романо, который, дабы стоять за свободу отечества своего, бывшія подъ на-

чальствомъ его во Французской службѣ войска отъ Балтійскаго моря увезъ и къ отечественнымъ берегамъ приплылъ; Герцогъ Альбукиркъ и Инфантадо, военачальники Одонель, Баллестеросъ, Кампо-Верде, Мина, Эмпецинадо, Аббадія; а въ народѣ пламенѣло упованіе на Бога и любовь къ отечеству, которую никакія чародѣйства обмануть, никакія претерпѣнныя ими пораженія разрушить, никакія жестокости и казни устрашить не могли: Гишпанская война сдѣлалась войною всего народа. Притомъже на Гишпанской землѣ появился великій Англинскій полководецъ Маркизъ Веллеслей, который потомъ за одержанныя имъ надъ Французами побѣды названъ Лордомъ Веллингтономъ и Герцогомъ Кьюдадо-Родригскимъ. Сей во многихъ сраженіяхъ разбилъ Французовъ, и еще больше истощилъ и утомилъ ихъ своими искусными и благоразумными движеніями и нападеніями и отрѣзываніемъ всякихъ пособій и подвозовъ, такъ что щастіе ихъ весьма медленно впередъ и часто весьма скоро назадъ подавалось.

Гишпанцы сначала вели войну своимъ собственнымъ образомъ: они для открытыхъ битвъ не имѣли достаточнаго искусства и обученія; но страшны были въ малыхъ и частныхъ сраженіяхъ, отрѣзываніяхъ и нападеніяхъ. Почти во всѣхъ округахъ

Гишпаніи частные начальники надъ сонмами, отъ пяти сотъ до пяти и десяти тысячь простиравшимися, воевали противъ Французовъ по своему: обезпокоивали непріятеля днемъ и ночью, внезапу на него нападали, перехватывали гонцевъ и лазутчиковъ, отрѣзывали подвозы, изчезали, когда непріятель былъ силенъ, и появлялись опять, когда онъ былъ слабъ. — Такъ воевали благородные Гишпанцы, которыхъ Бонапарте презрительными шайками, а предводителей ихъ разбойниками называлъ. Поелику въ груди людей горѣлъ священный пламень къ вѣрѣ, свободѣ, отечеству, и древней чести Гишпанцевъ и Вестготовъ, предковъ ихъ, того ради всѣ меньшія сего созерцанія преданы были забвенію: святый крестъ Спасителевъ вѣялъ предъ ними, имя народа и отечества блистало аки святое сіяніе, — тогда въ смѣлыхъ сердцахъ обитало одно токмо сладкое чувство мщенія, побуждало въ яростномъ воспаленіи не щадить для него ни имуществъ ни сокровищъ, ни здравія, ни жизни. Гвериласы — такъ назывались частныя Гишпанскія ополченія — были вездѣ и нигдѣ. Бонапарте возвѣщалъ побѣды за побѣдами, взятіе крѣпостей, истребленіе всѣхъ войскъ; но повсюду въ Гишпаніи не переставала продолжаться отчаянная война, и земля сія была льви-

ною пещерою для Французскихъ войскъ: густы приходили они туда, жидки возвращались назадъ; Французскіе, Нѣмецкіе, Италіянскіе полки, состоявшіе при входѣ изъ 2000 и 2500 человѣкъ, имѣли при выходѣ не болѣе 150, 50 и даже 25 человѣкъ. Здѣсь предъ высокимъ духомъ и твердою добродѣтелію уничтожалось всякое искуство и наука, цѣлыя воинства съ людьми и снарядами исчезали, и военачальники и полководцы Французскіе возвращались въ Парижъ одни, и сказывались больными. Сію Гишпанскую болѣзнь и въ прежнія времена Императоръ Августъ тамъ испыталъ. Европа видѣла здѣсь свѣтлую, неугасаемую никогда искру свободы.

Да! здѣсь было кровавосвѣтло, а на остальной твердой земли рабственнотемно, всего же темнѣе было въ Германіи. Сіе великое, богатое, и естьли бы единодушно быть хотѣло, сильное царство, чрезъ несогласіе такъ глубоко упало, что многіе въ паки возстаніи его отчаявались. Своевольно и насильственно обладалъ, раздавалъ, дѣлилъ чуждый разбойникъ земли, и распоряжалъ имуществомъ, честію и жизнію Нѣмецкихъ мужей, какъ ему угодно было. Въ 1806 году Ниренбергскій книгопродавецъ Пальмъ хищною рукою былъ взятъ и разстрѣленъ; въ 1807 такая же участь постигла многихъ

прекрасныхъ Пруских офицеровъ и чиновниковъ, которые нещастнаго своего отечества забыть не могли; въ 1809 свирѣпствовалъ ужасъ: Марбургъ, Барейтъ, Везель капали Нѣмецкою пролитою чуждымъ палачемъ кровію, и что еще расказали бы хладныя темницы, естьлибъ имѣли языкъ! Храбрый Шилъ многихъ Французскихъ и Вестфальскихъ плѣнныхъ офицеровъ отпустилъ на честное слово; онъ палъ въ Стральзундѣ съ мечемъ въ рукахъ; нѣкоторые изъ почтенныхъ его сотоварищей взяты въ плѣнъ: изъ сихъ чудовище разстрѣлялъ въ Везелѣ двѣнатцать офицеровъ, и бывшихъ съ ними слугъ сослалъ на каторгу. Храбрые Тирольцы возстали за Нѣмецкую свободу и Нѣмецкое отечество; изъ среды ихъ лѣтомъ 1809 возникъ добледушный, природною своею добродѣтелію Князей и полководцевъ превышающій: то былъ Андреасъ Гоферъ, прозываемый Зандвиртъ, простой содержатель гостиницы и купецъ изъ Пассеира. Онъ былъ страшенъ въ бою и милосердъ въ побѣдѣ. Когда нещастный миръ безполезную Австрійскую войну кончилъ, тогда и Тиролю возвѣщено было прощеніе и забвеніе, но не исполнено: многія сотни храбрыхъ Тирольцевъ, преставшихъ отъ брани, ввержены въ темницу, разстрѣлены и повѣшены; также и Гоферъ былъ напослѣдокъ измѣн-

нически схваченъ, въ Италіянскую крѣпость Мантуу привлеченъ, и какъ возмутитель противъ господина Нѣмецкой земли, Бонапартія, разстрѣленъ. Онъ умеръ съ такимъ же твердымъ духомъ, съ какимъ жилъ. Вся Нѣмецкая земля опечалена была смертію сего мужественнаго и добраго человѣка.

Палачи и губители господствовали и повелѣвали въ Нѣмецкой землѣ, господствовали въ ней соглядатели и лазутчики и верхніе и нижніе надзиратели, которыхъ Французы изъ непотребнѣйшихъ своихъ и Нѣмецкихъ плутовъ выбирали: довольно сказать, что сидѣвшіе въ тюрьмахъ за долги, и въ смирительныхъ домахъ, и заклейменные бездѣльники, часто были почтмейстерами и таможенными въ Нѣмецкихъ городахъ.

Нѣмецкихъ владѣтельныхъ Князей Бонапарте ни вочто ставилъ: онъ казнилъ ихъ подданныхъ, не спрашивая у нихъ; онъ вводилъ войска свои въ ихъ крѣпости и столицы; онъ дѣлилъ и мѣнялъ земли ихъ туда и сюда; онъ сажалъ и ссаживалъ военачальниковъ ихъ; онъ посылалъ войска ихъ, куда хотѣлъ, и приказывалъ имъ срамно противъ Австріи и Пруссіи, и постыдно противъ свободной Гишпаніи воевать и злодѣйствовать; онъ обезчестилъ старѣйшіе Княжескіе домы бракосочетаніемъ съ тѣми, которыхъ онъ Князьями своего дому называлъ; онъ

жаловалъ ихъ въ Короли Неаполитанскіе, Голландскіе, Вестфальскіе, въ Вице-Короли Италіянскіе, и въ Герцоги Бергскіе и Невшательскіе; онъ отчасу больше забиралъ Нѣмецкихъ городовъ и земель, и высасывалъ ихъ наводненіями войскъ своихъ, съ коими налетало подобно саранчѣ множество всякаго рода жрущихъ гадовъ, которые подъ тысячами именъ и званій нещастныя земли терзали и мучили.

Не одно было только разрушеніе благосостоянія и радости, но вмѣстѣ и гнуснѣйшее угнѣтеніе словамъ и мыслямъ. Все что было худо, злонравно, раболѣпно, что золотомъ и сластолюбіемъ развращено, то легко отыскивали Французы, и для себя употребляли; все же благородное и благомыслящее умолкло и скрылось, дабы не попасть въ темницу или на площадь; многіе также честные Нѣмцы, чтобъ не такъ близко видѣть бѣдность и стыдъ отечества своего, удалились изъ онаго, и жили въ чужихъ земляхъ или сражались подъ Англинскими и Гишпанскими знаменами за свободу. Величайшій Бонапартіевъ бичъ для Нѣмецкой земли былъ Маршалъ Давустъ, которой также Герцогомъ Ауэрштедскимъ и Принцемъ Экмульскимъ именовался, лютой и жестокой человѣкъ, которой насильство называлъ справедливостію: подъ нимъ со-

стояла шайка лазутчиковъ, клеветниковъ, доносщиковъ и лжесвидѣтелей, отъ коихъ никакая добродѣтель и честь не могла быть безопасна.

Точно ли сіе изображеніе? Нѣтъ! точнаго описать не можно: потомки наши съ трудомъ повѣрятъ, что мы времена сіи пережили. Таково было состояніе Нѣмецкой земли въ 1808, 1809, 1810 и 1811 годахъ. Бездѣльники и злодѣи явно ужè торжествовали и господствовали, и мнили, что они и Французы ихъ всегда будутъ господствовать; вялые и робкіе служили безъ надежды и безъ мыслей; многіе добрые приходили ужè въ отчаяніе; нѣкоторые токмо бодрствующіе надѣялись: они видѣли безпредѣльную неумѣренность пороковъ, они познавали кипѣніе новотворительнаго духа времени, они почитали Англинскую и Гишпанскую противъ Франціи войну надежною, всего же болѣе полагались на Бога и возмездіе, вездѣ въ бытописаніяхъ примѣчаемое.

Многіе озирались на Россію, зная, что Бонапарте не захочетъ на востокѣ оставить независимое и свободное царство; особливо же обращали взоры свои на нее въ 1810 и 1811 году. Въ послѣдній изъ сихъ Французскія силы въ Нѣмецкой землѣ со дня на день умножались; гарнизоны въ крѣпо-

стяхъ на Одерѣ и въ городѣ Данцигѣ были увеличены; войска многихъ Князей Рейнскаго союза поставлены на воинскую ногу; самыя откровенныя и ласкательныя Бонапартіевы обнадеживанія, что онъ никогда не былъ въ таковъ согласіи съ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ, какъ нынѣ, означали вражду и войну.

Въ началѣ 1812 года Французскія и союзныя съ ними войска придвигались отчасу ближе къ Одеру и Вислѣ; Пруссія долженствовала заключить пренещастнѣйшій союзъ съ Бонапартіемъ; вскорѣ и Австрія обѣщала ему дать вспомогательныя войска. Къ лѣту 1812 года Бонапарте имѣлъ около Вислы слишкомъ триста пятдесять тысячь человѣкъ, и на пространствѣ двухъ или болѣе сотъ миль позади его вездѣ толпились воины и оружіе. Наконецъ послѣ долгихъ возвѣщеній появился онъ самъ въ Нѣмецкой землѣ, пробылъ нѣсколько дней въ Дрезденѣ, и отправился въ Польшу.

За чѣмъ Бонапарте желалъ войны? частію по врожденной въ немъ къ кровопролитію охотѣ, частію по причинѣ претерпѣнныхъ войсками его неудачь и пораженій въ Гишпаніи: онъ долженъ былъ что нибудь дѣлать, чѣмъ бы привесть оныя въ забвеніе. Между тѣмъ однакожъ, чтобъ Пруссію и Австрію напередъ совершенно прогло-

шить, старался онъ Россійскаго Императора обманчивыми переговорами и льстивыми обѣщаніями проманить; но какъ Императоръ предпоставлялъ честь, то война безъ объявленія была объявлена. Іюня въ 12 день Французскія войска перешли за Неменъ.

Въ сихъ людьми, лошадьми, снарядами, ружьями, пушками, великолѣпіемъ и стройностію, самыхъ блистательнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ войскахъ, какихъ за нѣсколько тысячь лѣтъ въ Европѣ не видано, считалось одной конницы 60000 человѣкъ; многіе, кто ихъ видѣли, думали, что ими весь свѣтъ завоевать можно. Такъ шелъ Наполеонъ лѣтомъ 1812 на брань. Руские были гораздо въ меньшемъ числѣ, и для того главной битвы избѣгали, и далеко на многія мили даже до рѣки Днѣпра, гдѣ старая Руская граница, назадъ подавались. Но скоро вся Россія преобразилась въ воинство. Руские не забыли надменности и презрѣнія, съ какимъ Бонапарте и его Французы о Россійской землѣ и народѣ говорили и разглашали; они вѣроломную Корсиканца политику давно ненавидѣли. Вскорѣ послѣ начала воинскихъ дѣйствій Императоръ АЛЕКСАНДРЪ выдалъ въ лагерѣ при Полоцкѣ на Двинѣ воззваніе къ Россійскому народу, гдѣ объяснилъ ему объявленное громко непріятелемъ намѣреніе, что Руские и отече-

ство ихъ должны сдѣлаться добычею Бонапартіева властолюбія; гдѣ увѣщавалъ не потерпѣть сего, и въ уповаціи на Бога и правоту дѣла пребывать, мужественно ополчиться, и во всѣхъ предѣлахъ обширнаго царства возстать и поражать враговъ; и гдѣ обѣщалъ онъ въ сей великой и священной брани, какъ истинный Россійскій Императоръ, вмѣстѣ съ народомъ твердо стоять. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ тотчасъ послѣ сего поѣхалъ изъ арміи въ Москву, и воззвалъ къ сей древней и достопочтенной Руской Столицѣ, всѣмъ другимъ городамъ и округамъ въ пожертвованіяхъ и любви къ отечеству показать примѣръ. Такимъ образомъ объѣхалъ онъ многія другія округи и увѣщевалъ и ободрялъ ихъ. Но они и безъ того были ужѐ къ тому готовы; ибо любовію къ Государю своему и отечеству, и гнушеніемъ и ненавистію къ непріятелю, сами собою на то побуждались.

Съ начала Іюля вся Россія отъ Юга до Сѣвера была въ живомъ, бодромъ и воинскомъ движеніи; изъ каждаго города, изъ каждаго села, или лучше сказать изъ каждаго дому, шли защитники отечества, горѣвшіе желаніемъ въ толь священной войнѣ кровь свою пролить; куда ни обратиться, всѣ города и улицы наполнены были воинами, ратниками, охотниками; во всѣхъ боль-

шихъ деревняхъ сотни, часто тысячи, или воинскому дѣлу обучались, или проходили далѣе; во всѣхъ городахъ собранія живущихъ въ окрестности дворянъ, гражданскихъ чиновниковъ и управителей, истинное собратство лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, которые жертвы свои на олтарь отечества возлагали, крестьянъ своихъ въ уѣздный городъ привозили, деньги, оружіе, одежду, припасы для раненыхъ доставляли. Всѣ состоянія, всякій возрастъ, всякій полъ, всѣ разныя сословія во всеобщей любви къ отечеству и ненависти къ Французамъ другъ другу не уступали. Тамъ благородная жена обнимала мужика съ бородою, и съ слезами на глазахъ кидала ему въ шапку нѣсколько серебряныхъ рублей; тамъ цѣломудреннѣйшая дѣвица стояла подлѣ телѣги, на которой везли назадъ раненыхъ воиновъ, и цѣловала ихъ и дарила, и не стыдилась; тамъ незнакомые люди, никогда другъ друга не видавшіе, упадали одинъ другому на шею и въ безмолвной любви рыдали, подобно какъ бы два въ юности разставшіеся друга и по долгой разлукѣ нечаянно въ чужой странѣ увидѣвшіеся; тамъ по большимъ дорогамъ цѣлые ряды возовъ, по сту и по двѣсти, ѣдутъ, везутъ, съ такимъ веселіемъ, какъ бы ѣхали на пляску, а не на войну.

Такъ возрастало въ Россіи число оруженосцевъ и тѣхъ, кои хотѣли быть оруженосцами: во всемъ народѣ горѣлъ такой духъ, бодрость и гнѣвъ, что никто не хотѣлъ отстать въ ревности посвятить себя любезному отечеству и оставаться при своихъ мирныхъ работахъ. Москва и Петербургъ, двѣ Столицы обширнѣйшаго Царства, обѣщали поставить нѣсколько тысячъ человѣкъ вооруженныхъ и всѣмъ снабденныхъ; многіе благородные Князья и Бояре набрали собственные свои полки пѣхотные и конные — словомъ, всякъ приносилъ, давалъ, что имѣлъ: никто не хотѣлъ видѣть отечества своего въ рабствѣ. Самое же прекраснѣйшее въ сей прекрасной ревности было смиреніе и кротость, съ какою всякой въ священную службу сію вступалъ: Сенаторы и Тайные Совѣтники, старые и юные за ранами уволенные и отставные офицеры, всѣ приходили, сердцемъ своимъ влекомые, и принимали всякой чинъ и всякое мѣсто, гдѣ только полезны быть могли; они служили не изъ почестей и злата, служили за Бога и за свободу.

Человѣческая рука слаба, когда Богъ ее не подкрѣпляетъ, и сердце его легко впадаетъ въ уныніе, когда непобѣдимая вѣра не воспламеняетъ онаго. Россіяне народъ кроткій и богобоязненный, они вели сію

тяжкую войну съ Богомъ и за Бога; божественные храмы, святыя мѣста, мощи угодниковъ, ежедневно посѣщаемы были множествомъ людей; оборонители отечества проливали молитвы, возлагали на себя крестъ, освящали торжественнымъ водокропленіемъ знамена свои, присягали надъ Евангеліемъ Царю и отечеству, и шли радостно въ походъ, какъ на праздникъ. Такой народъ Бонапарте думалъ поработить! такое смиренное мужество думалъ онъ побѣдить!

Россійскія войска отступали назадъ, и всѣ нападенія на нихъ Французовъ храбро и сильно отражали. Подъ Смоленскомъ 5 и 6 Августа была первая кровопролитная битва: Руские въ оба сіи дня потеряли убитыми и ранеными 15000, а Французы более 20,000. Однакожъ Руские продолжали еще отступать внутрь земли своей, дабы Французовъ далѣе заманить и утомленіемъ, недостатками, переходами и нападеніями ослабить.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, глаза и сердца всей Европы обращены были на древнюю достославную Столицу Россійскаго народа, Москву. О Москвѣ какъ самихъ Россіянъ, такъ и чужестранцевъ было мнѣніе, что въ ней откроются силы и мужество, долженствующія устрашить непріятеля и привесть въ уныніе. Въ Москвѣ

градоначальствовалъ Генералъ Графъ Растопчинъ, рѣшительный и благоразумный мужъ. Сей человѣкъ умѣлъ двѣ труднѣйшія вещи соединить: людей изъ общаго и обыкновеннаго положенія вывесть въ необыкновенное и чрезвычайное, и при всемъ томъ въ послушаніи и повиновеніи законамъ держать. Вся Москва была учебное поле, всѣ работныя мѣста кузницами для кованія оружій, весь народъ пріученъ къ мыслямъ о войнѣ, о истребленіи, о пожарѣ. Духовенство проповѣдывало и молилось, градоначальникъ твердилъ, что Москва долженствуетъ показать необычайный примѣръ: въ Москвѣ и за Москвою должно произойти нѣчто великое. Растопчинъ повелѣвалъ въ ней пятьюдесятью тысячами вооруженныхъ *); священники вспомоществовали ему, они воспламеняли и купно воздерживали народъ.

Отъ Смоленска до Москвы 350 верстъ. Россійское войско тихо и въ совершенномъ порядкѣ со всѣми снарядами и припасами тянулось назадъ. Съ прохожденіемъ его выбирались почти всѣ жители изъ городовъ,

*) Число сіе увеличено. Извѣстно, что при сраженіи подъ Бородинымъ было не болѣе десяти тысячъ ратниковъ. Единственное можетъ быть обстоятельство, сказанное въ семъ сочиненіи съ нѣкоторымъ излишествомъ. (Прим. переводчика).

селъ и деревень, и шли за нимъ; они оставляли Французамъ однѣ только безлюдныя мѣста, сожженныя деревни, и опустошенныя поля. Такимъ твердымъ духомъ пылалъ сей народъ! всего же досаднѣе было непріятелю, что съ отступленіемъ войскъ и всѣ гражданскіе чиновники оставляли мѣста свои; онъ нашелъ здѣсь совсѣмъ не то, что въ терпѣливой Нѣмецкой землѣ: здѣсь не было ни одного человѣка, кто бы ему учреждать, выписывать, записывать, вывѣдовать, лгать и обманывать, и народъ смущать, ослѣплять, усмирять и порабощать помогалъ. Ни одного соглядателя, ни одного подслушивателя и переносщика. Народъ былъ какъ разъяренный рой пчелъ безъ вожатаго; можно было его разогнать, распугать, убить, но всякое жало жалило, покуда въ немъ была жизнь.

Когда оба войска подкрѣпились, тогда въ двѣнатцати миляхъ отъ Москвы подлѣ Бородина произошла самая лютая, кровопролитнѣйшая, всѣхъ прочихъ въ сей войнѣ жесточайшая битва. Августа 26, до разсвѣта утра, между четвертымъ и пятымъ часомъ, многочисленныя Французскія силы, темнотою и туманомъ прикрытыя, напали съ яростію на слабѣйшія силы Руских, и съ таковою же яростію были отъ нихъ встрѣчены. То было поле убійства, жатва

смерти: около двухъ тысячь пушекъ гремятъ одна противъ другой, дрожащая отъ топота конскихъ копытъ земля казалось хочетъ провалиться, и нѣсколько сотъ тысячь человѣкъ кидаются другъ на друга; обѣ стороны бьются съ неимовѣрнымъ упорствомъ; поле, пушки отъемлются и уступаются; бойницы и укрѣпленныя мѣста по три и по четыре раза переходятъ изъ рукъ въ руки; каждый шагъ окропленъ кровію; ядра гуще летаютъ, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ пули. Но и въ сей битвѣ, равно какъ и въ прежнихъ, Россійская артиллерія одержала преимущество надъ Францускою. Ночь прекратила битву, Французы отступили десять верстъ (полторы Нѣмецкой мили) назадъ; Руссіе остались на мѣстѣ сраженія. Въ сей кровавый день съ обѣихъ сторонъ отъ семидесяти до осмидесяти тысячь человѣкъ убито и ранено. Рускіе считали у себя за 1700 офицеровъ и нѣсколько Генераловъ убитыми и ранеными; Французы потеряли болѣе двадцати Генераловъ. Сія битва, именуемая Бородинскою или Можайскою (бывшая 26 Августа 1812) можетъ назваться исполинскою битвою. Россія возрадовалась о мужествѣ и непоколебимости своихъ воиновъ; Императоръ произвелъ Полководца своего Князя Кутузова въ Фельдмаршалы, пожаловалъ ему сто

тысячъ рублей, и всѣмъ рядовымъ, находившимся въ семъ достопамятномъ сраженіи, по пяти рублей каждому.

Обѣ войска отъ сей битвы чрезвычайно ослабѣли и утомились. Французы были всегда гораздо превосходнѣе числомъ; ибо Фельдмаршалъ Кутузовъ не почиталъ свою хотя и храбрую, но необученную милицію, удобною для употребленія въ открытомъ бою. Непріятель старался лѣвое крыло его обойти; многіе изъ Россійскихъ Генераловъ были такого мнѣнія, что должно подъ стѣнами Москвы дать еще битву; но Кутузовъ не хотѣлъ подвергнуть царство удачи жребія; онъ хотѣлъ надежно идти, подкрѣпиться новыми силами, закрыть богатыя и плодородныя округи, и тогда въ свое время показать себя непріятелю, что онъ еще тутъ. Онъ потянулся съ войскомъ своимъ въ такомъ устройствѣ, которое непріятеля устрашило. Такъ твердою стопою шелъ онъ чрезъ Москву, и расположился по дорогѣ отъ Тулы въ Калугу. Оттолѣ Сентября 4го писалъ онъ къ Императору своему: *я имѣю еще бодрое и храброе воинство; потеря Москвы не есть еще погибель отечества.*

2го Сентября, съ выхожденіемъ заднихъ Россійскихъ войскъ изъ Москвы, входили въ нее переднія Французскія войска. Городъ

былъ какъ безмолвный гробъ; никакого звону, никакого шуму, ни одного человѣка на улицахъ; не многіе, оставшіеся въ городѣ, замкнули крѣпко домы свои и въ нихъ заперлись. Въ сихъ обстоятельствахъ Бонапарте остановился у Смоленской заставы. Тамъ ожидалъ онъ, что городское дворянское и купеческое начальство выдутъ къ нему съ привѣтствіемъ и встрѣчею. Никто не пришелъ. Онъ отсрочилъ въѣздъ свой до слѣдующаго дня, въ которой, надѣялся, приготовятъ къ нему поздравительное посольство, естьли не отъ Рускихъ, такъ по крайней мѣрѣ отъ Французовъ, Италіянцовъ и Нѣмцовъ, живущихъ въ Москвѣ. Ничего не было. Бонапарте безъ всякаго крику и бряцанія, безъ трубъ и барабановъ, ѣхалъ по пустымъ улицамъ въ древній Царскій дворецъ, въ Кремль. Тогда было два часа по полудни, день туманной, тишина мертвая. Ни одно ура или виватъ, ни одна ротозейная и бѣгущая за нимъ толпа его не поздравила. Онъ ѣхалъ безмолвенъ и мраченъ, и казалось отчужденіе и злополучіе вокругъ его витали.

Изъ 350000 жителей, населяющихъ Москву даже и въ лѣтнее время, когда многія семейства разъѣзжаются по деревнямъ, едва только 30000 осталося въ городѣ. Но какъ много ни выѣхало людей, сколько ни вы-

везено сокровищъ и припасовъ и товаровъ — однакожъ такой городъ какъ Москва, одинъ изъ богатѣйшихъ Европейскихъ городовъ, сердце великой Россіи, и средоточіе Азіятской и Европейской ея торговли, безсомнѣнія содержалъ еще въ домахъ своихъ и хранилищахъ множество всякаго рода запасовъ, и войско, состоящее изъ двухъ сотъ тысячь человѣкъ, могло бы конечно съ умѣренною тратою пять и шесть мѣсяцовъ продовольствоваться. Бонапарте хотя и ужаснулся, увидя безмолвіе и пустоту толь обширнаго града, котораго блестящія башни и колокольни казалось сіяли токмо для освѣщенія людскихъ гробовъ; но при всемъ томъ обладаніе онымъ мнилось ему быть велико и помощь безмѣрна. Уже за нѣсколько мѣсяцовъ указывалъ онъ хищнымъ своимъ солдатамъ на городъ сей, какъ на заплату за многіе труды ихъ и работу въ биттвахъ, какъ на спокойное зимнее пребываніе, какъ на залогъ мира, и какъ на богатую для насыщенія скупости и сластолюбія рудокопную гору. Что Французы благообразнымъ грабительствомъ, увеселеніемъ и наслажденіемъ послѣ долгаго претерпѣнія называли, то непремѣнно долженъ онъ былъ позволить имъ. Но онъ хотѣлъ сдѣлать то съ наблюденіемъ всевозможнаго порядка и городъ не вдругъ разорить: для сего глав-

ную часть войскъ своихъ оставилъ онъ внѣ города, и вошелъ въ него съ умѣренными силами. Но все не такъ случилось, какъ онъ думалъ.

Ужѐ ночью со 2го на 3е Сентября, когда Бонапарте у заставы ожидалъ посольства изъ города, на Селянкѣ, не подалеку отъ воспитательнаго дому, загорѣлось и чрезъ нѣсколько часовъ потухло. Но вскорѣ потомъ огонь въ разныхъ мѣстахъ города показался и не совсѣмъ потушенъ былъ, отъ чего днемъ стало опять во многихъ мѣстахъ горѣть. Одна только тишина воздуха не допустила распространиться пожару; ибо Французы, видя безпечность жителей, и сами не старались гасить. Такимъ образомъ пламя больше и больше умножалось, и въ отдаленныхъ мѣстахъ города говорили о семъ нещастіи съ такимъ равнодушіемъ, какъ въ Петербургѣ говорятъ о пожарѣ въ Лисабонѣ или о землетрясеніи въ Мессинѣ.

Такъ прошелъ Вторникъ (3 Сентября) и ночь за нимъ послѣдовавшая. Въ Середу, 4го Сентября, по утру въ девять часовъ поднялась пресильная буря, и тогда настояще начался тотъ великой пожаръ, которой сряду нѣсколько сутокъ продолжался. Сперва появился огонь по ту сторону рѣки далеко позади коммиссаріата, и шелъ отчасу

далѣе по вѣтру, и черезъ часъ перекинулся въ десять разныхъ мѣстъ, такъ что вся изъ необъятнаго множества домовъ состоящая, и не обозримо вдоль рѣки простирающаяся равнина, сдѣлалась моремъ огня, котораго волны по воздуху разстилались и повсюду опустошеніе и ужасъ распростирали. Въ тожъ время показался снова огонь, и съ большею чѣмъ въ прежніе дни силою, въ самомъ городѣ, а особливо по близости лавокъ. Тамъ въ накопленныхъ и запертыхъ товарахъ нашелъ онъ себѣ изобильную пищу. Сіе обстоятельство, сила бури, узкость здѣсь улицъ, а тамъ въ другихъ частяхъ города вновь воспалившійся пламень, наконецъ совершенный недостатокъ въ пожарныхъ трубахъ и снарядахъ, давали полную волю огню распространяться. Вездѣ кругомъ видимо было одно только пламя, весь воздухъ надъ городомъ былъ огненный сводъ, отъ летающихъ повсюду искръ и галокъ шипящій, и чрезъ разширеніе воздуха отъ жара свирѣпство бури умножающій. Нѣтъ, никогда разгнѣванное небо не являло людямъ ужаснѣйшаго зрѣлища. Пожаръ сей, страхъ бѣгущихъ, вопль погорѣвшихъ; лошади, коровы, собаки, кошки, въ бѣшенствѣ и ярости изъ пламени въ пламень кидающіяся; притомъ грабители, разбойники, убійцы, за бѣгущими гоняющіеся и ихъ ру-

бящіе, двери, своды, погреба рычагами ломающіе, изъ оконъ и съ кровель стрѣляющіе: бѣдствіе, страданіе, ярость, пагуба, разрушеніе повсюду и вездѣ между людьми и стихіями.

Бонапарте могъ изъ оконъ Кремля начало и расширеніе сего пожара видѣть, и въ семъ великомъ низложеніи человѣческую перемѣну себѣ представлять. Когда ему сказали, что и въ самомъ Кремлѣ пойманы зажигальщики, и что огонь уже и тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появлялся, то показалось ему въ городѣ не безопасно оставаться, и онъ выѣхалъ въ Петровской за городомъ дворецъ. Вѣроятно, что онъ сей страшный пожаръ почиталъ разставленною для себя сѣтію, которую чрезвычайное пространство города дѣлало опасною. Для того собралъ онъ войска свои вмѣстѣ, и не употреблялъ ихъ для спасенія нѣкоторыхъ частей города, кои легко бы отстоять можно было.

Что расхищеніе Москвы дѣлало наигнуснѣйшимъ, такъ это правильной порядокъ, съ какимъ разнымъ статьямъ Французскаго войска назначены были очереди грабить. Первый день принадлежалъ старой гвардіи, — справедливо, чтобъ первостепенные въ чинѣ были и въ мерзостяхъ и въ срамѣ первостепенные; — второй день подаренъ былъ

новой гвардіи, третій стаѣ Маршала Давуста; и такъ до всѣхъ разныхъ стай доходила очередь грабить, и послѣднія изъ нихъ были гораздо свирѣпѣе первыхъ, потому что добыча отчасу уменьшалась. Такимъ образомъ грабежъ продолжался восемь дней въ правильномъ порядкѣ; и въ слѣдующихъ недѣляхъ не совсѣмъ прекратился, хотя уже и вышли запрещенія. Безпорядокъ и своевольство и нужда сдѣлались слишкомъ велики. Большая часть солдатъ были безъ башмаковъ, безъ нижняго платья, и вообще всѣ изорваны и ободраны; одна только гвардія отличалась еще нѣкоторымъ наружнымъ блескомъ, прочіе воины такъ были странно и пестро одѣты, что они только по оружію распознавались. Все въ семъ войскѣ было одинаково жадно къ грабительству и всякому непотребству. Офицеры, какъ голодныя собаки, рыскали изъ дома въ домъ и грабили подобно рядовымъ. Другіе, въ которыхъ оставался еще нѣкоторый стыдъ, довольствовались расхищеніемъ тѣхъ домовъ, гдѣ стояли. Генералы тожъ дѣлали; они подъ видомъ *надобности для употребленія* обирали все, что въ домѣ находили, и когда уже онъ до чиста ограбленъ былъ, тогда перебирались въ другой домъ и въ новомъ жилищѣ своемъ тожъ самое дѣлать начинали. Примѣчанія достойно, что у

Французовъ, весьма впрочемъ сладострастныхъ, сребролюбіе всѣ другія страсти преодолѣло: они къ золоту втрое больше падки и жадны, нежели къ женщинамъ.

Сіи грабежи и разбои не проходили безъ убійства и кровопролитія съ обѣихъ сторонъ. Вскорѣ, какъ неминуемое слѣдствіе ярости и пожара, настала великая во всемъ нужда. Многіе нещастные жители Московскіе, скрывавшіеся въ ущеліяхъ, погребахъ и подземныхъ проходахъ, погибли отъ страха и недостатка. Нужда была такъ велика, что за кусокъ хлѣба рѣзались. Особливо же происходили безпрестанныя драки между Рускими и Французами въ огородахъ и поляхъ, гдѣ расли капуста и картофель; тамъ днемъ и ночью продолжались внезапныя нападенія и убійства; иные при доставаніи добычи, другіе при возвращеніи съ нею домой были убиты.

Словомъ внутри и вокругъ Москвы во все сіе время царствовали звѣрство и лютость; мщенію не было никакой мѣры, насильству никакой узды. Гдѣ въ жесточайшемъ смятеніи все было въ опасности, гдѣ каждая минута угрожала лишеніемъ жизни, тамъ неистовство стремилось услаждать себя мгновеннымъ удовлетвореніемъ своихъ желаній. Между страшнымъ, вновь воспылавшимъ пламенемъ происходили грабежи,

убійства и насилія: здѣсь при бѣломъ свѣтѣ дня, или при озаренной огненнымъ сіяніемъ темнотѣ, видимо было то, что ночь всегда стыдливымъ своимъ покровомъ закрываетъ; вездѣ по стогнамъ валялись трупы, жалостныя жертвы неистовыхъ солдатъ; вокругъ большихъ домовъ и казенныхъ зданій, гдѣ жили Французы, лежали на дворахъ и на улицахъ мертвыя женщины, которыхъ скотство отыскало, сила привлекла, звѣрство умертвило. Французы наполняли сими трупами, и трупами своихъ убитыхъ и умирающихъ, всѣ колодязи, и засоряли воду. Сіе бѣдствованіе и сей пронзительный вопль влекомыхъ на жертву и поруганіе, прерывались токмо стономъ изрубленныхъ въ ночномъ сраженіи на улицахъ, и стукомъ и бряцаніемъ оружій.

Такъ было въ первыя двѣ недѣли, когда пожаръ и грабежъ пребывали во всей своей силѣ; неукротимая ярость не насытилась, она только утомилась, и сама собой исчезла. Но и тогда, когда Бонапарте нѣкоторое спокойствіе основать, и не многимъ оставшимся и назадъ возвратившимся нѣкій родъ покровительства дать хотѣлъ — и тогда всякую ночь происходили еще битвы, нападенія, убійства, грабежи. Многіе ушедшіе жители, которые всѣ мѣста и переулки въ городѣ знали, и лишенные домовъ своихъ

непримиримою ненавистію дышавшіе обыватели по ночамъ входили въ городъ, и Французовъ убивали, и сами отъ нихъ убиваемы были; ежедневно паденіе и пепелъ Москвы орошаемъ былъ свѣжею кровію; по улицамъ валялись убитые люди, обезчещенныя и обезображенныя женщины; многія тѣла Рускихъ, игралищемъ вѣтра, на заборахъ, на косякахъ оконъ, на стѣнахъ разрушенныхъ домовъ, въ поруганіе повѣшены были Французами; многія мѣста трупами людей, собакъ и лошадей, такъ завалены были, что никто чрезъ улицу проѣхать, даже пройти не могъ. Бонапарте долженъ былъ жить посреди развалинъ, пепла и мертвыхъ тѣлъ.

Сначала почитали Московской пожаръ случайнымъ приключеніемъ, отъ оставленныхъ огней и отъ буйства солдатъ произшедшимъ; но вскорѣ открыли, что оный былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ. Многіе сказываютъ, что первый, отъ кого страшный огонь Сентября 4го поднялся, былъ богатый человѣкъ! имѣвшій на длинной улицѣ много каретныхъ сараевъ, гдѣ стояло великое множество разнаго рода готовыхъ колясокъ и повозокъ; сей собственною рукою зажегъ и истребилъ свое имущество, дабы оно не досталось непріятелю. Многіе другіе тожъ сдѣлали. Больше двухъ третей величайшаго

изъ Европейскихъ городовъ превратились въ пепелъ. Одинъ только Кремль и ближайшіе къ нему домы остались цѣлы, одна только часть домовъ по ту сторону Москвы рѣки и около Воспитательнаго дому были пощажены, потому что тутъ жили Французы и имѣли свою больницу.

Такъ низринулась Москва и превратилась въ развалины и пепелъ; ея блестящіе куполы и верхи, ея величавыя башни, ея златоглавые Соборы, ея храмы и монастыри, ея огромныя зданія и домы, ея хранилища рѣдкостей и книгъ, ея Испаганскіе и Ширазскіе волшебные вертограды, ея заведенія наукъ и художествъ, обители утѣхъ и роскоши, памятники минувшихъ родовъ, труды достопочтеннѣйшихъ Царей — все превратилось въ груду, прахъ, тлѣнъ и смерть. Но пламень, разрушившій Столицу, продолжалъ горѣть въ сердцахъ Рускихъ, священный пламень мщенія и гнѣва, приведшій въ трепетъ Бонапарте и Французовъ. Сей пламень твердымъ гласомъ Царя, благочестивыми совѣтами духовенства, великимъ духомъ дворянъ, и примѣрами многихъ почтенныхъ старцевъ и мужей, былъ воспаляемъ и питаемъ; онъ вскорѣ возгорѣлся во всемъ народѣ, и возгорѣлся непотушимо. Не *чернь только* одна — какъ говорили Французы — не *выпущенные зажи-*

гальщики и посланные сумасброднымъ Растопчинымъ злодѣи были тѣ, которые погибельный огонь раскладывали и поджигали, что было сердце всего народа, что была рука дворянъ и слугъ, богатыхъ и бѣдныхъ, отъ которой небо надъ Москвою пламенемъ зардѣлось *). Ничего симъ великаго духа людямъ не было драгоцѣнно, ни жена, ни дѣти, ни серебро, ни золото, ни имущество и сокровища, ни домы и дворцы; все сіе охотно приносили они въ жертву, дабы имя ихъ небезславно, мужество ненарушимо,

*) Сожженіе Москвы не должно приписывать однимъ Рускимъ, хотя въ Россіи духъ народный конечно былъ таковъ, что почти всѣ вообще хотѣли лучше имущества свои видѣть истребляемыя огнемъ, нежели расхищаемыя непріятелемъ. Можетъ быть и въ Москвѣ нѣчто подобное тому происходило; однакожъ причиною главнаго распространенія пожаровъ была лютость враговъ. Сіи пришедшіе изъ ада изверги не довольствовались однимъ грабежемъ и хищеніемъ; они тѣ вещи, которыхъ не могли взять съ собою, или которыя имъ были не надобны, старались, не взирая на немалый потребный къ тому трудъ, сокрушать и истреблять: били хрусталь, фарфоръ, люстры, зеркала; ломали комнатные уборы; раздирали книги по листамъ и бросали въ воду. Злость и ярость ихъ была такъ велика, что они не уступили бы огню удовольствія пожирать городъ, ежели бъ сами своими руками и зубами сдѣлать то могли. Рускіе конечно для спасенія Отечества и свободы своей ничего не щадили, но Москву грабили, жгли, ломали, подрывали Французы. Несправедливо и не должно отнимать у нихъ сей адской славы. (Примѣч. переводчика).

Отечество свободно осталось. Люди, имѣвшіе предъ тѣмъ на нѣсколько сотъ тысячь, даже на нѣсколько миліоновъ рублей имѣнія, приходили въ разодранномъ рубищѣ и почти безъ обуви на ногахъ въ Петербургъ и другіе города; они не жаловались, что богатство ихъ дымъ унесъ въ облака; они радовались, что оно не досталось Французамъ. Толь могущественно сердце человѣческое, когда оно для великаго малое забыть отважится.

Бонапарте разстрѣливалъ Руских, которые зажигали Москву. Сіе их не устрашало: они возвращались въ большемъ числѣ и съ пущею яростію. Онъ угрожалъ мужикамъ, тожъ самое дѣлавшимъ въ деревняхъ, мученіемъ и смертію; онъ велѣлъ многихъ казнить: живые брали съ нихъ примѣръ. Какъ скоро воины Рускіе по причинѣ превосходной непріятельской силы оставляли какую деревню, жители не оставались въ ней хозяйничать и быть рабами пришельцевъ, но всѣ уходили за своими, старики, матери, младенцы; кто не смогъ идти, того везли на телѣгѣ или несли на плечахъ; одною рукою велъ мужикъ жену и дѣтей, а другою зажигалъ избу свою, клеть и всѣ пожитки. Такъ выходили они за своими войсками и отсылали семьи свои въ отдаленныя селенія, сами же вмѣстѣ съ старыми

воинами ополчались, или изъ лѣсу и развалинъ жилищъ своихъ выходя нападали съ неукротимою яростію на непріятелей. Растопчинъ и здѣсь показалъ великой примѣръ: у него близко Москвы былъ пребогатой и великолѣпной за̂мокъ, онъ зажегъ его своими руками, и сказалъ: *сей домъ, гдѣ доселѣ жили добрые люди, не долженъ подъ кровлю свою принимать разбойниковъ.*

Бонапарте худо расчислилъ и обманулся; онъ не зналъ ни Россіи, ни Руских; онъ не зналъ, какія чудеса могутъ произвесть вѣра и добродѣтель: лучшая сторона человѣческаго нрава была ему неизвѣстна. Соглядатели его и помощники и посланники насказали ему: что Москва слыветъ собственно Столицею Руских, которые Петербурга, и всего что въ немъ есть, не любятъ, и даже къ дому Императорскому не имѣютъ должнаго усердія, что Москва есть гнѣздо многихъ недовольныхъ, гнѣздо тахихъ родовъ, которые память о жизни прежнихъ Царей передаютъ отъ сына къ сыну, почитаютъ себя отъ Царской крови, и еще не забыли какихъ предковъ они потомки; что въ Москвѣ, уповательно, пристанетъ къ сторонѣ ихъ такое важное общество, отъ котораго устрашенное Россійское Правительство принуждено будетъ на все согласиться; что также можно будетъ и

положеніемъ чернаго народа воспользоваться, дабы въ немъ самомъ разоришь и разрушить Россію; что естьли дворяне откажутся, то надлежитъ начать съ холопей ихъ; что большая часть Руских купцовъ, и почти всѣ ремесленники и мужики во всей Россіи суть ихъ крѣпостные люди, которые того и смотрятъ, чтобъ освободиться: и такъ стоитъ только провозгласить вольность, расторгнуть рабство, поставить бояръ и дворянъ противъ Царя, слугъ противъ господъ своихъ, тогда произойдетъ всеобщее смятеніе, недовѣрчивость, ненависть, раздоръ — и въ Москвѣ могущество Императора АЛЕКСАНДРА и сила славной Россіи уничтожится *).

*) Сею баснею не одинъ Бонапарте и его посланники обманулись, но многіе. Французская осьмагонадесять вѣка *философія*, мать Французской *революціи*, сдѣлала вездѣ не малые успѣхи, а потому думали, что она и въ Россіи довольно распространилась, и что на нее, какъ на самую сильную чуму нравовъ, съ надежностію можно полагаться. *Революція* значитъ *превращеніе*, собственно же разумѣется подъ симъ *превращеніе умовъ*, то есть представленіе себѣ вещей на выворотъ, или какъ говорится въ просторѣчіи, *вверхъ-ногами*. Революціонныя, или (что тоже самое) адскія правила и хитрости состоятъ въ томъ, что какъ нѣтъ въ человѣческихъ вещахъ и дѣлахъ ничего совершеннаго, всякое добро имѣетъ нѣчто худое, и всякое худо нѣчто доброе, то въ добрѣ выставляютъ онѣ худую и закрываютъ добрую, а въ худѣ напротивъ показываютъ добрую и закрываютъ худую сторону. Такимъ образомъ

Бонапарте нашелъ пустой городъ. Онъ сперва изумился, но послѣ вообразилъ себѣ, что Растопчинъ или Руской Фельдмаршалъ, опасаясь безпорядковъ и грабежей, выслали народъ изъ Столицы. По крайней мѣрѣ такъ возвѣщалъ онъ свѣту и въ Парижскихъ вѣдомостяхъ писалъ: *благочиніе, порядокъ, спокойствіе и изобиліе, неразлучные сопутники Французскаго войска, вездѣ опять возстановляются: ушедшіе или прогнанные жители приходятъ тысячами обратно въ свои домы, скоро двѣ трети ихъ возвратятся*

ослѣпляютъ разумъ, прельщаютъ сердце и повреждаютъ юныя и невинныя души. Человѣкъ путеводимый ими привыкаетъ видѣть вещи на выворотъ: въ благонравіи кажется ему буйство и въ буйствѣ благонравіе, въ просвѣщеніи невѣжество и въ невѣжествѣ просвѣщеніе, въ свободѣ рабство и въ рабствѣ свобода, и такъ далѣе. Отсюду смѣшеніе всѣхъ пороковъ и добродѣтелей; отсюду подъ именами разума, любомудрія, правды, чести, вольности, равенства, появились безвѣріе, сластолюбіе, ложь, безстыдство, безначаліе, насильство, и всѣ лютыя дѣянія необузданныхъ страстей человѣческихъ; отсюду священнѣйшія имена: Богъ, вѣра, Царь, законъ, отечество, родство, бракъ, старость, любовь, дружба, безкорыстіе, благонравіе, кротость, стали мало по малу изглаживаться изъ сердецъ. Тогда ничто не препятствовало порожденному злочестіемъ чудовищу усилиться и вознестись до такой высоты, отколѣ могла она удобно и безопасно пожирать и уничижать родъ смертныхъ. Многіе почитали и Россію въ такомъ же положеніи: Французской языкъ, книги, театръ, учители, воспитатели, торговки, и всякаго рода *милые* соблазнители и предатели, толь давно

назадъ въ Москву, *и зажигальщиковъ больше не будетъ*. Однакожъ Москва горѣла, ее грабили, и никто въ нее не возвращался.

Бонапарте не нашелъ въ Москвѣ никакихъ безпокойныхъ и мятежныхъ дворянъ, никакихъ отпадшихъ отъ вѣры священниковъ, никакихъ Французской вольности и блаженства желающихъ рабовъ: что называлъ онъ *Рускою глупостію и варварствомъ*, то нимало не помышлядо о Бонапартіевскомъ благотвореніи. Ему ничего не помогало, что онъ приходящихъ въ городъ для

въ ней поселившіеся, и почти всѣ Руские нравы и обычаи искоренившіе, давали симъ заключеніямъ видъ вѣроятности. Развращенные Сарматы, желавшіе лучше быть полными рабами адскаго изверга, нежели братьями своихъ единоплеменниковъ, и прилежащіе къ нимъ Россійскіе предѣлы, не могшіе отчасти не быть отъ нихъ зараженными сею язвою, подавали не малую къ тому надежду. Итакъ оставалось преодолѣть одно токмо самое сердце Россіи, которое пребывало въ покоѣ, тишинѣ и безъизвѣстности при всѣхъ колебавшихъ Европу нравственныхъ и естественныхъ буряхъ. Сіе львиное сердце почивало на здравомъ умѣ и добротѣ нравовъ своихъ, не внемля жужжанію летающихъ вокругъ него шмелей. Но какъ скоро *революціонное чудовище* приближилось къ нему и взволновало въ немъ кровь, тогда потекла изъ него таная огненная лава, предъ которою ничто не могло устоять: въ шумѣ гнѣва ея сгорѣли и силы, и оружіе, и хитрости, и соблазны враговъ. Тановою показала себя благословенная Россія! пребуди всегда таковымъ, дражайшее мое Отечество! поставь между Француским развратомъ и твоею добродѣтелію непреоборимую стѣну! (Прим: переводчика).

зажиганія и убиванія Французовъ, велѣлъ по двадцати разстрѣливать; другіе съ пущею яростію возвращались и отомщали за смерть своихъ сотоварищей. Онъ во многихъ селахъ и деревняхъ велѣлъ схватить выборныхъ и старостъ, и требовалъ, чтобъ они привели крестьянъ въ послушаніе и съ покорностію исполняли его повелѣнія. Они отрицались въ томъ поклясться, сказывая, что они присягнули уже одному господину, а именно Императору своему АЛЕКСАНДРУ, и никому другому присягать не могутъ. Тогда пошли угрозы, а потомъ и насильство оказано: гренадеры приступили съ заряженными ружьями. Честные мужички пребывали непоколебимы, взяли святый крестъ въ руки, приложились къ нему, прижали его къ сердцу, и препоручили себя небесному Царю, *иже единъ надъ всѣми.* Такимъ образомъ изъ двадцати приведенныхъ старостъ, нѣкоторые разстрѣлены; но какъ прочіе безстрашно къ подобной же смерти приготовлялись то ихъ протолкали, посадили въ тюрьму, и послѣ выпустили *).

---

*) Вѣрность и усердіе всѣхъ состояній къ Государю и Отечеству, также и слугъ къ господамъ ихъ, оказались дѣйствительно въ полномъ блистаніи, и могутъ обличить даже и самое закоснѣлое заблужденіе тѣхъ, которые Россію почитаютъ быть въ рабствѣ и невѣжествѣ. Ежели мы послущаемъ тѣхъ мнимыхъ послѣдняго столѣтія фи-

Таковыми Бонапарте, нашелъ Рускихъ и Москву, сперва пустымъ, а вскорѣ потомъ сожженнымъ городомъ. Когда самые сильные пожары потухли, переселился онъ опять въ Кремль, заперъ ворота, обставилъ кругомъ пушками, и сидѣлъ въ немъ, какъ въ клеткѣ. Толь уединеннымъ и лишеннымъ всякой помощи и совѣта чувствовалъ себя сей *безсмертный и единственный герой и спаситель девятагонадесять вѣка*, что онъ самоничтожнѣйшихъ людей призывалъ къ себѣ, дабы отъ нихъ узнавать и вывѣдывать, ибо другіе не хотѣли быть его прислужниками.

Бонапарте употреблялъ въ Москвѣ обыкновенную свою политику. Онъ внушалъ солдатамъ своимъ и Россіянамъ, что останется тутъ на зиму; и всѣ думали, что это непремѣнно означаетъ миръ; онъ распускалъ слухи, что Рига взята приступомъ; что въ тотъ самый день, какъ заняли Москву, Магдональдъ вошелъ въ Петербургъ, и его сожегъ; что дорога отъ

лософовъ, которые произвели всѣ ужасы Француской революціи со всѣми послѣдовавшими отъ того бѣдствіями человѣческими, что они подчиненность законамъ, повиновеніе Царямъ, и самую священнѣйшую связь между отцомъ и дѣтьми называютъ рабствомъ; свой же развратъ и неистовство величаютъ просвѣщеніемъ и вольностію. (Примѣч. переводчика).

Вильны къ Смоленску покрыта безчисленными обозами, идущими съ зимнею одеждою и другими нужными для войска припасами; что Маршалъ Викторъ идетъ съ великимъ числомъ вспомогательныхъ силъ; что къ веснѣ Французское войско выдетъ опять съ такою же исправностію въ полѣ, какъ было при входѣ въ Россію; что естьли Руские зимою не помирятся, то онъ назоветъ Герцога Смоленскаго и Герцога Петербургскаго, и Россія останется только въ Азіи — такія и подобныя симъ басенки и лжи летали одна за другою, какъ снѣжинки зимою. Въ сихъ лжахъ скрывалась какая-то хитрость, которую Французы довели до отличнаго искуства, и часто ею великія дѣла производили. Здѣсь не одно только то намѣреніе было, чтобъ недовольное и ропщущее войско свое радостными видами обольщать, но чтобъ духъ и мужество Рускихъ привесть въ уныніе, и тѣмъ устрашить Петербургъ; однако надъ Рускими мало это дѣйствовало: постоянное презрѣніе ихъ къ Французамъ было слишкомъ велико, чтобъ словамъ ихъ вѣрить.

Домогательства и предложенія Бонапартіевы о мирѣ всегда были отвергаемы. Однакожъ мирная мысль крѣпко сидѣла у него въ душѣ, все казалось ему, что онъ до того достигнетъ. Помышленіе о легкомъ

послѣ одной побѣды низверженія Прускаго Королевства, и о двукратномъ въ Вѣнѣ уничиженіи Австрійской Имперіи, питало его, не взирая на всѣ невѣроятности, тою же и о Москвѣ надеждою. Отсюду объясняются лѣность и покой, съ какими онъ дорогое и невозвратимое время на развалинахъ города, уже не бывшаго городомъ, упускалъ. Онъ уподобился неимовѣрному Царю Фараону и долженъ былъ оправдать Рускую пословицу: *великъ Руской Богъ* *).

Кутузовъ съ великою предусмотрительностію избралъ для себя положеніе самое

*) Въ подлинникѣ пословица сія не такъ сказана, а именно: Gott ist groſs und Ruſsland т. е. *Богъ великъ и Россія.* Сочинитель по видимому, не вѣрно слышалъ, или не хорошо понялъ оную. Впрочемъ многіе возражають противъ сей пословицы и находятъ въ ней нѣчто языческое, говоря: Богъ одинъ у всѣхъ народовъ, какъ же можно сказать *Руской Богъ?* Но сіе возраженіе несправедливо. Здѣсь *Руской Богъ* не означаетъ особливаго у Рускихъ божества, но одного и тогожъ Бога милостію своею къ Рускимъ великаго. Въ древнія времена, когда Новгородъ былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, была подобная же пословица: *кто противъ Бога и великаго Новгорода?* Сіе не значило, чтобъ Новгородъ равнялъ себя силою съ Богомъ, но что онъ по своему благоденственному состоянію видѣлъ себя подъ особливымъ покровомъ Божіимъ, и потому думалъ: кто противъ него, тотъ и противъ Бога. Пословицы часто имѣютъ нѣчто общее съ загадками: сила выраженія ихъ состоитъ въ краткости, которая не ясно показываетъ смыслъ, но даетъ только проницать оный (Примѣчаніе переводчика).

лучшее. Онъ прошедъ сквозь Москву поворотилъ вправо къ Югу, дабы прикрыть дороги въ Калугу, Тулу, Орелъ, и другія богатыя южныя Россійскія округи. Онъ расположился на правомъ берегу Нары, при селѣ Тарутино, и тамъ укрѣпилъ свой станъ. Здѣсь безпрепятственно изъ южныхъ округъ текло къ нему изобиліе; здѣсь присоединились къ нему нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, земское ополченіе, двадцать четыре новыхъ казачьихъ полка съ Дону, многіе охотники, и многіе выздоровѣвшіе больные и раненые: онъ стоялъ въ срединѣ Россійской силы. Бонапарте въ Москвѣ не нашелъ ничего къ умноженію силы своей, и былъ (естьли мы и Одеръ за сіе средоточіе возмемъ, что оный не есть) около полутора тысячь верстъ удаленъ отъ своихъ. Изъ положенія своего въ Тарутинѣ Кутузовъ съ великимъ искуствомъ отвращалъ всѣ движенія Бонапартіевы, стѣснялъ его отчасу ближе къ Москвѣ, и день ото дня больше изнурялъ людей и лошадей его всякими недостатками и голодомъ.

Бонапарте, которой всю Европу заглушалъ звономъ о *своихъ чрезвычайныхъ побѣдахъ и великихъ дѣлахъ*, и безпрестанно трубилъ о *найденномъ въ Москвѣ изобиліи*, *о цвѣтущемъ состояніи войскъ своихъ*, *о слабости и смятеніи Россіи*, *о бѣгствѣ и раз-*

сѣяніи всѣхъ военныхъ Рускихъ силъ, о ничтожествѣ и презрѣнности земскаго вооруженія и ополченія, чувствовалъ себя въ Москвѣ подъ крѣпкою стражею, и тщетно помышлялъ еще о мирѣ. Примѣтно было въ его извѣстіяхъ, увѣдомленіяхъ, оговоркахъ, предложеніяхъ, время отъ времени имъ дѣлаемыхъ, что онъ находился въ сомнительномъ и трудномъ положеніи, и что въ нихъ о сокращеніи дня, о возрастающихъ недостаткахъ, о умножающейся больше и больше дерзости Рускихъ наѣздниковъ и мужиковъ съ великою непріятностію упоминалось. Войска его не имѣли покою ни днемъ ни ночью, и были отъ легкой многочисленной Руской конницы, возбранявшей имъ доставать для лошадей кормъ и для себя пищу, повсемѣстно окружаемы. Она почти ежедневно брала отъ 200 до 500 человѣкъ въ плѣнъ. Сію ловлю надъ Французскими разъѣздами и отрядами весьма успѣшно производили земскіе ратники и крестьяне; они выходили пѣшкомъ и на коняхъ, стерегли засѣдши въ ямахъ и лѣсахъ, и употребляя въ пользу свою, при подробномъ знаніи всѣхъ дорогъ и тропинокъ, тишину и безопасность ночи, насыщали праведную месть свою кровію Французскою. Такимъ образомъ многія тысячи Французовъ погибли.

Пять недѣль сидѣлъ Бонапарте въ Москвѣ. Третьяго Сентября онъ вошелъ, а пятаго Октября вышелъ, оставя въ ней малую часть войскъ отъ 7 до 8 тысячь человѣкъ. Но ярость за несобытіе толь многихъ надеждъ долженствовала оставить громкой памятникъ. Ввечеру передъ отъѣздомъ пришли Маршалъ Mортье, и отправлявшій должность исправника въ Москвѣ нѣкто Лесепсъ *) къ господину Тутолмину, начальнику Воспитательнаго Дома, и просили о человѣколюбивомъ призрѣніи раненыхъ Французовъ, въ семъ домѣ оставляемыхъ, давъ честное слово **), что городу при выходѣ ничего худаго сдѣлано не будетъ. Они солгали: въ восемь часовъ загорѣлся Кремль, а потомъ показался огонь у Калужскихъ воротъ, въ которыя они выходили, и въ ком-

---

*) Сей Лесепсъ путешествовалъ съ Лаперузомъ, былъ въ Камчаткѣ и пріѣхалъ оттуда въ Петербургъ, гдѣ долго жилъ, будучи вездѣ хорошо принятъ и обласканъ Русскими (Примѣчаніе переводчика).

**) Честное слово въ устахъ Француза, Бонапартіева раба! — По истиннѣ естьли что нибудь можетъ равняться съ гнусностію преступленій, оскверняющихъ исторію Французовъ, такъ это ихъ безстыдство. Приготовляться послѣ сожженія Москвы къ подорванію Кремля, и въ это самое время просить о призрѣніи оставляемыхъ ими раненыхъ! можно ли что нибудь придумать еще болѣе къ изображенію хладнокровности злодѣйства? (Примѣч. переводчика).

миссаріатѣ. Пожаръ въ Кремлѣ отчасу болѣе умножался, дворецъ сгорѣлъ, и пламя далеко освѣщало городъ. Сначала страхъ и ужасъ былъ общій, но вскорѣ успокоились, воображая, что огонь не можетъ распространиться далѣе стѣнъ Кремлевскихъ. Такъ прошла ночь; поутру новый ужасъ разбудилъ людей: вполчаса времени, рано, между пятымъ и шестымъ часомъ пять подведенныхъ подъ Кремль подкоповъ взорвало, и разрушило многія зданія, церкви, колокольни и красоту великолѣпныхъ стѣнъ и башенъ. Какъ скоро разсвѣло, всѣ спѣшили въ Кремль. Вскорѣ появились первые козаки и съ ними великое число мужиковъ, которые всѣхъ оставшихся и бродящихъ Французовъ искали; они находили ихъ много на улицахъ и въ домахъ, и выбрасывали безъ жалости изъ оконъ, или кидали въ нечистыя мѣста. Сіе происходило ночью и поутру 6го Октября, въ Пятницу.

Такимъ образомъ безполезное злодѣйство разрушило Кремль, сей славный и единственный въ Европѣ памятникъ половина Восточнаго и половина Италіянскаго водчества. Кремль не былъ крѣпость; Бонапарте разрушеніемъ его не ослабилъ Руской силы, онъ разрушилъ только воспоминаніе Рускихъ дѣяній, почтенное жилище древнихъ Царей, и прекрасный памятникъ

искусства. Онъ передъ отъѣздомъ своимъ велѣлъ также и Петровской загородной дворецъ зажечь, и часть онаго сгорѣла. Онъ заблаговременно снялъ еще позлащенный крестъ съ башни Ивана Великаго, орла съ Никольскихъ воротъ, и Святаго Георгія съ Сената. Ему хотѣлось, чтобъ весь свѣтъ зналъ, что онъ былъ въ Москвѣ, и чтобъ Парижскіе остряки и Нѣмецкіе льстецы, удивляясь, выводили изъ того свои расказы и пересказы. Но Богъ захотѣлъ иначе: ни священные знаки сіи, ни другія взятыя въ Москвѣ воровскимъ Французскимъ образомъ добычи, ни храбрый Генералъ Винценгероде, не остались въ рукахъ у врага.

При выходѣ изъ Москвы Бонапарте сказалъ своимъ солдатамъ: ,,я поведу васъ ,,на зимніе постои, и ежели найду на доро- ,,гѣ Руснихъ, то ихъ побью, а ежели не най- ,,ду, то для нихъ лучше.“ О безсомнѣнія онъ нашелъ ихъ, или справедливѣе они его нашли. Тогожъ 6го Октября приказалъ Россійскій Фельдмаршалъ такъ называемаго Неаполитанскаго Короля, Мюрата, въ 75 верстахъ отъ Москвы при Тарутинѣ атаковать. Генералъ Бенигсенъ обратилъ его въ поспѣшное бѣгство, отнялъ у него 38 пушекъ, убилъ 2000 человѣкъ, и столько же взялъ въ плѣнъ. 12 Октября Фельдмаршалъ разбилъ самого Бонапарте при маломъ Яро-

славцѣ, и всѣ его намѣренія и хитрости уничтожилъ. Онъ долженъ былъ взять тотъ путь, который самъ опустошилъ; Кутузовъ бросилъ его на большую Смоленскую дорогу назадъ, а самъ съ главною своею силою пошелъ по дорогѣ лѣвѣе оной, гдѣ могъ имѣть всякое продовольствіе людямъ и лошадямъ, до чего Бонапартію всѣми своими хитростями достичь не удалось. 14 Октября Французское войско пустилось чрезъ Боровскъ и Верею въ возвратный путь къ Можайску; Боровскъ и всѣ деревни, по которымъ оно проходило, были отъ него сожжены, и Малой Ярославецъ преданъ огню. Война сія производима была съ пламенемъ въ рукахъ; но пламень мщенія блистаетъ и позади сихъ пагубныхъ пришельцевъ: за ними слѣдуютъ двадцать козачьихъ полковъ съ атаманомъ Платовымъ, и около 35000 человѣкъ съ Генераломъ Милорадовичемъ, предтечами главной силы. Тутъ возгласили Россіяне и ихъ вождоначальникъ побѣдоносное надъ бѣгущими *ура*, и сидѣли копытами коней своихъ на ихъ пятахъ, и остріемъ мечей своихъ на ихъ ребрахъ. Кутузовъ, возблагодарилъ Бога и похвалилъ воиновъ своихъ въ приказѣ отъ 19 Октября; Императоръ АЛЕКСАНДРЪ изъ престольнаго града своего возвѣстилъ благодарность народу Ноября въ 3й день: оба могли

тогда единодушно воскликнуть: *великъ Руской Богъ!*

Ближайшіе Французскіе магазейны были въ Смоленскѣ, триста пятдесятъ верстъ отъ малаго Ярославца, откуда Бонапарте назадъ на большую опустошенную Московскую въ Смоленскъ дорогу прогнанъ былъ; по ней долженствовало войско его, осенью, терпя во всемъ недостатокъ, гонимое яростными солдатами, и еще яростнѣйшими того поселянами, долго бѣжать. Теперь Бонапартію надлежало доказать о себѣ, точно ли онъ *величайшій изъ всѣхъ Полководецъ*, какъ превозносили его льстецы, и вподлинну ли имѣетъ въ себѣ *неизмѣримыя, высшія человѣческихъ соображенія и способности*, о чемъ такъ громко трубили.

Въ скоромъ времени недостатокъ и бѣдствіе во Французскомъ войскѣ дошли до самой высокой степени; повиновеніе и порядокъ разрушились; голодные люди не хотѣли больше идти при знаменахъ; неукротимы и дики, подобно хищнымъ звѣрямъ, бѣгали они по сторонамъ дороги за добычею, и грабили и опустошали все, что при проходѣ ихъ въ Москву оставалось еще цѣло. Но козаки и мужики присматривали за сими нещастными и ежедневно по нѣскольку сотъ ихъ убивали. Сихъ первыхъ можно еще назвать щастливыми, потому что они

до полной мѣры срама и бѣдствія не дожили. Тутъ насталъ ужасный голодъ, лошади околѣвали тысячами, люди умирали сотнями; мясо околѣвшихъ или заколотыхъ лошадей служило имъ пищею. По недостатку въ сихъ животныхъ, всякой день сожигали множество колясокъ и обозовъ; оставляли пушки, бросали ружья; остальные же снаряды и припасы спѣшили везти днемъ и ночью, ночью съ фонарями, которые вмѣстѣ съ небесными звѣздами освѣщали сіе ужасное состояніе.

Ужѐ Генералы Платовъ и Орловъ-Денисовъ многія тысячи Французовъ изрубили и въ полонъ побрали, какъ Октября 22го Генералъ Милорадовичъ заднія непріятельскія войска, подъ начальствомъ Маршала Даву, при Вязьмѣ догналъ, напалъ на нихъ, и по упорномъ сопротивленіи обратилъ въ бѣгство; вскорѣ потóмъ Платовъ тожъ самое сдѣлалъ съ Вице-Королемъ Италіянскимъ въ Духовщинѣ близко Дорогобужа, и отбилъ у него всю артиллерію. Французы въ сихъ сраженіяхъ потеряли больше 10,000 человѣкъ и слишкомъ 100 пушекъ, не считая оставленныхъ или зарытыхъ, также и тѣхъ многихъ тысячъ людей и лошадей, которые на дорогѣ съ голоду и отъ мужичьихъ косъ и топоровъ погибли. Нужда и голодъ возрастали ежедневно, дни становились короче,

ночи длиннѣе. Зима настала съ жестокими преждевременными хладами, люди были безъ шубъ, лошади безъ подковъ. *Величайшій изъ смертныхъ*, отъ котораго судьба многихъ сотъ тысячъ человѣкъ зависѣла, ничего не предвидѣлъ и не приготовилъ. Люди цѣлыми сотнями умирали отъ мороза, отъ усталости, отъ голоду; подлѣ нихъ падали сотоварищи злополучія ихъ, лошади; конницы почти совсѣмъ ужѐ не оставалось, кромѣ двухъ изъ гвардіи его сбереженныхъ полковъ; пушки стояли на мѣстѣ, потому что не подкованныя и тощія лошади не имѣли силы стянуть ихъ; ружья повергаемы были на землю, потому что озябшія руки нести ихъ не могли; мертвыя тѣла показывали путь *великому и непобѣдимому воинству, обѣщавшему отъ пагубнаго наитія Россіи спасти Европу, и науки полуденныхъ краевъ отъ Азіятскаго полуварварства защитить*. На возвратномъ пути до Смоленска потерялъ Бонапарте убитыми, плѣнными, умершими отъ холода и голода 60,000 человѣкъ, 400 пушекъ, и великую часть обозовъ, везшихъ награбленную въ Москвѣ добычу.

Въ Смоленскѣ были еще запасныя хлѣбницы, но порядка и повиновенія не доставало; почему и не могли онѣ много быть полезны бѣгущему войску, которое спѣшило, дабы Рускіе не пресѣкли ему пути. Бона-

парте велѣлъ тамъ множество повозокъ, сокровищъ и припасовъ сжечь, и многіе ящики съ порохомъ подорвать; однакожъ по выходѣ его изъ Смоленска Платовъ нашелъ еще превеликой обозъ и 120 пушекъ. Сверхъ сего многія орудія Французами зарыты были въ землю или потоплены въ рѣкахъ и ручьяхъ, дабы непріятель ихъ не нашелъ.

Бонапарте бѣжалъ съ остатками войскъ своихъ, изъ которыхъ двѣ трети бросили ружья, почти безъ конницы и съ не многими пушками, въ бѣдственномъ состояніи къ Красному. Здѣсь Фельдмаршалъ Кутузовъ настигъ его и на него устремился. Онъ 4го Ноября вошелъ въ Красной, а 5го Кутузовъ на него напалъ. Бонапарте сначала самъ распоряжалъ битвою, и нещастные солдаты его нападеніе Рускихъ прямо на чело ихъ довольно храбро отбивали; но когда они увидѣли правое крыло свое обойденнымъ, тогда утихли, и повелитель ихъ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ во весь опоръ за тѣлохранителями своими, которыхъ напередъ услалъ въ отстоявшую оттолѣ за нѣсколько верстъ деревню Лады. Онъ сдалъ повелительство Маршалу Даву, которой сраженіе продолжать, и идущаго съ задними войсками отъ Смоленска Маршала Нея принять и подкрѣпить долженствовалъ.

Но дѣло скоро кончилось; Даву поскакалъ также во всю прыть за своимъ Императоромъ и оставилъ Маршальской жезлъ свой и войско Нея на произволъ судьбы; 9000 человѣкъ положили ружья, и съ ними 25 пушекъ и многія знамена и орлы достались въ руки побѣдителямъ.

На другой день послѣ битвы подъ Краснымъ появился Маршалъ Ней съ задними войсками, которыхъ было около 15000 человѣкъ. Онъ пришелъ изъ Смоленска, гдѣ онъ старый валъ и бастіоны порохомъ подрывалъ, и думалъ Бонапартія и Французское войско найти въ Красномъ. Онъ удивился, когда увидѣлъ, что тутъ были Руские; однакожъ счелъ ихъ за малые разъѣзжающіе отряды, и напалъ на нихъ съ яростію, дабы сквозь нихъ пробиться. Но сего не сбылось, какъ и не могло сбыться. Ней послѣдуя Даву поскакалъ скорѣе прочь; изъ всѣхъ солдатъ его едва сотни двѣ спаслось, 11000 человѣкъ взяты были въ плѣнъ, а прочіе порублены. Сія толпа имѣла у себя только 20 пушекъ и ни одного конника.

Бонапарте очень тужилъ объ Неѣ, чтобъ его не убили, или не взяли въ полонъ, и часто повторялъ: „я бы охотно далъ два миліона, чтобъ спасти Нея." Однакожъ Ней и самъ спасся. Какая низость духа въ сихъ Маршалахъ и полководцахъ! какое

попеченіе о жизни и нерадѣніе о чести! хотя бы одинъ изъ нихъ съ нещастными воинами, предводительству его ввѣренными, легъ честно или бы взятъ былъ на полѣ сраженія! точно также и славный ихъ Императоръ — сколько сотъ тысячь принесъ онъ ярости своей на жертву, для того только, чтобъ жизнь его была безопасна! и съ какимъ гнуснымъ ращетомъ выдавалъ онъ ихъ! сперва Нѣмцовъ, Поляковъ, Италіянцевъ, Швейцарцовъ, Голландцовъ, потомъ Французовъ; тѣлохранителей своихъ совсѣмъ не употреблялъ онъ въ дѣло; они во весь походъ ни одного выстрѣла не сдѣлали, они единственно были при немъ для охраненія его особы; войску они совсѣмъ не принадлежали — *все для великаго Императора, Императоръ ни для кого*, не только каплею крови, нижѐ слезою, нижѐ чувствомъ сожалѣнія. Такъ онъ считаетъ, а народы и люди не хотятъ научиться считать! по истиннѣ они заслуживаютъ, чтобъ онъ ихъ какъ безсловесныхъ употреблялъ, и какъ безсловесныхъ убивалъ.

Послѣ сихъ славныхъ дней 5 и 6 Ноября Кутузовъ ввечеру дня второй побѣды далъ пышное празднество. Между трофеями были многія почетныхъ войскъ великолѣпныя знамена; онъ велѣлъ ихъ, въ честь побѣдителей при Красномъ, въ гвардейскій

Россійскій станъ принесть и передъ каждымъ полкомъ низко преклонить. Бонапартіева звѣзда затмилась предъ Россійскою. Съ гордостію побѣды въ войскахъ Фельдмаршала соединились еще веселіе добычи. Сія была превеликая: награбленное во всѣхъ царствахъ досталось въ руки козакамъ, и многое также изъ похищеннаго въ Москвѣ; всякой козакъ, даже многіе Рускіе мужики, такъ много имѣли золота, что первому встрѣтившемуся имъ пріятелю горстью кидали; козаки нѣсколько возовъ драгоцѣнныхъ вещей отослали въ жилища свои, на Донъ. При семъ не должно умолчать, что они все золото и серебро, церквамъ и монастырямъ принадлежащее, безъ всякой утайки отдали назадъ; также и о томъ къ чести ихъ надлежитъ упомянуть, что они на благолѣпіе святыхъ храмовъ и образовъ многіе пуды серебра и золота посвятили.

Я говорилъ о битвахъ, о Французскихъ воинахъ, которые могли еще сражаться и съ мечемъ въ рукахъ быть убиты или въ плѣнъ взяты. Но подлѣ сихъ сколько тысячъ съ голоду и холоду померло! одѣтые (у кого и было что нибудь) въ тонкое лѣтнее платье, большею же частію совсѣмъ оборванные и нагіе, какъ могли они Рускія Октябрскія и Ноябрскія ночи переносить,

днемъ безъ отдыха идти, ночью подъ открытымъ небомъ лежать, и дождь, снѣгъ, морозъ вытерпливать! притомъ же изсохшею и отвратительною лошадиною стервою съ такимъ омерзеніемъ питаться, что многіе лучше хотѣли умереть съ голоду, а другіе даже и сотоварищей своихъ трупы жрали! — Сіе превосходило человѣческія силы. Они падали сотнями и тысячами, и умирали какъ мухи въ Октябрѣ. Подобно подземнымъ тѣнямъ, сини, блѣдны, они шли сами не зная куда, безъ памяти, безъ языка, безъ всякаго употребленія чувствъ. Козаки и мужики не трогали такихъ: они уже были мертвы. Иногда сіи нещастные кидались на лошадиную падалину и отталкивая живыхъ дрались за кусокъ стервы. По утрамъ находили ихъ въ сараяхъ, конюшняхъ, подлѣ стѣнъ и заборовъ, часто по десяти и двадцати, какъ свиней стѣснившихся, чтобъ согрѣться, въ кучу, и околѣвшихъ тушъ, не имѣя у себя ни огнива, ниже хотѣнія высѣчь и разложить огонь; подобныя же скопища заснувшихъ на вѣки находили вокругъ потухшихъ огней; всегда почти около мертвой лошади лежали мертвые люди, часто рука держала еще ножъ, которымъ хотѣла отрѣзать кусокъ стервы, или объятая хладомъ смерти окостенѣла вокругъ держимой ею оглоданной

кости; повсюду, гдѣ на улицахъ было что нибудь согрѣвающее или защищающее, кучка соломы, стѣна, печка, остатокъ сгорѣвшей избы, или непокрытая клѣть, тамъ валялись трупы. У сихъ плачевныхъ жертвъ истлѣнія не было никакого человѣческаго чувства: живые какъ враны нападали на мертвыхъ, обдирали ихъ и сами кутались въ ихъ лахмотье, бывшее въ сіе время драгоцѣннѣйшею одеждою; они сидѣли на издохшихъ лошадяхъ, на трупахъ товарищей своихъ, у тогожъ огня грѣвшихся: самое ужаснѣйшее для сихъ нещастныхъ не было болѣе ужасно. Руской офицеръ, ѣхавшій изъ арміи въ Петербургъ, слышитъ въ вечернюю пору въ лѣсу подлѣ дороги нѣкій стонъ; онъ останавливается и идетъ на голосъ. Видитъ копну сѣна, въ которой нѣчто пищитъ; онъ кличетъ: оттуда выползаетъ совсѣмъ нагой Французъ; онъ кидаетъ на него епанчу свою, и какъ въ сѣнѣ еще нѣкто тихимъ голосомъ охалъ, то онъ спрашиваетъ у сего: „ты одинъ здѣсь? — „нѣтъ отвѣчаетъ сей, насъ трое, одинъ ужѐ умеръ, а другой теперь умираетъ, у него обѣ ноги отморожены и антоновъ огонь прикинулся.“ Жалостливый офицеръ спѣшитъ удалиться отъ сего ужаса, беретъ съ собой нагова до ближней деревни, велитъ обмыть его, одѣть,

и поручаетъ попеченію добрыхъ людей. — Курьеръ проѣзжаетъ занесенную снѣгомъ развалину, гдѣ была цѣлая толпа таковыхъ оставленныхъ безъ помощи, которыхъ ужè и самая ненависть Рускихъ мужиковъ не трогала; они кричатъ, вопятъ, заклинаютъ небомъ и землею, чтобъ онъ ихъ взялъ съ собою, отвезъ бы куда нибудь къ людямъ, гдѣ бы они еще одинъ разъ согрѣться и умереть могли; онъ изъ жалости беретъ ихъ нѣсколько — тотчасъ всѣ другіе, кто бѣжать могъ, кинулись къ нему на сани и загрузили ихъ собою; онъ спѣшитъ, нѣчего дѣлать, принужденъ былъ всѣхъ ихъ столкнуть и скорѣе отъ нихъ ускакать. Въ сіи дни величайшаго бѣдствія человѣческаго видѣли людей, которые за нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ цвѣтущею юностію украшенные въ нѣгѣ и роскоши утопали, а тутъ у проходящихъ и проѣзжающихъ, какъ нѣкоего драгоцѣннѣйшаго дара, куска хлѣба просили, и тѣ, которые недавно такъ пытны и горды казались, теперь сами себя, жизнь свою, и все, что имѣли, или лучше сказать чего не имѣли, предлагали, даже въ вѣчную неволю, въ рабство отдавали себя тому, кто ихъ возметъ и спасетъ: никто не бралъ.

Также и плѣнные, которые ходить еще могли, шли почти всѣ на вѣрную смерть.

На нихъ лежало тяжкое проклятіе злодѣйскаго перехода черезъ Вислу и Днѣпръ, и тяжкій гнѣвъ народа, которой они поработить хотѣли, у котораго деревни и города сожгли, женъ и дѣтей обезчестили, церкви и олтари поругали, гробы и памятники разрушили, у двухъ миліоновъ Руских имущество и пропитаніе отняли, и нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ жизни и чести лишили — сіе сдѣлало мщеніе сладкимъ; мщеніе позволяютъ Богъ и природа, когда одинъ народъ другаго поработить хочетъ. — Нѣкто путешественникъ видѣлъ пятьдесятъ плѣнныхъ, которыхъ вели дватцать вооруженныхъ пиками бабъ; одна изъ нихъ тупымъ концемъ навозныхъ вилъ ткнула Француза, отставщаго и тащившагося хромая позади; онъ заохалъ и сталъ просить бабу, чтобъ она поступала съ нимъ человѣколюбивѣе; тогда она пришла въ ярость и закричала: развѣ мужъ мой не передъ моими глазами убитъ? Развѣ вы не сожгли моего дома? и оборотя острымъ концемъ вилу, до тѣхъ поръ била его по головѣ и упавшаго топтала ногами, покуда онъ умеръ. — Козакъ велъ многихъ плѣнныхъ, съ нимъ на дорогѣ встрѣтился мужикъ, и спросилъ у него: что стоитъ плѣнный Французъ? козакъ сказалъ цѣну; они стали торговаться и мужикъ купилъ Француза. Онъ привя-

залъ его къ дереву, и давалъ еще нѣсколько денегъ, чтобъ козакъ ссудилъ его на часъ своею пикою. Козакъ согласился; мужикъ лишь только получилъ пику, вдругъ разсвирѣпѣлъ, и шестью ударами закололъ нещастную свою жертву; при первомъ ударѣ сказалъ онъ: *это за Мать Пресвятую Богородицу Смоленскую*; при второмъ: *это за Москву*; при третьемъ: *это за сожженіе моего дома*; при четвертомъ: *это за моего брата*; при пятомъ: *это за обезчещеніе моей дочери*; при шестомъ: *это за убіеніе моего отца*. Такимъ или подобнымъ образомъ открывалась ненависть къ Французамъ, которая по естественному чувствованію вступаться за вѣру, отечество и друзей, вездѣ появлялась и цѣлыми сотнями ихъ истребляла. Сверхъ сего суровость времени и воздуха служила къ умноженію ихъ погибели; они ведены были далѣе къ Востоку и Сѣверу, гдѣ стужа становилась отчасу жесточе, и гдѣ они идучи чрезъ разстояніе ста или полутораста миль, день отъ дня болѣе исчезали. Къ тому же шли они по дорогамъ отъ битвъ, прохода войскъ, пожаровъ и разореній, сдѣлавшимся безъ домовъ и жителей. Въ странахъ, гдѣ многія тысячи Руских, всего имущества лишенные, едва насущное пропитаніе имѣли, иностранцы естественно должны были

умирашь съ голоду; а которыхъ пощадилъ голодъ, шѣхъ истребилъ морозъ. Селенія превращены были въ пепелъ, часто надлежало провождать ночи на пустомъ полѣ и съ умершими вокругъ огня товарищами своими разставаться безъ плача: бѣдствіе ихъ не имѣло болѣе слезъ. Даже и тамъ, гдѣ были еще деревни, живые чуждались сихъ полумертвыхъ и опасались пускать ихъ въ домы свои, дабы отъ нихъ не заразиться. Такимъ образомъ подлѣ Нижняго Новагорода, отстоящаго сто миль отъ Смоленска, 7000 плѣнныхъ проводили среди жестокой зимы двои сутки на открытомъ воздухѣ вокругъ разложенныхъ огней, гдѣ одна сторона тѣла ихъ жарилась, а другая леденѣла. Каждое утро находили ихъ отъ 500 до 700 замерзшими; живые изъ сихъ мертвыхъ складывали стѣну, дабы, лежа за нею, укрываться отъ сѣверныхъ вьюгъ. Не многіе оставшіеся отъ сихъ нещастныхъ, по достиженіи наконецъ до назначеннаго имъ мѣста, почти всѣ померли въ больницахъ; сѣмя смерти пребывало у нихъ въ груди, и никто уже не могъ ихъ спасти. Сіи люди, синеблѣдные конеядцы, такъ отощали и къ принятію пищи сдѣлались неспособны, что они, проглотя нѣсколько ложекъ похлебки или кусокъ мяса, вдругъ какъ бы задушенные упадали. Многіе за

ужиномъ ѣли и пили порядочно, легли здоровы спать въ теплыхъ покояхъ, и поутру очутились мертвы на соломенныхъ своихъ постеляхъ. Навѣрное сказать можно, что изъ всѣхъ Французскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ осенью и зимою, десятой, можетъ быть пятнатцатой, не доживетъ до весны.

Сія страшная судьба, ниспосланное отъ небесъ праведное наказаніе, всѣхъ постигла: военачальники, полковники и другіе чиновные люди, лишенные денегъ, обнаженные отъ одеждъ, столько же, какъ и рядовые, подвержены были голоду и стужѣ: они равно съ ними лежали по дорогамъ; равно съ ними умирали около огня, въ избахъ и сараяхъ; равно съ ними отмороживали себѣ руки, носы и ноги. Знатной Руской офицеръ проѣзжаетъ Витебскъ; нѣкто служитель кличетъ его громко, и проситъ зайти къ старымъ знакомымъ. Онъ входитъ въ горницу, похожую больше на нѣкую грязную лазею, нежели на комнату, и поражается исходящимъ изъ ней смраднымъ и несноснымъ запахомъ. Онъ находитъ тамъ двухъ молодыхъ Саксонскихъ офицеровъ, въ знакахъ Французскаго ордена почетнаго легіона, сыновей изъ знатнѣйшаго дому, изнемогшихъ подъ тяжестію бѣдствія, худощавыхъ, блѣдныхъ. Онъ сначала не узнаетъ ихъ; они должны были на-

*

помнить ему имена свои и знакомство съ нимъ въ Дрезденѣ. Лѣкарь ихъ сказалъ, что одному изъ нихъ надобно будетъ отпилить руку, а другому, вѣроятно обѣ ноги. Руской офицеръ снабдилъ ихъ деньгами, пожелалъ имъ выздоровленія, и поѣхалъ отъ нихъ со слезами. Въ Вильнѣ, и въ Гроднѣ, и въ другихъ многихъ мѣстахъ, по которымъ Французы постыдно бѣжали, было въ таковыхъ покояхъ и въ такомъ состояніи по два, по три, и по пяти Французскихъ и Нѣмецкихъ офицеровъ набито; иные умирали, у другихъ согнивали члены; живые такъ были изнурены, что не могли выносить мертвыхъ, которые нѣсколько часовъ, иногда нѣсколько дней, подлѣ нихъ лежали, доколѣ и они сами сдѣлались мертвецами.

Богъ праведенъ! знайте это вы, облеченные и необлеченные въ багряницу мучители! знайте это всѣ, трусы и подлецы! знайте всѣ, криводушники, измѣнники и плуты! знайте и трепещите! двадцать лѣтъ явно и видимо ходилъ Онъ между людьми, и показывалъ, что Онъ тотъже старый Богъ; что Онъ наказуетъ и наказывать долженъ, когда грѣхи и злыя дѣла превзойдутъ мѣру. — Вы были слѣпы и глухи, вы въ закоснѣніи зарывались отчасу глубже въ неправду и корыстолюбіе, такъ

что лица Его не видали. Се приходитъ Онъ въ громахъ и молніяхъ, раздирая и разрушая всѣ покровы и нырища вашихъ мерзостей и студодѣяній; судъ свѣту насталъ: беззаконники накажутся, и праведники процвѣтутъ въ свободѣ. Блаженны тѣ, которые, не ослѣпясь ни любостяжаніемъ, ни тщеславіемъ, сохранили души свои отъ измѣнъ и лжей безпорочными.

Сіе было первое бѣгство Бонапартіево; второе началось отъ Краснаго и продолжалось до Березина, отстоящаго въ 26 миляхъ, на половинѣ дороги отъ Смоленска до Вильны. Бонапарте съ своею гвардіею, и съ прочими малыми державшимися еще при немъ толпами, бѣжалъ опрометью далѣе, находясь въ не маломъ отдаленіи впереди Рускихъ войскъ, которыя сраженіями съ Давустомъ и Неемъ, 5 и 6 Ноября, также и возрастающими въ продовольствіи трудностями, весьма задерживаемы были. Онъ отдохнулъ нѣсколько; притомъ же теплая погода благопріятствовала ему соединиться съ войсками Виктора, Домбровскаго, и остаткомъ Удинотовыхъ солдатъ, чрезъ что получилъ онъ паки нѣкоторую надежду. Сіи войска состояли изъ 35000 человѣкъ, имѣли много орудій, и не были столь изнурены, какъ тѣ, которыхъ самъ онъ велъ. Однако же онъ долженъ былъ спѣшить, по-

тому что предводимая Адмираломъ Чичаговымъ армія шла уже отъ Минска, а Графъ Витгенштеинъ наступалъ отъ Чашникова. Чичаговъ далъ повелѣніе, чтобъ бывшія противъ Турокъ Донскія войска, по заключеніи мира съ Портою, простирали походъ свой далѣе къ Сѣверу. Графъ Витгенштеинъ предводительствовалъ войсками, отъ тритцати до сорока тысячъ человѣкъ, противъ Французскихъ Маршаловъ Удинота и Магдональда. Онъ въ сіе лѣто болѣе всѣхъ Россійскихъ Полководцевъ пріобрѣлъ себѣ славы *): въ пяти кровопролитныхъ и побѣдою увѣнчанныхъ сраженіяхъ разсыпалъ онъ превосходныя Французскія силы, защитилъ Лифляндію, Петербургъ, и ободрилъ сердца Россійскаго народа. Онъ въ сіе время гналъ разбитыхъ имъ Удинота и Магдональда, и долженствовалъ съ идущею изъ Молдавіи арміею такъ сойтиться, чтобъ поставить непріятеля въ средину. Многіе ожидали при Березинѣ таковаже дня, какъ подъ Краснымъ;

*) Графъ Витгенштеинъ конечно первый въ сіе лѣто началъ гремѣть побѣдами; но не отнимая у него достойной чести, скажемъ, что въ сіе же лѣто, или въ томъ же году, Князь Кутузовъ-Смоленскій спасъ Россію и положилъ первое основаніе спасенію Европы. Въ семъ и въ послѣдующихъ годахъ дѣла прочихъ Россійскихъ Полководцевъ, и вообще всего Рускаго народа и войскъ, никакими умолчаніями и пристрастными молвами или писаніями не заглушатся. (Примѣч. переводчика).

а иные полагали, что войско Бонапартіево совершенно истреблено будетъ, и что самъ онъ не избѣгнетъ плѣна или смерти. Бонапарте соединился съ вышепомянутыми тритцатью пятью тысячами войскъ своихъ, поставилъ Виктора противъ Витгенштеина, Поляковъ противъ Борисова, гдѣ стоялъ Чичаговъ, и Ноября 25 числа навелъ неподалеку отъ Сембина мостъ для переправы черезъ рѣку. Француские солдаты отъ голода, стужи и частыхъ пораженій не имѣли прежняго духа; половина ихъ гвардіи была безъ оружія, и при одномъ имени *Рускаго* и *козака* дрожали у сихъ непобѣдимыхъ и страшныхъ воиновъ руки и ноги. Переходъ черезъ мостъ начался съ великимъ безпорядкомъ и своевольствомъ: сильнѣйшіе пробивались сквозь слабѣйшихъ, хуждшіе сквозь лучшихъ; многіе, бывъ столкнуты въ воду, утопали или замерзали. Витгенштеинъ опрокинулъ поставленныхъ противъ него Виктора и Партонно, взялъ 5 Генераловъ и 7000 человѣкъ въ плѣнъ; онъ гналъ Виктора къ Березину, а Чичаговъ Домбровскаго къ главному войску назадъ; они тѣснили ихъ съ боковъ, а съ тылу нападали Атаманъ Платовъ и Генералъ-Лейтенантъ Кутузовъ. Когда всѣ сіи ужасы и пушечные громы приближились, тогда все пришло въ крайнее замѣшательство и бѣг-

ство; снаряды, обозы, конница, пѣхота, всякъ старался опередить. Тутъ не за честь сражалися съ супротивникомъ, но препиралисъ между собою о спасеніи жизни. Тутъ пріятель пріятеля, рядовой начальника сбивалъ съ ногъ, или сталкивалъ въ воду; бѣгущіе ступали на лежащихъ, исторгая изъ нихъ послѣднее дыханіе; многіе конскими копытами и пушечными колесами были растоптаны и раздавлены; изъ тѣхъ, кои по льду пробраться, или чрезъ узкой по срединѣ протокъ переплыть покушались, большею частію замерзали или утопали. Среди клятвъ, прозбъ, жалобъ, стоновъ и воплей отъ сперщихся на мосту и замерзающихъ и тонущихъ въ рѣкѣ, возгремѣлъ наконецъ, когда Руские съ обоихъ береговъ начали стрѣлять по мосту, еще сильнѣйшій пушечный громъ, которой въ густомъ лѣсу, наполненномъ людьми, страшно раздавался, и осколками раздробленныхъ соснъ ранилъ и убивалъ Французовъ. Въ семъ побоищѣ нѣкоторые Французской гвардіи егерскіе полки первый разъ во время сей войны изъ ружей своихъ стрѣляли. На мосту и окрестъ онаго потеряли Французы убитыми, замерзшими и плѣнными еще 5000 человѣкъ, почти весь обозъ и немалое число орудій. Въ сей и предъидущій день почти все остальное награбленное въ Москвѣ, ко-

ляски, церковныя утвари, серебро, мѣхи, достались въ руки побѣдителямъ. Бонапарте изъ шестидесяти тысячъ, приведенныхъ имъ къ рѣкѣ Березиной, едва съ сорокью тысячами перешелъ чрезъ оную. Князь Шварценбергъ, предводительствовавшій вспомогательными Австрійскими войсками Полководецъ, боковымъ движеніемъ своимъ спасъ его, удержавъ противъ себя половину арміи Чичагова *).

Третіе бѣгство Французовъ простирается отъ Березина до Немена и далѣе въ Пруссію. Сіе бѣгство было не иное что, какъ заячья травля вдоль большой улицы. Сраженія и битвы кончились; но Богъ каралъ еще нечестивыхъ, ниспосланіемъ на нихъ сильной стужи, которая въ конецъ ихъ погубила. Обузданность, повиновеніе, честь, все то, чѣмъ власть повелѣваетъ, и подчиненность покорствуетъ, исчезло; всякое человѣческое вниманіе, всякое чувствованіе охладѣло. Всѣ почти побросали ружья, большая часть шли безъ обуви, безъ одежды, обертывая ноги свои тряпками, клочьями войлоковъ, старыми шляпа-

*) За чѣмъ спасъ? — Какъ за чѣмъ? Для чегожъ было не спасти человѣка, которой естьли бы тогда взятъ былъ, такъ бы всѣ Царства освободились и война кончилась? (Примѣч. переводчика).

ми, и стараясь всѣмъ тѣмъ, что первое попадется, окутывать себѣ голову и плеча, дабы сколько нибудь защититься отъ жестокой стужи. Ветхія изорванныя рогожи, дерюги, и свѣжесодранныя скотскія шкуры, были ихъ нарядами. Щастливъ тотъ, кому попался кусокъ сермяжнаго сукна или лоскутъ шубы! Тутъ появлялись странныя одѣянія, какія едва ли когда и для маскарадовъ были выдумываемы: кирасиры въ женскихъ юбкахъ, лейбъ-гусары въ церковныхъ ризахъ, егери въ длинныхъ монашескихъ епанчахъ, всякихъ цвѣтовъ, всякаго покроя: въ такомъ позорѣ разныхъ державъ люди брели по дорогѣ отъ Березина къ Вильнѣ. Сколько прежде гордость, столько теперь бѣдность, была свыше человѣческой; не было ни мѣста для отдохновенія, ни времени для пищи, ни способовъ для перевязки ранъ: козаки и другія легкія Россійскія войска гнали ихъ по пятамъ. Ужѐ то не побѣдителей свѣта было шествіе, но нѣкій безмолвный, печальный ходъ погребенія, и еще такого погребенія, какое развѣ токмо въ адѣ бываетъ; поелику на землѣ подобнаго не видано. Безгласна какъ гробъ была Французская живость, задумчиво легкомысліе, смиренна дерзость, одни только тяжелые вздохи слышны были при тихомъ ступаніи шествующихъ. Изрѣдка

стукъ конскихъ копытъ и скрыпъ шелѣгъ прерывалъ сію повсюду царствующую, унылую тишину. Люди и лошади падали; многія пушки отъ нарочитой оставаавшейся еще послѣ переправы черезъ Березину артиллеріи, были брошены; обозы, тысячи Бонапартіевыхъ каретъ и повозокъ, его Маршаловъ и Полководцевъ, давно уже побраны были козаками, или по ненадежности спасенія ихъ на дорогѣ разломаны и сожжены; но оставалась еще одна Бонапартіева карета, которую онъ сохранялъ, какъ нѣкое сокровище, и самъ во время величайшаго при Березинѣ страха своими руками перетаскивалъ черезъ мостъ. Въ ней сидѣлъ онъ, какъ Вельзевулъ, на своемъ адскомъ престолѣ, озирая повсюду распространенное вокругъ себя опустошеніе; на козлахъ и на запяткахъ у него сидѣли нѣсколько Генераловъ, и самый малочисленный отрядъ конницы на тощихъ клячахъ сопровождалъ медленную его поѣздку. Онъ самъ говоритъ о семъ: „конница наша имѣ„ла такой недостатокъ въ лошадяхъ, что „всѣ офицеры, которые только имѣли ло„шадей, насилу могли составить 4 эска„дрона, каждой по 150 человѣкъ. Генералы „отправляли должность Ротмистровъ, а „офицеры урядниковъ *). Сіе святое воин-

*) Да чтожъ были рядовые, которыми сіи Ротмистры и

„ство подъ предводительствомъ Генерала „Груши и главнымъ начальствомъ Короля „Неаполитанскаго, не выпускало при всѣхъ „движеніяхъ изъ глазъ своего Императо„ра.“ — Сіе *святое* полчище, охранявшее *святаго* Наполеона, было остатокъ отъ 60000 всадниковъ, перешедшихъ лѣтомъ черезъ Неменъ; да и сія конница была уже нѣсколько дней пѣшая, равно какъ и два на Апулейскихъ жеребцахъ великолѣпные полка Наполеоновой гвардіи, которые изъ Вильны встрѣтили Императора, или лучше сказать хотѣли встрѣтить, потому что какъ въ день выѣзда ихъ изъ города стужа была 22 градуса, то бѣдные сіи полуденные уроженцы хотя околѣвая отъ холода и выѣхали за городскія ворота, но чрезъ нѣсколько часовъ третья часть ихъ воротилась полумертвая назадъ съ отмороженными руками, ногами и носами; прочіе провожали Наполеона въ послѣднемъ бѣгствѣ его чрезъ Польшу, и почти всѣ и съ лошадьми своими отъ изнуренія и стужи истребились. Какое зрѣлище представлялось очамъ по дорогѣ между Березина и Вильны! Съ опущенными руками и закутанными лицами шли офицеры и солдаты другъ подлѣ друга

урядники распоряжали? Рядовые состояли всѣ въ одномъ лицѣ Наполеоновомъ. (Примѣч. переводчика).

въ нѣмомъ и мрачномъ одурѣніи. Не помогло и гвардіи, что она во всѣхъ сраженіяхъ была сберегаема: Богъ не пощадилъ сихъ величайшихъ преступниковъ, палачей тирана. Естьли которые изъ нихъ отъ Маренго, Аустерлица, Эйлау, Ваграма, Талаверы, Лисабона, и уцѣлѣли, то здѣсь въ долгія ночи имѣли они довольно времени надуматься о превратности мірскихъ вещей и о безконечномъ Существѣ, которое рано или поздо наказываетъ людскія мерзости и злодѣянія. Они теперь сравнялись съ самыми худшими, и ни чѣмъ ужè отъ нихъ не отличались, будучи, также какъ и тѣ, ободраны, босы, голодны и безоружны; нещастнѣе тѣхъ, которые въ первыхъ сраженіяхъ побиты или въ полонъ взяты; ибо въ продолжительномъ бѣгствѣ долженствовали испытать надъ собою всякое бѣдствіе и срамъ, какому едва ли какое воинство когда подвергалось, долженствовали все сіе перенести, и потомъ умереть. Весь порядокъ, всякая бодрость въ оборонѣ, миновали; одно восклицаніе: *козакъ!* приводило всѣ ряды въ трепетъ и бѣгство, такъ что часто цѣлыя сотни ихъ немногими козаками побираемы были въ плѣнъ. Сію едва ли не заслуженную участь претерпѣли также и многіе изъ оставшихся Баварцевъ, которые противъ собственнаго отечества

своего, долгое время съ безчестною храбростію воевали, и нынѣ, въ сію войну, вмѣстѣ съ Французами храбро дрались и жестокосердо грабили *). Ихъ въ семъ последнемъ бѣгствѣ болѣе трехъ тысячь взято въ полонъ и побито. — Дорога, по которой проходили войска, усыпана была мертвыми тѣлами. На упадающаго отъ изнеможенія, другіе шедшіе съ нимъ, тотчасъ бросались, и съ живаго и дышущаго еще сдирали лохмотья, дабы ими себя окутать. Въ срубахъ и позади ихъ, въ клетяхъ, у заборовъ, даже въ ребрянинахъ издохшихъ лошадей, замерзающіе искали убѣжища. Избы и сараи были сожжены. Самъ Бонапарте ночныя становища не одинъ разъ отнималъ у тѣхъ, которые для себя ихъ готовили, и нанося сухихъ дровъ развесть огонь и расположиться тутъ хотѣли. При каждомъ огневищѣ лежали груды тѣлъ, сгорѣвшихъ отъ того, что при усилившемся пламени отодвинуться отъ него не имѣли силы. По всей большой дорогѣ толпились плѣнные, за которыми никто уже не присматривалъ: здѣсь-то предста-

*) Баварскій Король сказалъ Графу Витгенштейну: едва ли не долженъ я васъ благодарить за истребленіе войскъ моихъ, которыя безъ того можетъ быть съ разбойническимъ въ груди духомъ возвратились бы въ отечество. (Примѣч. переводчика).

вялялись очамъ ужасы неслыханныхъ зрѣлищъ, которымъ тотъ, кто объ нихъ услышитъ, не повѣритъ, да и тому, кто ихъ видѣлъ и пережилъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, будутъ онѣ казаться сновидѣніемъ. Нещастные сіи отъ Бога и отъ людей оставленные, черные, замаранные, закоптѣлые, подобно мрачнымъ тѣнямъ, шатались между мертвыми сотоварищами своими, покуда сами падали и умирали. Иные босыми ногами, въ коихъ тлѣлъ ужѐ антоновъ огонь, брели еще по дорогѣ, не зная куда идутъ; другіе совсѣмъ потеряли языкъ и разсудокъ; а нѣкоторые отъ голода и стужи впадали въ такое изступленное неистовство, что жарили и жрали трупы мертвыхъ своихъ собратій, или огрызали себѣ пальцы и руки. Многіе были ужѐ такъ слабы, что не могли собирать для себя дровъ, и таковые, увидя гдѣ либо маленькой огонекъ, садились, тѣснясь ближе къ нему, на лежащихъ вокругъ его мертвыхъ тѣлахъ, и съ погасаніемъ онаго, сами погасали. Часто въ подобной насѣкомымъ безсмысленности, дабы скорѣе согрѣться, вползали они въ самый пламень, и сгарая жужжали какъ мошки, толпящіяся вокругъ свѣта; другіе туда же за ними ползли и также сгарали. Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ крѣпче стужа, тѣмъ чаще мертвецы,

тѣмъ отвратительнѣе зрѣлище *). Генералъ Лаузонъ привелъ изъ Кенигсберга на подкрѣпленіе арміи, которая еще великою называлась, 10,000 большею частію Нѣмецкаго юношества, встрѣтившихъ Бонапарте за 7 миль отъ Вильны у Ошмянъ, дабы провожать его подъ прикрытіемъ своимъ; изъ нихъ, безъ всякихъ битвъ, отъ однихъ переходовъ и стужи ночныхъ постоевъ, осталось только три тысячи, и тѣ передъ Вильною отчасти были побиты, отчасти

*) Сколь ни рѣзкими чертами описано здѣсь бѣдствіе, постигшее Французовъ, но нѣтъ никакой возможности ни перу писателя, ни кисти живописца, представить оное въ полномъ и достаточномъ видѣ. Какъ ни ужасно было смотрѣть на великое число валяющихся по дорогамъ конскихъ и человѣческихъ труповъ (въ одной Вильнѣ было въ сіе время семнатцать тысячъ не погребенныхъ другъ на друга наваленныхъ, и во многія превеликія глыбы смерзшихся тѣлъ, къ которымъ въ добавокъ по пяти и шести сотъ человѣкъ въ больницахъ ежедневно умирало); однакожъ взирающій на сіе не столько поражался великостію сего количества мертвыхъ, сколько образомъ ихъ смерти. Сего послѣдняго никто, не видавшій того, вообразить себѣ не можетъ. Убитые или умирающіе обыкновенною смертію люди не дадутъ намъ ни малѣйшаго о томъ понятія; они лежатъ предъ очами нашими одинакимъ образомъ простертые, блѣдны, спокойны, какъ бы крѣпкимъ сномъ уснувшіе. Таковъ всякій мертвый; но здѣсь совсѣмъ не то: тысяча труповъ являются въ тысячахъ, ужасающихъ очи, различныхъ положеніяхъ, словно какъ бы смерть, руками мороза, каждаго еще не ослабѣвшаго и членами своими свободно дѣйствующаго человѣка, вдругъ схватила, и въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ

въ плѣнъ взяты. О судьбѣ Неаполитанцевъ было уже выше сего упомянуто.

Въ семъ ужасномъ злополучіи и тогда, когда всѣ предосторожности были забыты, примѣчанія достойна неусыпная предосторожность военной Французской полиціи, которой всѣмъ другимъ, во время войны съ ними, надлежало бы подражать: никогда въ то мѣсто, гдѣ стояли Французскіе солдаты, не доходилъ ни малѣйшій слухъ о разбитіи Бонапартіевыхъ войскъ. Вильна, средоточіе новосоюзныхъ Польскихъ областей, гнѣздо всѣхъ Французскихъ присутственныхъ мѣстъ, и виталище чужестран-

---

нашла его, въ одно мгновеніе ока превратила въ подобную камню твердость. Здѣсь можно было видѣть на яву, что мы о превращеніи какою нибудь волшебницею людей въ истуканы слыхивали въ сказкахъ: иной съ возвышенною головою сидѣлъ облакотясь; иной лежалъ простертъ съ поднятою къ верху рукою; иной сдѣлалъ себѣ на снѣгу постелю и свернувшись, какъ бы спалъ на ней; иной разинувъ ротъ держалъ надъ нимъ персты свои, словно какъ бы прося пищи; иной въ бѣшенствѣ хотѣлъ встать, но вдругъ застылъ, такъ что остался ни сидячимъ, ни лежачимъ; иной, имѣя отверстые глаза, казалось еще скрежещетъ зубами. Словомъ всякой былъ въ нѣкоемъ особенномъ положеніи. Почти на лицѣ каждаго можно было прочитать послѣдняя его чувствованія: на иномъ отчаяніе, на иномъ гнѣвъ, на иномъ страхъ, на иномъ лютость, на иномъ уныніе. На рѣдкомъ спокойство изнемогшаго человѣка. Никогда наказаніе Божіе не являлось толь страшнымъ и очевиднымъ, какъ на сихъ преступникахъ. (Примѣч. переводчика).

ныхъ Посланниковъ, была подъ преимущественнымъ надзоромъ. Хотя проницали иногда непріятные слухи о проигранныхъ битвахъ и о худомъ состояніи Французскихъ войскъ, но Герцогъ Бассано и Графъ Гогендорпъ съ такою убѣдительностію тому противурѣчили, что всѣ чистосердечно имъ вѣрили, и присылаемыя отъ Бонапарте извѣстія и приказы принимали за правду. Испугались, правда, услыша, что Чичаговъ съ Донскими войсками занялъ Минскъ и идетъ къ Борисову; но скоро опять расказами Виленскихъ вѣдомостей успокоились, увѣрясь, что сей походъ Рускихъ есть Наполеоново предначертаніе и разставленныя имъ сѣти. Но какъ послѣ того никто изъ арміи не появлялся, то стали вновь безпокоиться. Черезъ 12 дней, не получая никакихъ извѣстій, послалъ Герцогъ Бассано молодаго Поляка въ женскомъ плащѣ провѣдать о войскахъ. Сей чрезъ пять дней возвратился, и принесъ къ радости всѣхъ Французовъ и ихъ единомышленниковъ извѣстіе, которое тотчасъ обнародовано было въ вѣдомостяхъ, что онъ нашелъ Императора при Березинѣ въ самомъ лучшемъ положеніи, намѣревающагося напасть на Чичагова, который совершенно зашелъ въ поставленную ему западню; что Императоръ впрочемъ имѣетъ

съ собою одну только половину войскъ, а другую оставилъ позади себя при Смоленскѣ. 20 Ноября, день Бонапартіевой коронаціи былъ праздновань въ Вильнѣ съ великимъ веселіемъ, танцами и освѣщеніемъ города. На балѣ Бассано читалъ иностраннымъ Министрамъ, что Императоръ перешелъ благополучно черезъ Березину, и что разбивъ совершенно Витгенштеина и Чичагова, приближается къ Вильнѣ. Но правда напослѣдокъ должна была открыться. Тотъже самый Бассано въ послѣдующій день шепнулъ Посланникамъ, чтобъ они ѣхали въ Варшаву. Они тотчасъ собрались и отправились. Смятеніе, торопливость, страхъ и бѣготня всѣхъ, кого укоряла совѣсть, или кто боялся вступленія въ городъ разгнѣванныхъ войскъ, были вездѣ и повсюду. 22, 23 и 24 Ноября на ближайшихъ станціяхъ отъ Вильны множество лошадей отъ скачки подохло. 25 числа наконецъ самъ Бонапарте привезъ великую о себѣ вѣсть; однакожъ онъ опасался появиться и прокрался тишкомъ черезъ городъ. 26 числа спѣшилъ онъ далѣе убраться, такъ что никто въ Вильнѣ о проѣздѣ его не зналъ, и сама гвардія его въ первые дни ничего о томъ не вѣдала. Какъ ночный, злою совѣстію гонимый тать, пробирался онъ чрезъ Нѣмецкую землю, и еще

не сыскалась мстящая рука, которая бы отняла у него жизнь: Богъ сохранилъ его для предбудущаго жесточайшаго покаранія.

Вильна была въ дикомъ и безобразномъ смятеніи, когда первыя Французскія войска въ нее входили. Начальство надъ сею маскерадною толпою, называвшею себя великою арміею, поручено было Маршалу Нею. Вскорѣ потомъ одинъ за другимъ появлялись и другіе Маршалы, Принцы и Короли, почти въ такихъ же, какъ и солдаты, разношерстныхъ одеждахъ, и нѣкоторые съ синими отмороженными носами. Между сими бѣгущими Неаполитанской Король, съ вертопрашными своими ужимками, и съ толстою суковатою въ рукахъ палкою, завернувшись въ пеструю шаль, попрыгивалъ и посвистывалъ, какъ будто передъ какимъ потѣшнымъ карнаваломъ. Отъ 25 по 27 Ноября проходили Французы въ величайшемъ безпорядкѣ сей городъ, наполня всѣ улицы и дороги, какъ внутри, такъ и внѣ онаго, мертвыми и умирающими. Наконецъ, 27 числа возгремѣлъ слухъ о пришествіи *Рускихъ съ козаками*: тутъ-то въ тревогѣ, въ смятеніи, кинулось все бѣжать! Народъ присталъ къ приближившимся Рускимъ, даже и Жиды воспылали духомъ корысти и мщенія противъ гвардіи, весьма худо съ ними поступавшей.

Смѣлый и расторопный Полковникъ Теттенборнъ, котораго ненависть къ Французамъ, изъ Австрійской въ Рускую привела службу, и Генералъ-Поручикъ Кутузовъ, вошли первые въ городъ: въ ту минуту возсталъ вездѣ вопль, грабежъ, плѣнъ, убійство. Жиды и дѣти ихъ повсюду впереди бѣгутъ, указывая скрывающихся Французовъ съ ихъ приверженцами, и толкая ихъ изъ домовъ кучами на копья козаковъ; и даже, когда на другой день за городомъ произошло сраженіе, то они съ свойственнымъ имъ остервененіемъ и крикомъ бросились на убѣгавшихъ и многія сотни ихъ побили и въ плѣнъ побрали.

Такъ перемѣняетъ Богъ судьбы человѣческія и наказываетъ гордость: Жиды долженствовали наконецъ низлагать и видѣть у ногъ своихъ просящими помилованія, тѣхъ, которые въ надменномъ тщеславіи называли себя побѣдителями свѣта. Къ сему принадлежитъ также и слѣдующее: во время тревоги, когда козаки показывались на высотахъ и всѣ Французы въ великомъ страхѣ ударились въ бѣгство, Князь Бертье покушался остановить ихъ, дабы сколько нибудь воспротивиться непріятелю; онъ насилу могъ собрать шестьдесятъ человѣкъ, имѣвшихъ ружья. Вотъ сколько имѣлъ силы и власти мужъ, упражнявшійся многіе годы

въ устроеніи и распоряженіи воинства, котораго вся Европа трепетала! Бонапарте принужденъ былъ ѣхать чрезъ Нѣмецкую землю въ званіи Поручика, а Бертье Подпоручика.

Городъ Вильна въ сіи ужаса исполненные дни уподоблялся жилищу смерти, и нѣсколько недѣль пребылъ таковъ. Онъ, начиная отъ Москвы и по всему простирающемуся отъ ней пути, гдѣ проходили войска, былъ первый, которой, по причинѣ поспѣшнаго бѣгства, уцѣлѣлъ отъ огня и разоренія. Руские получили въ добычу превеликое количество запасовъ, а козаки и Жиды безчисленное множество червонцевъ. Въ плѣнъ взято 7 Генераловъ, 240 офицеровъ, 9577 рядовыхъ, да больныхъ 5139 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые по дорогѣ и на улицахъ найдены умершими и умирающими. Бонапарте отъ Березина ушелъ можетъ быть съ 40000, Луазонъ привелъ 10000, да спустя нѣсколько дней пришли на встрѣчу къ нему три полка Неаполитанской гвардіи, изъ коихъ одинъ конной, а два пѣшіе: что составитъ около 55000. Изъ нихъ предъ Вильною и за Вильною погибло болѣе 25000 со всѣми остальными обозами и орудіями.

На возвратномъ пути отъ Москвы до Вильны Руские побили и въ плѣнъ взяли 120000

человѣкъ, въ томъ числѣ 50 Генераловъ, и 900 пушекъ *).

Остатки разбитыхъ войскъ были отъ Вильны до Ковны горячо еще гонимы козаками, которые отняли у нихъ послѣднія пушки, множество побрали ихъ въ полонъ, или изрубили, проѣзжая мимо и не обагряя копій своихъ въ блѣдной крови тѣхъ, кои усталые или умирающіе по дорогѣ лежали. Послѣ того преслѣдованіе стало потише, частію отъ того, что надежда большой добычи не могла болѣе льстить, поелику богатѣйшіе далеко уѣхали въ передъ, частію же, что продолжительная гоньба утомила чрезвычайно людей и лошадей.

Чрезъ Немень едва ли перешло 25000 человѣкъ, безъ пушекъ, безъ лошадей, безъ ружей, босы, наги, не люди, а привидѣнія, не солдаты, а нищіе. Всѣ почти изуродованы, оборваны, въ лахмотьяхъ всякаго цвѣта, бродили по Прускимъ дорогамъ и улицамъ, влачась въ странномъ, какимъ власть Всевышняго великій Бонапартіевъ на Москву походъ ознаменовала, смѣхослезномъ позорищѣ, по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ за полгода предъ симъ съ такою пышностію и величавостію проходили. Такъ шли они

*) Число сіе меньше того, какое послѣ по собраннымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ оказалось. (Примѣч. перевод.)

чрезъ Гумбинъ, а нѣкоторые послѣдніе чрезъ другіе Пруские города на Данцигъ и Вислу, сопровождаемы повсюду страданіемъ и смертію. Многіе въ дорогѣ умирали, или наполняли сперва больницы, а потомъ и погосты. Не многія тысячи отъ многихъ сотенъ тысячъ, подъ коихъ стопами, и копытами коней ихъ, за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ, земля дрожала и колебалась, дошли до Вильны; но и тѣ въ груди своей носили смерть. Рѣдкіе изъ нихъ увидятъ Францію и будутъ расказывать о мерзостяхъ, ими содѣянныхъ, и пораженіяхъ претерпѣнныхъ.

Въ переди сихъ страннообразныхъ лицедѣевъ, представлявшихъ превратное игрище судьбы человѣческой, ѣхали Маршалы и Полководцы, потомъ Полковники и офицеры по старшинству, или по большинству сбереженія награбленныхъ ими въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ добычъ; а за сими, но гораздо медленнѣе, на озноб(л)енныхъ ногахъ и съ утомленными членами брели пѣши нижніе чины и рядовые, небольшими кучками, по 10, по 20, по 100, а иногда и 300 человѣкъ. Маршалы и Принцы безъ слугъ, безъ вершниковъ, безъ приспѣшниковъ, безъ ѣздовыхъ, безъ передовыхъ, на тощихъ, мужицкихъ клячахъ тащились по тихоньку чрезъ города и села — о сколь

различны отъ того, какъ лѣтомъ проѣзжали они, имѣя каждый по 20 и 30 повозокъ, по 50 и по 100 верховыхъ лошадей, и Богъ знаетъ по скольку лакеевъ и гайдуковъ! А теперь въ Гумбинѣ и въ другихъ мѣстахъ видѣли тогожъ самаго Маршала, который недавно съ обнаженнымъ мечемъ громовымъ повелѣвалъ гласомъ, уничиженно просящаго о малой комнатѣ, о ложкѣ супу, о парѣ подводъ, и наконецъ позади печки смиренно дремлющаго согнувшись на стулѣ, или съ радостію кидающагося на соломенную постелю. До того доходило, что многіе изъ сихъ гордыхъ сатраповъ, опасаясь праведнаго отъ жителей мщенія, украдкою изъ домовъ уходили, и подъ именами малочинцовъ и служителей, въ другомъ мѣстѣ за деньги маленькую для себя лачугу нанимали: такимъ образомъ Маршалъ Викторъ, въ Гумбинѣ квартиру свою оставилъ, и стоя съ пукомъ соломы подъ пазухою передъ хижиною бѣднаго башмашника, давалъ червонецъ, чтобъ его пустили уснуть на полу за печкою. Размышлялъ ли сей Маршалъ, или мечталось ли ему, валяющемуся тамъ на соломѣ, о срамѣ и злодѣяніяхъ, учиненныхъ имъ и его соразбойниками въ Гишпаніи, въ Нѣмецкой землѣ и въ Польшѣ? О нѣтъ! Французской Маршалъ не занимается толь мелочными мыслями! онъ думалъ о своей

потерянной добычѣ, о своихъ издохшихъ лошадяхъ и о сожженныхъ или отнятыхъ козаками у него каретахъ.

Впрочемъ и въ сіе самое бѣдствіе, вопреки ужасной и нагой правдѣ, духъ лжи и обмана, сей адскій духъ, которымъ Бонапарте толь великъ и страшенъ сталъ, сей духъ, сопровождаемый всѣми коварствами и хитростями, принесся еще вмѣстѣ съ сими Маршалами въ Гумбинъ и Кенигсбергъ. Въ Гумбинѣ и въ окрестностяхъ онаго твердили они о приготовленіи подводъ, квартиръ и продовольствія на 100000 человѣкъ большой арміи, и расписали дни и мѣста, когда и куда сіи тысячи, раздѣленныя на отряды, каждой по 25000, придутъ. Другіе сто тысячь, расказывали они, расположатся на Вислѣ между Варшавою, Позеномъ и Торномъ, на зимнія квартиры, дабы чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ отдохнуть, дополнить убылое число, и начать новыя дѣйствія и подвиги. Даже, когда послѣдніе изъ нихъ переправились черезъ Вислу, отдалъ такъ называемый Король Неаполитанскій войскамъ приказъ, которой по всей Нѣмецкой землѣ, Италіи и Польшѣ распространясь возвѣстилъ о главномъ мѣстопребываніи всего воинства и частныхъ его отдѣленій. О естьли бы Руская, Польская и Пруская земли проговорить могли, онѣ бы сказали,

гдѣ сіи войска непогребенныя зимуютъ! — Такъ всегда обманывали они всѣхъ, такъ ихъ самихъ обманывалъ повелитель ихъ, обманывалъ и будетъ обманывать *): глупые вѣрятъ отъ обольщенія, трусы отъ страха: они видятъ низложеніе войскъ, но имъ кажется, что Бонапарте, топнувъ ногою, воскреситъ изъ костей ихъ опять нѣсколько сотенъ тысячъ; а плуты и измѣнники, которыхъ, по нещастію, много тайныхъ и явныхъ, проповѣдываютъ, какъ Евангеліе, Бонапартіевы росказни, и внушаютъ народу о его необычайномъ, единственномъ умѣ; о несмѣтныхъ его сокровищахъ и безконечныхъ средствахъ.

Срамъ позорнѣйшій всякаго другаго срама, состоящій въ безстыдномъ и ненасытномъ корыстолюбіи и жадности, не смотря ни на какое нещастіе, обирать и грабить каждаго, не преставалъ до послѣдней минуты отличать Французское воинство и военачальниковъ. Мюратъ, сперва великимъ Герцогомъ Бергскимъ, а нынѣ Королемъ Неаполитанскимъ называющійся, забавлялся въ свободные бѣгства своего часы сплавкою въ слитки золота и серебра, ободраннаго имъ въ церквахъ и монастыряхъ съ пре-

*) Не будетъ: подъ стопою Руской правды умолкъ волшебный голосъ сего обманщика. (Примѣч. переводчика).

столовъ и со святыхъ иконъ. Луазонъ, долгое время бывшій градоначальникомъ въ Кенигсбергѣ, позволялъ себѣ насиліе, обманы, клевету, и даже самые низкіе и нищенскіе способы для собиранія золота. Магдональдъ, почитаемый изъ всѣхъ Французскихъ Полководцевъ за человѣколюбивѣйшаго и великодушнѣйшаго, кралъ и грабилъ въ Курляндіи, какъ самый подлый человѣкъ. Самъ Генералъ-Интендантъ Дюмасъ, о коемъ многіе Нѣмцы думали, что онъ имѣетъ благородную душу, разными порочными дѣлами себя очернилъ. Скупцы и мерзавцы! какъ многіе изъ нихъ въ сей войнѣ объ одномъ только спасеніи жизни своей пеклись, такъ другіе объ одномъ только сбереженіи золота и серебра своего помышляли. Прежде, чѣмъ послѣдніе оборванные, пріѣзжали Французскіе Генералы, Полковники, и Штабъ-офицеры, коихъ узнавали по ихъ слугамъ и краденымъ или отъ пушекъ отпряженнымъ лошадямъ, которыя богато нагруженныя повозки ихъ везли. Даже и между общипанными солдатами многіе несли еще мѣшки, наполненные похищеннымъ изъ церквей серебромъ, драгоцѣнными вещами, уборами и рѣдкими собольими мѣхами, кои они отъ Москвы щастливо на себѣ притащили. Сія только ноша, между всѣми другими тягостями, была для нихъ не тяжела. Нѣкото-

рые въ Кенигсбергѣ и въ другихъ мѣстахъ выкладывали кучами мягкую рухлядь, стоющую многихъ тысячъ талеровъ, расказывая хладнокровно, какъ товарищи ихъ тамъ и сямъ подлѣ нихъ упадали и замерзали. Такихъ-то чудовищъ творитъ любостяжаніе! Подлинно многіе увезли еще несмѣтныя сокровища; но по крайней мѣрѣ то утѣшительно для добрыхъ, что они не долго будутъ ими наслаждаться.

Бѣдняки сіи, безъ силъ, безъ духа, безъ оружія, и даже многіе безъ всякой надежды, не идущіе, но ползущіе, могли бы стать весьма легкою добычею Мазурскихъ и Литовскихъ мужиковъ, которые въ правѣ были имъ отмстить за учиненныя ими въ 1807 году толь многія злодѣйства, и за претерпѣнныя также отъ нихъ въ 1812 году, когда они назывались ихъ союзниками, толь многія бѣды, жестокости, разоренія, грабежи, убійства. Не нападали ли тогда Французы всякими ругательствами на нихъ, на войска ихъ, на Короля? не расхищали ли домовъ ихъ, не опустошали ли полей, не отгоняли ли скота? не нахватали ли они въ одной Пруссіи 80000 лошадей? Проворнымъ Мазурамъ и храбрымъ Литовцамъ хотѣлось, правда, разбойниковъ сихъ побить и руки свои въ ихъ крови и золотѣ окунуть, — одно мановеніе начальника, и ни одинъ

Французъ не дошелъ бы живой отъ Немена до Прягли. Но никто не пошевелился. Король и народъ связаны были нещастнымъ союзомъ, и сохраняли оный свято. Что въ семъ случаѣ сдѣлали бы Французы и всѣ другіе народы? — Вѣрны и добродушны были жители *). Люди съ отмороженными руками и ногами, съ облупленными лицами

*) Здѣсь сочинитель кажется хочетъ нѣчто сказать столько же въ обвиненіе, сколько въ оправданіе Прусаковъ; но они совершенно себя оправдали, когда послѣдовали примѣру Россіянъ. Состояніе ихъ было несносно и уничижительно, какъ то весьма хорошо показываетъ сочиненная въ сіе время въ Пруссіи пѣсенка, въ которой Прусаки такъ справедливо и забавно жалуются, что при всѣхъ наносимыхъ имъ оскорбленіяхъ еще ихъ и радоваться тому принуждаютъ:

Durchmarschiren,
Einquartiren,
Alimentiren,
Requisiren,
Einscribiren,
Frau entführen,
Haus ferliehren,
Nicht resoniren,
Und doch illuminiren:
Das ist zum crepiren!

таковое уничиженіе долженствовало при первой возможности произвесть всеобщее возстаніе. Громкая слава и приближеніе къ предѣламъ ихъ Россійскихъ войскъ сняли тотчасъ узду страха съ Пруссаго народа. Онъ воскипѣлъ гнѣвомъ, свергъ съ себя постыдное иго, разорвалъ недостойный союзъ, и храбрыми потомъ дѣлами смылъ съ себя безчестіе и черноту рабства. (Примѣч. переводчика).

и носами, носящіе вмѣсто блистающаго оружія дубину, вмѣсто великолѣпнаго платья рубище — сіи гнусные преступники съ звѣздами и безъ звѣздъ почетнаго легіона, ни одинъ съ звѣздою чести въ сердцѣ, принесли, къ напоминовенію прежнихъ своихъ злодѣйствъ и лютостей, еще съ собою заразу и моръ, погубившій многія тысячи Прускихъ жителей. Дружелюбны, какъ будто они прежде были пріятели; откровенны, какъ будто заслуживали къ себѣ довѣренность, приходили они въ города къ старымъ своимъ хозяевамъ, которые, не помня прошедшаго и самую тяжесть временъ забывая, принимали ихъ благодушно и милосердо, врачевали ихъ раны, укрѣпляли изнуренныя и заповѣтренныя тѣла ихъ, спасали слабыхъ отъ неизбѣжной смерти въ больницахъ, и отъ праведнаго гнѣва текущихъ въ слѣдъ за ними, побѣдителей ихъ, Россіянъ. О вѣрные и честные, чрезмѣру вѣрные и честные Нѣмцы, не ужè ли никогда не можете вы разсердиться! не уже ли изъ прошедшаго, и даже настоящаго, не научитесь вы познавать будущее? Какъ низки, покорны, робки въ словахъ и поступкахъ были сіи послѣдніе Французы въ первые дни прибѣжища своего къ вамъ! но чрез нѣсколько дней, когда они посогрѣлись, понаѣлись, поосмотрѣлись, и не

слыхали больше ни въ ушахъ, своихъ, ни за пятами, козачьяго крика и топота, то какъ опять стали горды и наглы! При разставаніи съ вами тѣ не многіе, которые въ Берлинъ и въ Данцигъ уходили, не говорили ли вамъ съ насмѣшкою: „Прусаки! „мы васъ очень знаемъ; вы насъ не любите; но подождите! мы на будущее лѣто „придемъ съ великими силами стоять на „Вислѣ и Руских этихъ храбрецовъ, называющихъ себя нашими побѣдителями, побьемъ; а васъ, какъ вы того стóите, хорошенько проучимъ.“ Думаете ли вы, что они сего не сдѣлаютъ, вы, которые теперь ихъ въ злополучіи утѣшаете и врачуете? вы отогрѣваете замерзшихъ змѣй, кои тотчасъ, какъ скоро почувствуютъ въ себѣ текущую кровь, уязвляютъ своихъ благодѣтелей.

Но хочу ли я порицать гостепріимство и благодушіе ваше, добрые Прусаки? хочу ли человѣколюбіе ваше превращать въ преступленіе? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ. Мѣра бѣдствія была толь велика, что камень прослезился бы, и сухое безчувственное дерево испустило бы гласъ сострадания; нѣтъ, я не хочу, чтобъ вы ненавидѣли людей; но Французовъ должны вы ненавидѣть: ихъ безумное чванство, ихъ постыдная жадность къ корыстолюбію, ихъ презрѣніе

къ Нѣмецкой честности и ко всему Нѣмецкому народу, — ихъ злочестіе и непотребство не должны долѣе благость и любовь вашу во зло употреблять.

Бонапарте ушелъ въ Парижъ; онъ въѣхалъ въ него безъ пышности, безъ предвозвѣстниковъ и провожатыхъ, ночью, тайно, какъ воръ. Тотчасъ разнеслось множество лжей, злорѣчій, искаженій и превращеній правды, прикрасъ и покрывалъ проступкамъ его и бѣшенствамъ; наконецъ въ 29 извѣстіи изъ великой арміи появилось нѣкое во грѣхахъ покаяніе; въ немъ распространяется онъ о зимѣ, о гололедицѣ, о непогодахъ; а о твердости Рускихъ въ вѣрѣ и объ остротѣ мечей ихъ, почти ни слова; твердитъ, что лошади дохли тысячами и пушки останавливались, а про людей говоритъ съ нѣкоторою темнотою, притворяясь, что будто не достаетъ ему однихъ только лошадей, и не давая примѣчать, что и ружья и пушки, и люди и лошади и пѣхота и конница, все погибло. Вскорѣ потомъ съ уловкою лисьей хитрости читаны были ласкательства къ такъ называемому великому народу, родительскія моленія о спасительной для отечества драгоцѣнной главѣ и нѣжной юности его лепечущаго величества Короля Римскаго, выдуманныя и вымененныя просительныя письма, благода-

ренія, добровольныя пожертвованія, восторги, слезы восхищенія, бодрость духа и радость всей Франціи о героѣ возстановителѣ и за героя возстановителя; новыя политическія, по обыкновенію великаго Бонапарте, ядомъ растворенныя коварства и лжи о возстановленіи Папы и церкви, о спокойствѣ и примиреніи Европы: словомъ все, что ложь и обманъ въ мозгѣ человѣческомъ изобрѣтать и рождать могутъ, то всякой день выпускалъ сей превосходный лжесплетатель.

Обманывай и лги, Бонапарте, употребляй человѣческія лукавства и хитрости, сколько хочешь; но Бога и бытописанія ты не обманешь. Они тебя наказали и накажутъ. Часъ твой ударилъ — ты падешь. Богъ наказалъ тебя собственнымъ твоимъ нечестіемъ и пороками; Онъ ввелъ тебя въ пагубу твоею и полководцевъ твоихъ слѣпотою и гордостію; Онъ низвергъ тебя вдохновенными отъ Него: твердостію и постоянствомъ Россійскаго Императора, бодростію и мужествомъ всего Россійскаго царства, и посланною преждевременно имъ на тебя и на войско твое лютою зимою. Ты долженъ напослѣдокъ научиться трепетать предъ всемогуществомъ, надъ коимъ ты издѣвался, и коему никогда не вѣрилъ. Полчища твои, которыми ты хотѣлъ за-

воевать вселенную, достались псамъ, волкамъ, вранамъ и кладбищамъ. Ты низринутъ паки въ то ничтожество, откуду возникъ, и низринутъ со стыдомъ и срамомъ. Я не хочу напоминать тебѣ о прежнихъ твоихъ безчисленныхъ злодѣяніяхъ, но хочу только исчислить, сколько человѣческихъ блаженствъ и жизней ты умертвилъ кровожаднымъ и ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ. Въ воинствѣ своемъ погубилъ ты 400,000 солдатъ, кромѣ по крайней мѣрѣ 100,000 принадлежавшихъ къ нему и сопровождавшихъ оное разнаго пола и возраста людей; въ Рускомъ ополченіи отъ болѣзней, отъ ранъ, отъ меча погибло не менѣе 200,000: это сдѣлаетъ 700,000. Естьли же къ сему присовокупить мирныхъ поселянъ и гражданъ Нѣмецкой земли, Польши и Россіи, по опустошеннымъ дорогамъ, по сожженнымъ городамъ и селамъ, убитыхъ, сгорѣвшихъ, изувѣченныхъ, съ голоду и отъ насилія умершихъ, также заразою и болѣзнями истребленныхъ тамъ, куда войска твои плѣнныя и бѣгущія проходили; то по малой мѣрѣ надобно положить еще 500,000 человѣкъ: и такъ въ одинъ сей походъ около полутора милліона людей лишились жизни; а сколько въ самомъ зарожденіи своемъ исчезло жизней и щастія, того никто перечесть не можетъ.

*

Исчислялъ ли ты сіе когда, Бонапарте? думалъ ли ты когда о томъ? нѣтъ, ты не такъ, какъ всѣ люди, исчисляешь и думаешь: въ груди твоей нѣтъ ни искры человѣческаго чувства. Что ты безсовѣстно, свирѣпо и сумазбродно пожертвовалъ столько сотъ тысячъ, называвшихъ тебя своимъ вождемъ, ты о томъ ни одной минуты не печалился. Тебя нѣсколько недѣль огорчало и сокрушало только то, что ты срамно бѣжать долженствовалъ. Ты до тѣхъ только поръ смущенъ былъ, покуда боялся, что тебя поимаютъ или убьютъ. Послѣ Березина ты опять сталъ равнодушенъ, и даже легкомысленъ; ты шутилъ надъ сочленами сопровождавшаго тебя твоего святаго скопища, ѣлъ, пилъ, спалъ по обыкновенному, и пріѣхалъ въ добромъ здравіи въ Парижъ. Валявшіеся вокругъ тебя трупы были для тебя просто мертвыми тѣлами; души ихъ не обезпокоивали твоего сна: для чугунной совѣсти духи и тѣни не возстаютъ изъ ада, — ты ушелъ, ты будешь собирать новые полки людей, дабы снова начать твой кровавый промыслъ; но трепещи! Богъ живъ, Богъ сокрушилъ тебя, и еще сокрушитъ. Императоръ Наполеонъ Бонапарте престалъ обладать Европою: онъ и гнусные его Визири и Паши сбережены еще отъ судьбы, но для того токмо, чтобъ

предъ цѣлымъ свѣтомъ созерцали въ полной мѣрѣ свое непотребство, и сожигалися медленнымъ огнемъ стыда и раскаянія. Таковъ есть Божій праведный судъ.

Такимъ образомъ злонравіемъ и соблазнами одного человѣка въ шесть мѣсяцовъ увялъ лучшій цвѣтъ Франціи, Италіи, Нѣмецкой земли и Польши, многія тысячи дѣтей осиротѣли, многія тысячи женъ овдовѣли, и многія тысячи родителей и невѣстъ облеклись въ черную одежду. Столь великъ и грозенъ рокъ, столь неслыханно пораженіе, столь неимовѣрно бѣдствіе, что самые невѣрующіе вѣрятъ и восклицаютъ: *се самъ Богъ! се Божій перстъ!* Та темная и непостижимая, та безконечная надъ нами и въ насъ сила, изъ облаковъ и сердецъ нашихъ блистающая, которую мы провидѣніемъ, судьбою, воздаяніемъ называемъ, и которая многоимянная и многозначительная всегда въ равно страшной отдаленности и близости насъ объемлетъ, совершила свой всемірный судъ, каковаго Европа многія столѣтія не видала. Порокъ и невинность, преступленіе и слабость, гонимые и гонящіе, тѣ, кои насиліе претерпѣли, и тѣ, кои насиліе дѣлали и дѣлать хотѣли — всѣхъ предопредѣленіе постигло и сокрушило. Кажется виновныхъ погибло болѣе, нежели невинныхъ; но мы скажемъ: *неисповѣдимы*

пути Твои, Господи, и ни единъ смертный управлять ими и судить ихъ не возможетъ. Здѣсь при толь великомъ злополучіи, гдѣ сама ненависть роняетъ жало свое и гнѣвъ обезоруживается, гдѣ ярость молчитъ и гордость покорствуетъ, гдѣ дикое тигросердое свирѣпство, и ненасытная волчья жадность, въ персть низложенныя лежатъ и истлѣваютъ въ персти, здѣсь все призываетъ насъ къ примиренію и миролюбію. Здѣсь храмлетъ кирасиръ безъ лошади, безъ меча, почти безъ крови и безъ жизни, съ обернутыми въ лоскутья и мочала отмороженными ногами, тотъ самый кирасиръ, который въ Мазуріи, за шесть мѣсяцовъ предъ симъ, отнялъ у бѣднаго поселянина послѣдній хлѣбъ, разрѣзалъ его, и выдолбя обѣ краюшки, ходилъ въ нихъ, какъ въ деревянныхъ башмакахъ; тамъ другой, который съ свирѣпою жадностію грабилъ чужое добро, носитъ обвязанныя тряпками обѣ отрубленныя руки свои, и пріемлетъ языкомъ испрошенный слезами, печальный даръ сострадані́я; тамъ иной, кто у вдовы проглотилъ послѣдній кусокъ и въ груди матери изсушилъ молоко младенцу, тотъ тщетно молитъ о кускѣ хлѣба, и отдаетъ за него жизнь и члены свои въ вѣчное рабство; тамъ иной, которой былъ бездонная хлябь роскоши и корысто-

любія, лежитъ стенящій на пути, и слышитъ уже, какъ волки скрежещутъ на него зубами; индѣ простертъ безумецъ, не признававшій Бога, и тѣмъ, которые ему о семъ великомъ Міроправителѣ и праведномъ Судіи напоминали, съ глумленіемъ отвѣчавшій: *ха, ха, ха! что такое Богъ вашъ?* но теперь, подъемля ослабѣвшія къ небу руки, тщетно проситъ, чтобъ Онъ бѣдственную жизнь его скорѣе прекратилъ. Тамъ иной, произносившій всегда хулы на Бога, хочетъ, въ скорбный часъ послѣдняго издыханія своего, молиться, но языкъ его не можетъ изречь имя Спасителя, и всѣ слова на устахъ его умираютъ: столь ужасно карается злочестіе!

Такъ стонете, такъ умираете, такъ лежите вы тамъ, вы, которые и Нила и Эбра и Дуная и Вислы пили воды, вы, и Капитолій Рима, и Нумійскія развалины, и гордаго Филиппа Эскуріалъ, и безсмертный Фридриховъ Сансуси, и Рудольфа Габсбургскаго Столицу, и Московскіе священные храмы, злочестивою рукою осквернившіе, се валяетесь вы, срамный, ничтожный, поруганный прахъ, надъ которымъ ни единая слеза не капнетъ, ни единая молитва не изречется, но волки будутъ выть, враны грають, псы лаять и люди проклинать.

Тако судилъ и будетъ судитъ Богъ.

Все это, что въ послѣднихъ двадцати годахъ столь звѣрскаго и ужаснаго, и въ прошедшемъ 1812 году, толь великаго и удивительнаго произошло, кажется быть баснями и сказками; однакожъ есть правда, и правда толь огромная и ужасная, что никогда въ точности, какъ она подлинно была, пересказать ее не возможно. Наполеонъ Бонапарте въ гордомъ помыслѣ своемъ мечталъ не менѣе, какъ стать повелителемъ всѣхъ земель и народовъ, и все то, что ему противустоять будетъ, убійствомъ и мучительствомъ поработить. Онъ для достиженія сего употреблялъ пронырство, насиліе, разбой, смертоубійство, лицемѣріе, ложь, и всѣ чертовскія въ адѣ только извѣстныя хитрости, и долго многіе слабоумные и злые люди думали, что Богъ ему въ его намѣреніяхъ помогаетъ. Такимъ образомъ во Франціи многія тысячи людей заключилъ онъ въ темницу, казнилъ, истребилъ, дабы сдѣлаться господиномъ и наконецъ назвать себя Императоромъ. Въ Гишпаніи коварствомъ заманилъ онъ къ себѣ Короля, и низвергъ его съ престола въ заточеніе. Италію хищною рукою взялъ, и владѣтелей ея изгналъ. Голландію разорилъ, и даже священную главу Католической церкви Папу лишилъ въ Римѣ всѣхъ

его драгоцѣнностей, и поступалъ съ нимъ недостойно и ругательски, хотя самъ и хотѣлъ называться Католическимъ и Христіанскимъ Императоромъ. Вольныхъ Швейцарцевъ употреблялъ и понынѣ употребляетъ подобно рабамъ. Соединенныя Нидерланды долго грабилъ онъ и разорялъ, потомъ брата своего Людвига насильно посадилъ на престолъ, и когда сей по справедливости и прилично Царскому достоинству управлять хотѣлъ, то онъ также насильно свергъ его, и Голландское Королевство, какъ бы завоеванное, посреди мира у него отнялъ, и къ Франціи присоединилъ. Всего же больше въ Нѣмецкой землѣ свирѣпствовалъ, древнее право Имперіи разрушилъ, и подъ именемъ Рейнскаго союза новое рабство устроилъ; Австрію и Пруссію уменьшилъ, многихъ владѣтельныхъ Князей прогналъ, а съ остальными поступалъ, какъ съ покоренными данниками; многія земли и города насильственною рукою взялъ, и братьямъ своимъ и своякамъ и Маршаламъ въ обладаніе и угнѣтеніе поручилъ. Въ сіи-то злополучныя времена многіе честные и праводушные Нѣмецкіе мужи были изгнаны, сосланы, заточены и казнены противъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ, тирану неизвѣстныхъ. Сіе состояніе стыда и ужаса было

шакое, что самые вѣрные и добрые Нѣмцы измѣнниками и плутами, а плуты честными людьми назывались, и вмѣстѣ съ чужеземцами подъ ихъ руководствомъ всѣмъ обладали. Поелику Наполеону все удавалось, то почитая напослѣдокъ силу за право, такъ онъ превознесся, что восхотѣлъ и отдаленнѣйшую Россію покорить, и всю потомъ Европу злодѣяніями своими преисполнить. Но Богъ показалъ, что Онъ могущественнѣе, чѣмъ всѣ человѣческія хитрости и ковы, и въ теченіе шести мѣсяцовъ такъ его низложилъ, что онъ въ прежнее свое величіе никогда не возстанетъ.

Когда Богъ сокрушилъ его храбростію и благочестіемъ Рускаго воинства и всего Россійскаго народа; тогда свѣтъ возвелъ опять глаза свои съ надеждою на небо; въ сердцахъ всѣхъ честныхъ Нѣмцовъ духъ бодрости воспрянулъ; они восчувствовали потерянную свободу, честь, и во многія тысячи гласовъ возопили: *война! война! мщеніе и война!* Король Прускій внялъ сему воплю, благоволилъ о немъ, и въ упованіи на Бога и на свой народъ и на правость дѣла своего, возгласилъ: *война противъ вѣроломнаго Бонапарте! война противъ коварныхъ Французовъ!* и весь Прускій и Нѣмецкій народъ возвеселился и возрадовался и возрасло сердце всѣхъ людей до самыхъ

отдаленнѣйшихъ предѣловъ Нѣмецкой земли: и подъ хоругвь, которую Прускій Король, первый защитникъ Нѣмецкой свободы, высоко въ воздухѣ, яко знамя мщенія и чести, распустилъ, потекли отъ всѣхъ странъ многія тысячи мужей и юношей, и никто не хотѣлъ остаться послѣднимъ, и всякой несъ отдать и жизнь и все свое имущество за спасеніе отечества. Они ополчились и вооружились, и нынѣ еще всякой день ополчаются и вооружаются, дабы лютость и гордость наглаго притѣснителя усмирить и обуздать. Тако совокупно съ побѣдоносным воинствомъ Россійскаго Императора выступило въ поле храброе Нѣмецкое воинство, и уже съ Божіею помощію далеко въ передъ стопы свои простерло, и многіе притѣсненные Князья и порабощенныя Нѣмецкія земли и города къ нему пристаютъ, и всѣ въ окрестныхъ областяхъ народы горятъ желаніемъ противъ Французовъ и кровожаднаго ихъ владыки возстать.

Бонапарте употребляетъ между тѣмъ всѣ свои старыя пронырства и лжи, отъ коихъ никогда не можетъ онъ отстать, и всегда есть еще измѣнники, ему помогающіе, и плуты, въ темнотѣ съ нимъ играющіе; но всѣ ихъ замыслы не успѣютъ. Онъ призываетъ теперь небо и землю свидѣте-

лями, увѣряя, что онъ противъ властолюбія Россіи въ защиту Нѣмецкой земли ополчается, что за Нѣмецкую свободу и Нѣмецкихъ Князей воюетъ, и что онъ желалъ и желаетъ всегда соблюдать щастіе и честь Нѣмецкой земли, какъ истинный ея Императоръ и защитникъ. Подъ симъ предлогомъ свирѣпствуетъ онъ, и думаетъ колеблющуюся власть свою страхомъ и силою удержать: для того честныхъ и неустрашимыхъ мужей, которые за отечество и народъ вступаются, велитъ хватать, увозить, и какъ возмутителей разстрѣливать. Но всѣ его пронырства и обманы не помогаютъ, ибо никто имъ не вѣритъ, и самыя жестокости его безполезны, потому что гнѣвъ сталъ ужè сильнѣе страха. Отнынѣ долженъ онъ не съ одними солдатами, но со всѣмъ народомъ вести войну, и злое очарованіе, которымъ онъ свѣтъ какъ бы связаннымъ держалъ, отъ часу больше и больше разрушается; ибо сила, противуборствующая ему, велика: тамъ могущественный и побѣдоносный Россійскій Императоръ АЛЕКСАНДРЪ; тамъ Король Прускій съ знаменитымъ своимъ воинствомъ: тамъ наслѣдный Принцъ Шведскій съ храбрыми своими воинами; тамъ свободная Англія, войсками, содержаніемъ, припасами, оружіемъ и деньгами

снабжающая; тамъ угнѣтеннаго отечества Князья и владѣльцы, къ Божіему и правому дѣлу обращающіеся; тамъ весь Нѣмецкій народъ, долговременнымъ нещастіемъ наученный, что должно ему братски во едину душу соединиться, естьли не хочетъ остаться въ вѣчномъ посрамленіи; тамъ наконецъ всемогущій и праведный Богъ, сей любящій свободу, всѣхъ величайшій, всѣхъ сильнѣйшій ратоборецъ, который не отречется быть за насъ, когда мы не за порокъ и кривду, но за честь и правду стоять будемъ.

Мы можемъ нынѣ радостными очами и съ упованіемъ въ сердцѣ взирать на небеса. Богъ съ нами, Богъ посреди насъ, Богъ явнымъ образомъ вступается въ распоряженіе дѣяній міра. Богъ восхотѣлъ, Богъ хочетъ, и мы должны хотѣть. Сей старинный, неизмѣнный Нѣмецкій Богъ, который праотцевъ нашихъ при толикихъ перемѣнахъ свѣта чрезъ не одну тысячу лѣтъ свободными сохранилъ, сей Богъ есть съ нами и будетъ съ нами. Онъ обладателямъ земнымъ вложилъ въ сердце, что они за правду токмо и правдою одною могутъ быть побѣдителями. Они хотятъ только освободить, не хотятъ грабить и порабощать; они желаютъ предѣлы Нѣмецкой земли оружіемъ возвратить, царство паки

возставить, и мирно по домамъ разойтиться.

Великъ Богъ, великъ и дивенъ явился онъ въ сіи послѣдніе дни; велико время и предназначеніе онаго; велико и славно будетъ то, что оно въ темныхъ нѣдрахъ своихъ содержитъ: таково будетъ оно для насъ, таково для отечества нашего, Нѣмецкой земли, когда мы забытую Нѣмецкую добродѣтель и вѣрность паки воспомнимъ. Мы возъимѣемъ тогда несомнѣнную надежду, что толь священная война благоуспѣшно и достославно будетъ окончана, и что Нѣмецкая земля получитъ образованіе, которое совокупитъ ее твердѣйшими узами, и на долгія времена отъ оныхъ злощастныхъ потрясавшихъ ея бурь, содѣлаетъ безопасною.

Все сіе представилъ и представляю я предъ очи человѣковъ для того, чтобъ слабые укрѣпились, лѣнивые воспрянули, робкіе ободрились, и тѣ, которые находятся еще въ рукахъ мучительскихъ, помышляли, гдѣ и въ чемъ состоитъ ихъ истинное благо и спасеніе. Но горе не чувствующимъ нынѣ, что есть у нихъ отечество! горе коснящимъ въ толь священномъ трудѣ и толь прекрасной опасности принять участіе! горе рабамъ къ чуждому пришѣснителю еще приверженнымъ! Богъ отринулъ

ихъ, народъ отвергаетъ, потомство отринетъ. Горе также гнуснымъ Нѣмецкимъ извергамъ, которые не престаютъ еще съ порабощающими отечество ихъ чужеземцами подъ рукою снюхиваться и стептываться! день мщенія насталъ, и честь Нѣмецкая пробудилась: исчезнутъ тѣ, которые посрамляли ихъ и посрамлять хотѣли; студодѣяніе ихъ падетъ на главу ихъ. Богъ надъ злодѣями воздвигнетъ судъ свой, какъ воздвигъ оный въ Россіи и Польшѣ.

Итакъ, народъ Нѣмецкій, чего ты хочешь? Чего теперь хотѣть долженъ? Послушай меня.

Предки твои, Германцы, прародители твои, Нѣмцы, были за добродѣтели, за храбрость, за свободу и справедливость свою, достойно отъ всѣхъ народовъ прославляемы и оставили безсмертную по себѣ память. Нѣмцы! хотите ли вы честь ихъ помрачить стыдомъ своимъ? Хотите ли древнюю Нѣмецкую свободу обезславить рабствомъ? Хотите ли, подъ ярмомъ, скотоподобнымъ образомъ на могилахъ ихъ питаться травою, доколѣ кости ихъ возмятутся гнѣвомъ и въ грозныхъ и мстительныхъ призракахъ возстанутъ изъ гробовъ отяготить васъ своимъ проклятіемъ, и какъ презрѣнныхъ и поруганныхъ изринуть изъ своего бытописанія?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Предки ваши были сильный и страшный народъ; они основали царство, которымъ подъ именемъ Императора владѣлъ сильный Государь. Оно одно только во всей Европѣ называлось *Имперіею* и пребывало оною въ величествѣ и чести близь тысячи лѣтъ. Нынѣ Французы и кровавый ихъ вождь говорятъ объ одной Франціи своей: *великой народъ*, *великое царство*, *великой Императоръ* — вы ежедневно это слышите, и должны покланяться симъ истуканамъ. Правда, вы можете тщеславно позволять самохвальство, ибо тотъ еще не великъ, кто великимъ себя называетъ; но сіи иноплеменники осмѣливаются, свободную издревле Нѣмецкую державу своею землею, своею завоеванною областію называть; осмѣливаются Нѣмецкое царство Франціею и Нѣмецкихъ Князей Французскими подданными именовать: ихъ палачи, Генералы Даву и Вандамъ, когда они въ Диссельдорфѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ, Люнебургѣ, Бременѣ, Ольденбургѣ Нѣмецкихъ мужей въ темницы сажали и казнили, города сіи Французскими городами, и сихъ нещастныхъ мужей Французскими подданными называли. Могли ли они то смѣть? Должно ли дать имъ волю дѣлать сіе? Хотите ли вы еще долѣе то терпѣть?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Вы привержены къ своимъ Владѣтелямъ. Вы исполняете долгъ свой. Вы должны повиноваться тѣмъ, которымъ Богъ далъ надъ вами власть. Но Князья ваши получили власть сію отъ Бога, дабы за Нѣмецкую землю, за отечество свое стоять, а не противъ онаго ратовать. Притомъже они повелѣваютъ нынѣ вами не какъ свободные мужи и обладатели, но какъ нещастные исполнители чужой злодѣйской воли. По неволѣ повинуются они лютому притѣснителю Нѣмецкой свободы, по неволѣ ведутъ цвѣтущее юношество свое подъ Французскія знамена. Какъ можетъ сердце ихъ быть Французскимъ, когда они для Нѣмецкой славы и чести рождены, и Бонапартіевы вѣроломства и умыслы ясно видятъ? ибо, есть-ли Наполеонъ въ злыхъ своихъ намѣреніяхъ успѣетъ, то конечно вскорѣ ни одного Нѣмецкаго Князя не останется, онъ всѣхъ ихъ одного за другимъ съ престоловъ свергнетъ, какъ уже со многими то сдѣлалъ, и Французскіе градоначальники и Маршалы и верховные надзиратели будутъ Нѣмцами обладать и мучить ихъ. Волкъ легко найдетъ причину обвинить овцу, когда растерзать ее захочетъ. Хотите ли вы быть Французскими рабами? хотите ли Французскихъ на-

чальниковъ, Французскихъ досмотрщиковъ, сборщиковъ, обдиралъ и душегубцовъ имѣть господами своими? Хотите ли вы честь Княжескихъ поколѣній вашихъ увидѣть сперва посрамленною, а потомъ уничиженною и навсегда истребленною?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Вы говорите сильнымъ, прекраснымъ, благозвучнымъ, богатымъ языкомъ, преисполненнымъ глубокомыслія и высокихъ чувствъ, толь способнымъ къ выраженію искренности и благородства, что кажется быть изобрѣтенъ блаженными духами свѣта, языкомъ цѣломудрымъ, мужественнымъ, простымъ, въ которомъ горделивое, честное и чистое чувство храбрыхъ праотцевъ вашихъ созерцается. Давно ужè сіе блистающее свойство его вы не уважаете; давно при вашихъ дворахъ и въ бесѣдахъ, даже на улицахъ и на рынкахъ болтаютъ по Французски; давно ужè сему легкомысленному и лжеблестящему чужеязычію вы подражаете, и почти стыдитесь умѣть по Нѣмецки читать и писать. Такъ вамъ сія иноплеменничья зараза полюбилась! такъ вамъ языкъ сей лживый и соблазнительный понравился! Потому что онъ легокъ и сладостраcтенъ, и потому что древнія Нѣмецкія добродѣте-

ли сдѣлались рѣже — и нынѣ! до чего чуждая власть простерлась? Она запрещаетъ вамъ Нѣмцамъ говорить и думать по Нѣмецки; она хочетъ вмѣстѣ съ языкомъ вашимъ послѣднюю объ васъ въ бытописаніи память и послѣднюю къ отечеству любовь погасить. Чуждые пришельцы велятъ вамъ перенимать ихъ мерзости, запираютъ ваши училища, даютъ вамъ Французскіе приказы и законы, ставятъ повелителями надъ вами своихъ военачальниковъ и градоправителей, чтобъ вы были такими же, какъ они, подлыми рабами, были Французами. Нѣмцы! хотите ли вы священнѣйшій отцевъ вашихъ завѣтъ, хотите ли блистательнѣйшую память ихъ дѣяній, хотите ли корень жизни своей исторгнуть и отсѣчь: хотите ли стыдиться, что вы Нѣмцы?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Французы предусмотрительны, оборотливы, легкомысленны, себѣ и другимъ невѣрны; они съ свойственною имъ гибкостію и уловкою ко всему прилипаютъ, и лжами и ласкательствами и услугами вездѣ вкрадываются; они все сносятъ, все дѣлаютъ по мановенію чуждой власти, но всегда принимаютъ на себя видъ господства. Какъ языкъ ихъ въ мѣлочныхъ разговорахъ и пустозвуч-

номъ болтаньи пригнушиваетъ и прикаршавливаетъ, шакъ и нравъ ихъ мѣлокъ, суетенъ и хвастливъ. Недостатокъ гордящейся собою правоты замѣняютъ они хитростію; недостатокъ честности, лживостію; недостатокъ справедливости, лукавствомъ: отсюду искуство ихъ, всѣ вещи и добродѣтели въ ложномъ свѣтѣ представлять, и прикрасами и обманами очаровывать, ни одному Европейскому народу такъ несвойственно, какъ имъ. Скажите, нравится ли вамъ такое сложеніе людей, такое легкомысліе и рабство? Должны ли такіе обаятели быть вашими господами? Хотите ли вы такимъ раболѣпнымъ народомъ, такою вертопрашною быть челядью? Хотите ли ложь почитать правотою, видъ настоящимъ дѣломъ, обманъ правдою, рабство свободою?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Вѣтръ есть стихія Французовъ, вода и пѣна нравъ ихъ. У нашихъ отцевъ названіе *Французской вертопрахъ* было бранное слово; и на семъ-то легкомъ вѣтрѣ должна тяжелая Нѣмецкая твердость опочивать? Разстояніе неба отъ земли не такъ велико какъ велика была разность того, что Французы и нѣкогда Нѣмцы вѣрностію, постоянствомъ и честію называли. Пусть Фран-

цузы хвалятся своею ловкостію и любезностію, мы имъ въ томъ не позавидуемъ, когда сохранимъ въ себѣ важность и честность, которыми Нѣмецкое имя было столь достопочтенно. Ахъ! съ Парижскими модами и нравами, съ ихъ лживымъ, обманчивымъ и сладострастнымъ языкомъ, пришли къ намъ вертопрашество и лицеугодіе, которыхъ праводушные предки наши не знали. Все сіе должно истребить; въ Нѣмецкомъ царствѣ обезьянничать и подражать Французамъ, по Французски говорить, и дѣтей своихъ офранцуживать и разнѣмчивать долженъ всякъ почитать за стыдъ и позоръ. Вотъ истинное средостѣніе, долженствующее стоять между обоими народами, какъ непроницаемое забрало, охраняющее насъ отъ льстиваго удобовползающаго зла,—или, Нѣмцы, хотите вы такими, какъ теперь, навсегда остаться? не ужѐ ли не хотите сдѣлаться опять такими, каковы были ваши отцы, и какими вы быть долженствуете? Не уже ли старая Нѣмецкая честность, праводушіе, постоянство и справедливость, должны казаться токмо какъ нѣкій темный прошедшихъ временъ образъ, какъ нѣкое высокое о великихъ душахъ сновидѣніе? Не уже ли не должны они быть живы въ сердцахъ вашихъ? Должна ли доблесть еще долѣе называться варварствомъ, ложь еще долѣе

искуствомъ, вѣроломство еще долѣе любезностію? Хотите ли вы быть Французами?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Нравятся ли вамъ новизны? Юный вашъ Рейнской союзъ? Юное ваше блаженство? Юное ваше учрежденіе правительства? Нравятся ли Францускіе законы, префекты, мэры, жандармы, всѣ Францускія титлы, имена? Нравится ли вся сія пришедшая къ вамъ изъ Галліи сволочь небывалаго между Нѣмцами безчеловѣчія? Нравятся ли произвольныя Нѣмецкихъ мужей заточенія, ссылки, казни, которыя доселѣ, благодаря Бога, въ священномъ Нѣмецкомъ царствѣ были нѣчто неслыханное? Нравятся ли вамъ надменныхъ Французовъ ругательные съ Князьями вашими поступки? Пріятно ли вамъ слушать, какъ писатели ваши о Бонапартѣ провозглашаютъ, что онъ освободитель свѣта, дарователь щастія, любимецъ Божій, великодушный возстановитель и основатель Нѣмецкой земли? Пріятно ли вамъ, что вѣдомости ваши величаютъ его вашимъ Государемъ, Императоромъ и защитникомъ? Словомъ, нравится ли вамъ вся эта льстящая и ползающая и пресмыкающаяся въ прахѣ подлость? Нравится ли вамъ сіе совокуп-

ное рабство и злодѣйство Французовъ отъ начала ихъ бытописанія съ ними неразлучныя? Хотите ли вы быть Французами? Хотите ли вы быть рабами Французовъ? Хотите ли быть рабами рабовъ?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Чуждая власть осквернила имя честныхъ Нѣмцовъ внѣ и внутри. Нѣмцы! что съ вами дѣлается? Дѣтей вашихъ берутъ отъ васъ и гонятъ, какъ гоняютъ безсловесный скотъ. Они въ Астріи и Тиролѣ, въ Силезіи и Прусіи, противъ собственныхъ братій своихъ законопреступно воевали, и чрезъ то постыдное порицаніе и справедливое проклятіе заслужили. Великосердая Гишпанія и благочестивая Россія призвали съ небесъ Божеское на Нѣмецкихъ воиновъ мщеніе. Говорите! должно ли имени вашему, какъ презрѣнному и проклятому, въ бытописаніи заглохнуть? Хотите ли вы еще долѣе за чуждыхъ палачей честь свою убивать? Хотите ли еще долѣе терпѣть, чтобъ внуки державнѣйшаго въ свѣтѣ народа употребляемы были какъ рабы, и осуждалися за мучителей своихъ какъ овцы быть ведомы на заколеніе? Хотите ли вы еще за Французовъ драться?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Когда хотятъ семейство разстроить, заводятъ въ немъ ссоры; когда хотятъ царство погубить, заводятъ въ немъ несогласіе. Наши предки были сильный народъ; мы были нѣсколько столѣтій могущественнѣйшимъ во всей Европѣ народомъ, и могли бы и понынѣ быть сильны и щастливы, естьлибъ сохраняли единодушіе. Римляне первые посѣяли въ Германіи сѣмена раздора: Августъ, Тиверій, и преемники ихъ, употребляли противъ древнихъ предковъ нашихъ Германцевъ великія лукавства и хитрости; имъ удавалось часто раздѣлять ихъ, но не порабощать: добродѣтель тогдашнихъ мужей была больше, нежели ихъ ослѣпленіе. Въ среднія времена Римскіе Папы также нерѣдко старались приводить насъ въ несогласіе и слабость. Потомъ пришли Французы. Сіи триста лѣтъ завидуютъ ужѐ нашей вольности, справедвости и щастію; они часто присматривали и ловили случай хитрымъ образомъ нападать на насъ; нынѣ же покусились нами возобладать. Сіи самые лютѣйшіе враги наши, весьма хорошо знающіе нашу силу и слабость, зложелаютъ намъ, какъ Римляне зложелали нѣкогда Германцамъ:

„О да пребудетъ между Нѣмцами еже-„ли не любовь къ намъ, то ненависть ме-„жду самихъ себя.“

Такъ точно: наше несогласіе и равно-душіе къ отечеству погубили насъ и при-вели въ то состояніе, въ какомъ мы недав-но были, и изъ котораго милосердый Богъ нынѣ избавить насъ соизволяетъ. Хотимъ ли мы, чтобъ и впредь Нѣмецкія земли одна противъ другой ратовали? Хотимъ ли долѣе терпѣть, чтобъ Нѣмцы противъ Нѣмецкой свободы выходили въ поле? Хо-тимъ ли, чтобъ плачевный срамъ брато-убійства вѣчно оскверняль имя наше въ бытописаніи? Хотимъ ли, чтобъ Нѣмцы Нѣмецкимъ желѣзомъ пронзаемы были? Чтобъ Нѣмцы праздновали побѣды надъ Нѣмцами, и чтобъ коварный врагъ, симъ единымъ надъ воинственнымъ и храбрымъ народомъ восторжествовавшій, смѣялся тому и радовался? Хотимъ ли мы, хоти-те ли вы сего?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Нѣтъ! нѣтъ! всего этаго вы не хоти-те, и не можете хотѣть.

Чтобъ отечество наше, Нѣмецкая земля, было сильное и пышное царство; Имперія блистательна, Императоръ могущественъ, народъ свободенъ и справедливъ: сего должны вы желать.

Чтобъ къ тому, чѣмъ предки ваши были почтенны и щастливы, и въ чемъ вы отъ нихъ отстали, къ добродѣтели, къ честности, къ праводушію, возвратиться съ любовію и вожделѣніемъ — сего должны вы желать.

Чтобъ смиренномудріе и страхъ Божій и небу врученное сердце, также и васъ, какъ отцовъ вашихъ, на всякій трудъ и терпѣніе укрѣпляли и отъ студныхъ дѣлъ и пороковъ охраняли — сего должны вы желать.

Чтобъ въ сердцахъ вашихъ пылали ненависть и гнѣвъ къ вашимъ притѣснителямъ, ненависть и гнѣвъ къ ихъ дѣламъ, къ ихъ раболѣпству, къ ихъ языку, къ ихъ нравамъ и модамъ, ко всѣмъ ихъ прелестямъ, соблазнамъ, и ко всѣмъ тѣмъ, которые въ Нѣмецкой землѣ ихъ обезьянами и рабами остаются и оставаться хотятъ — симъ должны вы повелѣть образумиться

и паки къ Нѣмецкой чести и народной гордости обратиться.

Согласія, братской любви, уваженія другъ къ другу, миролюбія, примиренія во всякой непріязни, вѣчнаго забвенія бѣдственныхъ распрей между Нѣмецкими поколѣніями и областями — сего должны вы желать.

Храбрымъ ратоборствомъ, бодрственнымъ духомъ и добровольнымъ приношеніемъ имущества и крови своей отечеству, должны вы стыдъ свой омыть, вольность возвратить, достославное и священное царство Нѣмецкое возстановить, единодушно и смѣло съ упованіемъ на Бога за честь и правду оружіе свое подъять, и враговъ, доколѣ они пребываютъ въ предѣлахъ вашихъ, бить и истреблять.

Когда вы право свое чтить и соблюдать хотите, когда къ безсмертнымъ дѣламъ и справедливости привязанность и любовь чувствуете, когда старую Нѣмецкую землю уважаете, то отнынѣ начнутся славныя для васъ времена; Богъ увѣнчаетъ васъ побѣдою, и дастъ вамъ мудрость, какъ падшее и разрушенное ваше отечество паки воздвигнуть.

Возстаньте же всѣ! Ступайте съ надеждою на Бога, подъ щитомъ чести и добродѣтели! Ступайте съ небеснымъ оружіемъ противъ адскаго оружія! Отважьтесь быть мужами; свободными, честолюбивыми мужами. Отважьтесь сравниться съ вашими предками; отважьтесь превзойти своихъ враговъ; дерзайте побѣдить или умереть — и бытописаніе по долгомъ молчаніи и скрытности возгремитъ паки о Нѣмецкой чести.

ОПИСАНІЕ
РѢЗНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ
СЪ МЕДАЛЕЙ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХЪ
ЗНАМЕНИТѢЙШІЯ ВОИНСКІЯ ДѢЙСТВІЯ,
происходившія
въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Начало сего предлагаемаго нынѣ любителямъ изящныхъ художествъ и отечественныхъ бытописаній полезнаго труда происходило слѣдующимъ образомъ: въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1816 года извѣстный художественными своими работами Графъ Толстой отнесся къ Президенту Россійской Императорской Академіи Г. Шишкову съ предложеніемъ, что естьли Академія подастъ ему помощь и руководство свое, то намѣренъ онъ приступить къ вырѣзыванію девятнатцати медалей по образцу сдѣланной уже имъ и всѣми похваляемой медали, подъ названіемъ или надписью: *Родомыслъ девятагонадесять вѣка.* Онъ представилъ изобрѣтенные имъ рисунки сихъ медалей. Собраніе оныхъ долженствуетъ предать потомству изображеніе достопамятнѣйшихъ дѣяній, происходившихъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, а именно:

1. Народное ополченіе (въ Россіи).

2. Битва при Бородинѣ.

3. Освобожденіе Москвы.

4. Бой при маломъ Ярославцѣ.

5. Трехдневный бой при Красномъ.

6. Сраженіе при Березинѣ.

7. Бѣгство Наполеона за Нѣменъ.

8. Первый шагъ АЛЕКСАНДРА за предѣлы Россіи.

9. Освобожденіе Берлина.

10. Тройственный союзъ.

11. Сраженіе на высотахъ Кацбахскихъ.

12. Бой при Кульмѣ.

13. Битва при Лейпцигѣ.

14. Освобожденіе Амстердама.

15. Переходъ за Рейнъ.

16. Сраженіе при Бріеннѣ.

17. Бой при Арсисъ-Сюръ-Обѣ.

18. Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ.

19. Покореніе Парижа.

Россійская Академія нашла сіи рисунки искусно составленными и предпріятіе таковое полезнымъ, какъ для сохраненія въ памяти толь знаменитѣйшихъ происшествій, такъ и для славы процвѣтающихъ въ Россіи

художествъ; однако, дабы еще болѣе въ томъ удостовѣриться, разсудила пригласить въ засѣданія свои господъ Членовъ Академіи Художествъ, которые собрались въ Россійскую Академію и по разсмотрѣніи вышеозначенныхъ рисунковъ изъявили письменно мнѣніе свое объ оныхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы нижеподписавшіеся, по приглашенію „Императорской Россійской Академіи, разсматривали изобрѣтенные Графомъ Толстымъ для медалей и для гравированія рисунки, которые въ числѣ девятнатцати „изображаютъ знаменитѣйшія въ 1812, 1813 „и 1814 годахъ происшествія, и по довольномъ разсмотрѣніи оныхъ и при нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ находимъ: 1-е, что таковый трудъ, яко памятникъ толь достославныхъ и достопамятныхъ временъ, обращаетъ на себя особое вниманіе какъ „Россіянъ, такъ и другихъ народовъ. 2-е, „Что оный изобрѣтателю своему, яко любителю отечества своего и усердному о „славѣ онаго ревнителю, приноситъ не малую честь и похвалу. 3-е, Что собраніе „сихъ медалей и со стороны художества, „по искусному сочиненію, хорошему рисун-

„ку и красотѣ стиля какъ отличное про-
„изведеніе заслуживаетъ всякое уваженіе и
„признательность къ дарованію и талан-
„тамъ трудившагося надъ онымъ.“ Подлин-
„ное подписали: Чекалевскій, Мартосъ, Ще-
дринъ, Прокофьевъ, Угрюмовъ, Тупылевъ, Ивановъ, Шебуевъ, Егоровъ, Демутовъ, Кругъ, Келлеръ.

По семъ свидѣтельствѣ и одобреніи отъ Академіи художествъ, Россійская Академія положила: 1-е, употребить на производство сихъ работъ потребное по смѣтѣ число денегъ, а именно двадцать тысячъ рублей, изъ суммы Монаршею щедротою на ободреніе Наукъ и Художествъ назначенной. 2-е, Между тѣмъ, какъ Графъ Толстой рѣзную работу сихъ медалей продолжать будетъ, рисунки оныхъ награвировать и съ пристойными къ онымъ надписями и описаніями напечатать. 3-е, Гравированіе оныхъ поручить извѣстному въ семъ искуствѣ дарованіями своими Господину Уткину. 4-е, Когда рисунки напечатаны будутъ, тогда въ пользу трудящагося открыть подписку на оные купно съ медалями,

которыя художникъ съ неусыпнымъ раченіемъ одну за другою производить не преминетъ.

Наконецъ Академія разсудила, въ началѣ собранія сихъ девятнатцати рисунковъ и медалей, изображающихъ толь славныя и знаменитыя дѣянія, поставить прежде изваянную тѣмъже художникомъ медаль, представляющую *Родомысла девятагонадесять вѣка*; ибо что по истиннѣ можетъ быть приличнѣе и справедливѣе, какъ дѣлателю стоять при дѣлахъ своихъ?

РОДОМЫСЛЪ

ДЕВЯТАГОНАДЕСЯТЬ СТОЛѢТІЯ.

Родомыслъ, по нѣкоторымъ преданіямъ, былъ Богъ древнихъ Славянъ. Главныя свойства приписывались ему: храбрость, мудрость, правда. По симъ свойствамъ въ чертахъ Благословеннаго освободителя народовъ кто не познаетъ Родомысла девятагонадесять вѣка?

ОПИСАНІЕ МЕДАЛЕЙ,

ИЗОБРАЖАЮЩИХЪ ЗНАМЕНИТѢЙШІЯ СОБЫТІЯ,

происходившія

въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.

№ 1. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНІЕ ВЪ 1812 ГОДУ,
СЪ НАДПИСЬЮ:

со крестомъ въ сердцѣ, и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія человѣческія силы не одолѣютъ насъ.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Россія обширная, мужественная, изобильная, побѣдоносная внѣ, щастливая внутри своими нравами, законами, правительствомъ, пребывала въ положеніи, въ какомъ изобразилъ ее Ломоносовъ:

Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей Державы;
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди луговъ.
Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ

На степь, гдѢ Хину отдѢляетЪ
Пространная стѢна отЪ насЪ;
Веселый взорЪ свой обращаетЪ,
И вкругЪ довольства исчисляетЪ,
Возлегши локтемЪ на КавказЪ.

Два вѣка, отъ начала царствованія колѣна Романовыхъ, во всѣ времена гремѣла она въ браняхъ оружіемъ, въ побѣдахъ великодушіемъ, въ мирѣ чистосердечіемъ. Страшная врагамъ, вѣрная союзникамъ, полезная самой себѣ, она украшалась науками и возвышалась силою и славою. Поля ея расширялись, села и веси расли, грады умножались. Двѣ столицы ея, сѣдая Москва, и юный градъ Петровъ, облекались въ великолѣпіе, и благоденствуя процвѣтали. Между тѣмъ во Франціи, послѣ многихъ треволненій, ужасовъ и неистовыхъ дѣлъ, похититель Французскаго престола Наполеонъ Бонапарте утвердился на немъ, обратилъ царство свое въ войско, дышущее завоеваніями и грабительствами, покорилъ сосѣднія области и распростеръ власть свою почти на всю Европу. Сей кровожадный и вѣроломный мужъ, называя себя союзникомъ Россіи, тайно скрежеталъ на нее зубами и приготовлялъ ей пагубу. Насталъ 1812 годъ, достопамятнѣйшій въ бытописаніяхъ, громкій великими дѣлами и происшествіями, послѣдній для возрастанія силы

и власти сего лютаго, вознесшаго къ обланамъ главу свою, завоевателя. Онъ, совокупя всѣ свои силы, какъ нѣкая грозная рѣка, болѣе и болѣе отъ увлеченія за собою всѣхъ встрѣчающихся съ нею водъ растущая, пошелъ прямо къ предѣламъ Россійскимъ. Двадесять различныхъ народовъ и Державъ, не дерзавшихъ воспротивиться ему, принуждены были, ко вреду самимъ себѣ, соединиться съ нимъ и собственнымъ оружіемъ своимъ способствовать оружію его разрушать всеобщую свободу и независимость. Тако съ двумя или болѣе тысячами огнестрѣльныхъ орудій, и съ пятью стами тысячь пѣшихъ и конныхъ оруженосцевъ, приходитъ онъ съ мирными въ устахъ словами, и съ злобными въ сердцѣ помыслами къ берегамъ рѣки Немена, и въ 12 день Іюня, перешедъ черезъ нее, вторгается дерзновенно въ Россію. Твердящій о миролюбіи гласъ его не прежде умолкаетъ, какъ вмѣстѣ съ пушечнымъ громомъ. Великій Императоръ нашъ, толь вѣроломнымъ нарушеніемъ мира праведно прогнѣванный, о бѣдствіяхъ народа своего сердоболящій, и безсомнѣнія самимъ Богомъ вдохновенный, находясь въ Вильнѣ, въ тотъже самый день во услышаніе всему изумленному и унывшему свѣту возгласилъ: *не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина*

не останется въ царствѣ жоемъ. Обѣтъ сей несется къ престолу Вышняго и тамо высокимъ и превѣчнымъ судомъ его вносится въ книгу судебъ. Войска наши, собранныя не для завоеванія чужихъ земель, но только для обороны собственныхъ своихъ предѣловъ, хотя и находились въ знатномъ числѣ, однакожъ толь великихъ силъ, составленныхъ изъ силъ почти всей Европы, встрѣтить не ожидали. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ Первый, предводительствуя ими, возбраняетъ, удерживаетъ быстроту стопъ врага; но толь многоводному разливу, какъ водамъ Океяна, не возможно было поставить оплотъ. Сего ради, остановясь при городѣ Дрисѣ, взываетъ Онъ къ обѣимъ Столицамъ и всему царству своему: „да ополчатся, да станутъ всѣ со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, тогда никакія человѣческія силы не одолѣютъ ихъ.“ Сей гласъ протекъ, какъ молнія, по всѣмъ странамъ. Монархъ, да усилитъ единодушіе и твердость, является самъ посредѣ народа Своего. Смоленскъ, Москва, Петербургъ, одушевленные взорами Его, воскипѣли мужествомъ. Вся Россія восшумѣла, беретъ оружіе, ополчается.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россія, облеченная въ одежду жены Россіянки, возбужденная гласомъ Царя сво-

его, сѣдитъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ очахъ ея блистаетъ любовь къ отечеству. Взоръ ея помраченъ печалію, но спокоенъ надеждою на Бога и на мужество сыновъ своихъ. Одною рукою опершись на щитъ, изображающій Государственный гербъ, другою раздаетъ она мечи народу. Три, единодушіемъ соединенныя сословія, въ лицѣ дворянина, купца и поселянина, спѣшатъ принять оружіе изъ рукъ ея, съ тѣмъ усерднымъ нетерпѣніемъ, какое порѣваетъ ихъ летѣть на службу и спасеніе отечества. Поверженные у подножія Россіи сосуды, злато и прочія драгоцѣнности, напоминая о временахъ Минина и Пожарскаго, являютъ, что и нынѣ духъ Россіяхъ, въ пожертвованіяхъ для обороны отечества имуществомъ и жизнію, не уступаетъ духу предковъ своихъ.

№ 2. БИТВА БОРОДИНСКАЯ СЪ НАДПИСЬЮ:
Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на него.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Послѣ многихъ частныхъ битвъ, изъ коихъ нѣкоторыя были весьма упорныя и кровопролитныя, а особливо подъ Смоленскимъ, войска Россійскія, отчасти по причинѣ великаго въ числѣ превосходства непріятельскаго, отчасти же чтобъ увеличить способы свои завлеченіемъ его внутрь Россіи, не вступали съ нимъ въ главное сраженіе; но уступая силамъ его, безъ всякаго съ своей стороны разстройства и потери орудій, принуждали его каждый шагъ покупать кровію. Напослѣдокъ при селѣ Бородинѣ, отстоящемъ по Смоленской дорогѣ во стѣ одиннатцати верстахъ отъ Москвы, Главноначальствующій надъ войсками Князь Голенищевъ-Кутузовъ (названный потомъ Смоленскимъ) рѣшился дать главную битву, происходившую Августа въ 26й день. Кровавый бой сей былъ потрясающее землю безпрерывное рыганіе огнедышущихъ горъ. Обѣ стороны стояли съ равнымъ упорствомъ: одна, превосходная числомъ, алчущая грабительствъ, отчаянная въ случаѣ изнеможенія въ спасеніи сво-

емъ, льстящаяся покоренiемъ Москвы достигнуть конца своихъ желанiй, нападала съ лютостiю и свирѣпствомъ разъяреннаго тигра; другая, тверже кремнистой скалы съ правотою сердца и надеждою на Бога, предъ лицемъ отечества и подъ стѣнами древней Столицы своей, защищая ихъ, отражала нападенiя и нападала сама, съ мужествомъ кипящей гнѣвомъ львицы. Воздухъ горѣлъ, земля стонала. Восемдесять тысячъ жертвъ пали наслѣдiемъ рая и добычею ада. Ночь черною ризою своею покрыла сiе ужасное и плачевное зрѣлище. Непрiятель лишился пятидесяти тысячъ войскъ своихъ и пятидесяти Генераловъ; но еще силенъ, еще грозенъ и дерзокъ, стремится къ исполненiю своихъ намѣренiй. Надлежало подъ самыми стѣнами Москвы возобновить кровавую и уже рѣшительную сѣчу. Князь Кутузовъ съ глубокимъ вздохомъ и тяжкою въ сердцѣ болѣзнiю, но съ надеждою обратить краткое торжество врага въ неизбѣжную погибель, уступаетъ ему Москву, и расположенiемъ войскъ своихъ при Тарутинѣ заслоняетъ ему путь въ хлѣбородные Россiйскiе края. Оттолѣ съ твердымъ духомъ пишетъ къ Монарху своему: *потеря Москвы не есть еще погибель Отечества.*

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Руской въ бронѣ Славенина стоитъ твердо противъ нападающихъ на него трехъ враговъ, изъ которыхъ единаго низвергъ къ стопамъ своимъ, двухъ же другихъ сильною мышцею и крѣпкимъ щитомъ отразилъ и удержалъ на время. Три нападающихъ лица представляютъ втрое превосходящую непріятельскую силу, изъ коей падшій воинъ показываетъ истребленную и сокрушенную часть.

№ 3. ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ, СЪ НАДПИСЬЮ: *да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Непріятель Сентября 2го числа вошелъ въ Москву, но не съ такимъ веселіемъ и торжествомъ, съ какимъ войти надѣялся. Она была унылая, пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Вмѣсто ожидаемыхъ Наполеономъ народныхъ покорствъ и восклицаній, казалось, мрачная пустота улицъ и домовъ пространнаго града сего твердила ему: ты погибъ! суровая душа его впервые содрогнулась отъ страха; онъ смутился и почувствовалъ великость духа Россіянъ, и не съ гордымъ челомъ, но съ потупленными взорами ѣхалъ въ Кремль. Буйное войско его кинулось грабить; Москва воспылала: огнь, убійство, святотатство, поруганіе храмовъ, оскорбленіе костей въ гробахъ, словомъ всѣ ужасы, всѣ преступленія, всѣ мерзости и неистовства, какимъ со временъ революціи оскверняла себя Франція, свирѣпствовали въ семъ пышномъ градѣ, болѣе половины превращенномъ въ пепелъ и опустошеніе. Такимъ образомъ злодѣйство призывало на главу свою громъ правосудія небеснаго. Пламень сей

древней Столицы воспалилъ мщеніемъ сердца Россіянъ. Наполеонъ мнилъ истребленіемъ ея устрашить Россійскаго Монарха и принудить къ миру, но АЛЕКСАНДРЪ возгласилъ войскамъ своимъ и народу: *потушите пожаръ Москвы кровію враговъ.* Въ сихъ обстоятельствахъ гладныя въ пустомъ градѣ, питавшіяся мертвыми лошадьми, силы непріятельскія, вездѣ въ окрестностяхъ отрядами козаковъ и поселянами истребляемыя, приходили отчасу болѣе въ истощеніе, между тѣмъ какъ наши силы отчасу болѣе умножались и возрастали. Побѣда, одержанная при Тарутинѣ надъ Королемъ Неаполитанскимъ, возвѣстила Наполеону, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ Москвѣ. Яростенъ и лютъ, видя намѣреніе свое разрушаемымъ, выходитъ онъ изъ нея, и въ бѣшенствѣ и злобѣ повелѣваетъ послѣдній часъ пребыванія своего въ ней ознаменовать достойнымъ себя злодѣйствомъ: подорвать Кремль. По освобожденіи Москвы наполняется она войсками и народомъ Рускимъ, текущимъ во множествѣ, принесть благодареніе Богу: двери соборной церкви отверзаются, и преосвященный Августинъ, облаченный въ великолѣпныя ризы, исходитъ изъ олтаря и со крестомъ въ десницѣ возглашаетъ сіи поразительныя слова: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.*

Народъ рыданіемъ и радостными слезами изъявляетъ и восторгъ и благодарность свою Богу Избавителю.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Москва, въ видѣ измученной и утомленной страданіями жены, сѣдитъ сложа крестообразно руки, на развалинахъ еще дымящихся зданій. Рускій воинъ, вооруженный щитомъ вѣры, поражаетъ мучителя ея, держащаго въ рукахъ орудія злодѣйства: кинжалъ и пламенникъ. Лютый врагъ, полунагій, изъявляющій то жалкое состояніе, въ какомъ при изгнаніи изъ Москвы находились Французы, падаетъ къ стопамъ ея. При семъ видѣ освобожденная Москва возводитъ къ небесамъ окропленные слезами благодарные взоры, и лице ея сквозь печаль просіяваетъ радостію видѣть себя, что она страданіями своими спасаетъ Россію и Европу.

№ 4. Бой при маломъ Ярославцѣ, съ надписью: *чей мечъ не сокрушится о скалу народной твердости?*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Непріятель, при самомъ вступленіи его въ Москву, въ день величайшаго торжества и славы своей, почувствовалъ ужѐ, что онъ не въ ту страну зашелъ, гдѣ единымъ нанесеннымъ ударомъ устрашитъ народъ и достигнетъ до конца своихъ желаній. Пустота и тишина сей древней, великолѣпной, многолюдной Столицы, оставленной ему на поглощеніе, являли въ сей великой, необычайной жертвѣ нѣкій твердый духъ, нѣкое непоколебимое, уступившее обстоятельствамъ мужество, но предвѣщавшее ему, что окрестъ ея скопляются тучи гнѣва и мщенія. Бонапартіево пребываніе въ Москвѣ подобно было состоянію лютаго со всѣхъ сторонъ окруженнаго ловцами звѣря, который въ пещерѣ своей свирѣпствуетъ, видя, что остаться въ ней не можетъ, а выдти изъ ней страшится.

Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
Однако посмотря на раненый хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рвѣтъ.

(*Ломоносовъ.*)

Такъ онъ, поражаемый за стѣнами Москвы, злился и свирѣпствовалъ въ стѣнахъ ея. Онъ долженъ былъ гордыя мысли свои о завоеваніи Россіи перемѣнить въ недоумѣніе и страхъ, какимъ образомъ выдти изъ ея предѣловъ. Возвратный путь чрезъ Смоленскъ и Вильну, имъ же самимъ опустошенный, не представлялъ ему при наступающихъ холодныхъ погодахъ ничего надежнаго къ пропитанію и укрытію голодныхъ и худо одѣтыхъ войскъ его. Колеблемый сими мрачными воображеніями выходитъ онъ изъ Москвы гнѣвенъ и лютъ. Единая еще питаетъ его надежда: онъ думаетъ прорваться въ плодоноснѣйшіе краи Россійскіе, дабы по крайней мѣрѣ оставшіяся отъ пораженія силы свои сохранить отъ голода, и явиться еще въ нѣкоторомъ устройствѣ предъ лицемъ Европы. Съ сими мыслями устремляется на малый Ярославецъ, но тамъ встрѣчаетъ непреоборимый оплотъ, твердую сыновъ отечества грудь. Князь Смоленскій, предусмотря намѣреніе его, преграждаетъ ему путь въ Калугу. Октября въ 13 день возгарается страшная брань. Враги силятся пройти, Рускіе не пропускаютъ. Ужасная съ обѣихъ сторонъ борьба! Ярославецъ восемь разъ переходитъ изъ рукъ въ руки, горитъ; но соимянная ему летающая надъ *ярымъ* пламенемъ его

слава громкою трубою своею устрашенному свѣту гласитъ:

Не будетъ страшныя премѣны,
И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются противныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможетъ лукъ.
(*Ломоносовъ.*)

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Превосходная непріятельская сила представляется въ трехъ лицахъ или частяхъ, изъ коихъ одна, пораженная, пала къ стопамъ побѣдоноснаго Россійскаго воина, стоящаго твердо съ мечемъ и со щитомъ въ рукахъ; другая, терзаемая настоящимъ и будущимъ страхомъ, обращается съ ужасомъ въ бѣгство; третія, напрягшая всю силу руки своей для нанесенія удара, но по сокрушеніи меча своего объ мечъ Россійскій, съ потупленною главою опрокидывается вспять: тако ярящаяся волна, ударясь о каменную скалу, отступаетъ отъ ней въ мелкія брызги разсыпанная.

№ 5. ТРЕХДНЕВНЫЙ БОЙ ПРИ КРАСНОМЪ СЪ НАДПИСЬЮ: *врагъ мой и Бога моего! поля и горы да намокнутъ кровію твоею.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Непріятель, по тщетномъ покушеніи пройти въ плодоноснѣйшіе Россійскіе краи пораженный и прогнанный отъ малаго Ярославца, принужденъ былъ возвратиться на угрожавшій ему бѣдствіями, его же свирѣпствомъ опустошенный путь къ Вильнѣ, и токмо помышлять о ускореніи бѣгства своего по оному. Онъ оставляетъ Смоленскъ, изрыгнувъ послѣднюю на него злобу, и спѣшитъ прежде прибытія войскъ Россійскихъ пройти село Красное. Но Князь Смоленскій окольнымъ путемъ и быстрымъ изъ Дорогобужа полетомъ предупреждаетъ его пришествіе. Платовъ и Милорадовичъ текутъ по пятамъ врага и нападая отрываютъ отъ него пушки, обозы и людей. Ноября 3е, 4е и 5е число при Красномъ ревутъ безумолжно орудія. Здѣсь прилично вспомнить стихи Ломоносова:

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ,
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ Югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,

Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

Въ сей битвѣ силы непріятельскія совершенно разрушаются; огнедышущія орудія его валяются въ пыли и прахѣ; грозные полки его превращаются въ жалкія толпы скитающихся съ блѣдными лицами безъ оружія людей; полководцы его, оставя порученныя имъ войска и растерявъ Маршальскіе жезлы свои, бѣгутъ за верховнымъ повелителемъ своимъ, ищущимъ спасенія въ быстротѣ конскихъ ногъ. Несомнѣнная надежда его наступить на выю свѣта премѣняется въ сомнительную надежду переступить черезъ рѣку Березину: такъ въ гордыхъ мечтаніяхъ человѣческихъ предыдущему часу смѣется послѣдующій часъ!

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россійскій воинъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ за нанесеніе толикихъ золъ отечеству его, разсѣяваетъ, караетъ противныя силы. Въ лѣвой рукѣ держитъ онъ исторгнутые имъ у непріятелей мечи. Правою рукою разитъ бѣгущаго съ ужасомъ и злобою врага, тщетно щитомъ своимъ отъ него заслоняющагося. Позади его видны падшіе на колѣни плѣнники. У ногъ его лежатъ

трупы, шлемы и жезлъ предводительствовавшаго непріятельскими войсками Маршала Даву.

№ 6. СРАЖЕНІЕ ПРИ БЕРЕЗИНѢ СЪ НАДПИСЬЮ: *тако погибаютъ враги отечества моего!*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Переходъ Французовъ 16 и 17 Ноября черезъ рѣку Березино, при деревнѣ тогожъ имени, былъ нѣкое ужасное, всѣ бѣдствія человѣческія совокупляющее въ себѣ зрѣлище. Все, что въ полкахъ ихъ осталось еще уцѣлѣвшее отъ смерти и плѣна, вооруженное и безоружное, гонимое побѣдоноснымъ воинствомъ, удручаемое морозами, голодомъ и страхомъ, стеклось на берегу сея рѣки, дабы спѣша и опережая другъ друга перейти черезъ нее по узкому не твердому мосту. Одинъ страхъ, безъ всякаго со стороны нашей пораженія, производилъ ужѐ такое смятеніе и тѣсноту, что бѣгущіе сталкивали другъ друга въ воду. Чтожъ было, когда настигшія ихъ въ семъ положеніи войска наши пустили на нихъ градъ ядеръ и пуль? Битва сія была болѣе казнь преступниковъ, нежели сраженіе между непріятелями. Люди, лошади, пушки, ружья, знамена, повозки, обозы, снаряды, припасы, собственныя ихъ и везомыя ими изъ Москвы сокровища, все оставлено, разбросано, разданно, побито, валяется въ полѣ, по берегамъ, мерзнетъ, умираетъ, тонетъ въ рѣкѣ!

Здѣсь ужѐ не громъ оружія сбивалъ рогъ гордости, но небо во гнѣвѣ своемъ карало духъ злочестія. Щастливъ былъ тотъ, кто окончилъ дни свои; злополученъ, кто остался живъ, дабы послѣ нѣсколькихъ дней страданія умереть отъ хлада или голода. Здѣсь, смотря на погибель толь многихъ людей, можно было словами Державина сказать, что блѣдная смерть, трепетъ естества и страхъ, глядитъ,

Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ Державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Рускій воинъ, смотря на повсемѣстную окрестъ себя погибель и разрушеніе, ужѐ не столько съ воспламененнымъ отъ гнѣва, сколько съ сокрушеннымъ отъ жалости сердцемъ восклицаетъ: *тако погибаютъ враги Отечества моего!*

№ 7. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ЗА НЕМЕНЪ СЪ НАДПИСЬЮ: *бѣжитъ! громомъ паденія силъ своихъ устрашенный.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Наполеонъ, ускользнувъ отъ общаго всѣхъ войскъ своихъ при Березинѣ жребія, въ простой повозкѣ, подъ сокрытымъ именемъ проѣзжаетъ Вильну, тотъ городъ, гдѣ недавно предъ симъ, окруженный силою и пышностію, мечталъ онъ себя быть обладателемъ свѣта. Днесь бѣжитъ за Неменъ, спѣшитъ вырваться изъ предѣловъ Россіи. При переходѣ его съ огромными силами чрезъ сію рѣку громъ и молнія возвѣщали ему гнѣвъ Божій, но лютый сердцемъ завоеватель не слышитъ ни прещенія небесъ, ни гласа совѣсти, ни стона смертныхъ. Онъ внемлетъ единому токмо алканію ненасытныхъ своихъ желаній. Червь собственными своими, исполинъ подвластными ему силами, онъ забываетъ въ себѣ человѣчество и хочетъ быть Богомъ, но не тѣмъ благимъ, которой лучами солнца согрѣваетъ вселенную, а тѣмъ адскимъ божествомъ, которое дышетъ истребленіемъ и смертію. Человѣкъ, сказалъ Державинъ,

Есть гордость съ бѣдностью совмѣстна,
Сегодня Богъ, а завтра прахъ.

Наполеонъ, возвысясь изъ ничего, былъ разоришелемъ царсшвъ. Всякая минуша жизни его окроплена кровію и слезами нещасшныхъ. Въ пяшь мѣсяцовъ принеся славолюбію своему болѣе полумиліона жершвъ, се бѣжишъ онъ поруганный и посрамленный. За нимъ льешся рѣка крови человѣческой. Бури на черныхъ крыльяхъ своихъ несушъ къ нему облака дыма, клубящагося ошъ сожженныхъ градовъ и селъ. Въ слухъ ему гремишъ проклящіе народовъ. О человѣкъ! ошколѣ въ сердцѣ швоемъ шоликая злоба къ подобнымъ шебѣ?

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Увѣнчанный осокою баснословный сшарецъ, оперщійся на урну, изъ кошорой льешся вода, предсшавляешъ рѣку Неменъ. Оковы его показываюшъ, что она въ сіе время покрыша была льдомъ. Наполеонъ едва обернушый въ легкое развѣваемое вѣшромъ одѣяніе пересшупаешъ чрезъ нее. Позади его на берегу рѣки видны шлемъ, щишъ и мечъ его, въ знакъ совершенной пошери всего, что съ нимъ въ предѣлы Россійскіе всшупило. Онъ съ ужасомъ озираешся вспяшь, и при первой надеждѣ спасенія своего, какъ бы ошъ сшрашнаго сна пробужденный, едва случившемуся съ собою можешъ вѣришь.

№ 8. ПЕРВЫЙ ШАГЪ АЛЕКСАНДРА ЗА ПРЕДѢЛЫ РОССІИ СЪ НАДПИСЬЮ:

Благословенъ грядый во имя Господне.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Несмѣтныя силы Наполеоновы, пѣхота, конница, пушки, снаряды, обозы, все легло на поляхъ Рускихъ жертвою огня, меча, копья, сѣкиры; часть отдалась въ плѣнъ; часть истреблена мразами и гладомъ; самомалѣйшая часть полумертвая спаслась бѣгствомъ. Богъ благоволилъ совершиться обѣту Царя: *ни единъ непріятельскій воинъ не остался на землѣ Руской;* или (что еще болѣе) остались почти всѣ, но мертвыми и плѣнными. АЛЕКСАНДРЪ могъ вложить мечъ свой и сказать Европѣ: „возстань и свергни съ себя иго зависимости; Россія даруетъ тебѣ возможность и способъ." Но Онъ зналъ, что многія Европейскія Державы находились еще подъ непосредственною властію Французовъ, и что преобладаніе ихъ надъ ними, при новыхъ угрозахъ и предпріимчивостяхъ Наполеона, не взирая на данный Россіею могуществу его смертоносный ударъ, не дастъ имъ соединиться для освобожденія своего духомъ согласія и мужества. При таковыхъ обстоятельствахъ Монархъ Россійскій, по совершенномъ низ-

ложеніи врага, хотя и могъ отъ нападеній его быть безопасенъ, и хотя потерпѣвшая отъ многочисленныхъ и лютыхъ непріятелей внутренность царства его и требовала нѣкоего отъ напряженія силъ своихъ отдохновенія; но между тѣмъ какъ съ одной стороны удерживало его чадолюбивое о подданныхъ своихъ попеченіе, съ другой:

Европа утомленна вЪ брани,
ИзЪ пламени поднявЪ главу,
КЪ нему свои простерла длани,
Сквозь дымЪ, куреніе и мглу.
(*Ломоносовъ.*)

Великодушный Обладатель Сѣвера внемлетъ тайному ея воздыханію: „великому дѣлу, говоритъ онъ въ сердцѣ своемъ, положено великое начало; надлежитъ увѣнчать оное соотвѣтствующимъ ему великимъ концемъ. Народъ мой сокрушилъ союзъ двадцати царствъ, пришекшихъ низринуть его въ уничиженіе и рабство; народъ мой, единъ, да течетъ со мною избавить сіи царства отъ насильственной власти и возвратить имъ свободу. Тако да воздастъ, по слову Спасителя, за зло добромъ, и купитъ себѣ прочный миръ и славу.“ Съ сими во груди чувствованіями Монархъ Россійскій (Генваря въ первый день 1813 года) выступаетъ изъ предѣловъ своей области.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

АЛЕКСАНДРЪ Первый, облеченный силою и доблестію, на быстромъ конѣ, попирающемъ шипящихъ змѣй зависти и злобы, съ обнаженнымъ въ десницѣ мечемъ и съ окомъ Провидѣнія на щитѣ, путеводимый мудростію и правдою, летитъ за предѣлъ Россіи. Слава, подвиги Его увѣнчевать спѣшащая, едва въ слѣдъ за нимъ успѣваетъ.

№ 9, **ОСВОБОЖДЕНІЕ БЕРЛИНА СЪ НАДПИСЬЮ:** *возстани и ходи.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Пруссія стѣсненная Франціею изнемогала подъ насильственною ея рукою. Всѣ главные города и крѣпости ея находились въ рукахъ у Французовъ, сдѣлавшихся подъ именемъ союзниковъ полновластными надъ нею господами. Народъ воздыхалъ, но не имѣлъ силы освободиться отъ ихъ власти. Совершенное истребленіе войскъ Французскихъ въ Россіи, срамное и жалкое бѣгство не многихъ оставшихся изъ нихъ чрезъ Прускія земли, и слухъ о торжественномъ послѣ громкихъ подвиговъ шествіи къ нимъ Россіянъ, хотя и возраждали въ сердцахъ ихъ нѣкую радостную надежду, но еще колеблемые сомнѣніемъ не смѣли они съ полною довѣренностію ей предаться. Наконецъ приближеніе къ предѣламъ ихъ осіяннаго славою Императора АЛЕКСАНДРА Перваго съ побѣдоносным воинствомъ Своимъ, и простертіе къ нимъ дружеской длани, представляло имъ возможность свергнуть съ себя тяжкое иго порабощенія, и воспалило въ нихъ прежній духъ мужества и чести. Города ихъ единъ по единому освобождаются: Французы бѣгутъ изъ нихъ,

Руские вступають. Жители простирають къ нимъ руки и радостными восторгами и празднествами изъявляютъ свою благодарность. Сокрытыя подъ личиною чувства обнажаются, притворство уступаетъ мѣсто чистосердечію, и между тѣмъ какъ съ одной стороны невольная съ Рускими вражда претворяется въ добровольную дружбу, съ другой изъ насильственнаго съ Французами союза раждается брань и война. Вся Пруссія вооружается, кипитъ благороднымъ гнѣвомъ, и вмѣстѣ съ избавителями своими, храбрая и надежная на дружество храбрыхъ, течетъ спасать отечество свое и Европу.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россіянинъ поднявъ мечь разитъ падшаго на колѣно и заслоняющагося щитомъ своимъ Француза; гонитъ его изъ Берлина, Прусской Столицы, которая, въ видѣ жены, отвращается съ ужасомъ отъ лютаго притѣснителя своего, и простираетъ съ радостію руки свои къ притекшему на помощь ей Избавителю.

№ 10. ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ, СЪ НАДПИСЬЮ:
Во имя Святыя Троицы.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Ужѐ Обладатели великихъ царствъ, Императоръ Россійскій и Король Пруский, съ войсками своими пришекли въ Саксонію, ужѐ Дрезденъ, Столица Саксонская, отворила имъ съ радостію, какъ избавителямъ, врата свои. Путь ихъ былъ торжественное шествіе: повсюду воздухъ наполнялся плесками восхищеннаго народа; вездѣ брошенные рукою дѣвъ цвѣты и вѣнки лежали подъ ихъ стопами; вездѣ огни веселія освѣщали выставленныя въ честь имъ иносказательныя изображенія съ изліянными на нихъ чувствомъ благодарности словами и надписями. Казалось всѣ города и села радостію цвѣли и рѣки Висла, Одеръ и Эльба въ зеленѣющихъ берегахъ своихъ текли играя и веселяся. Всеобщая радость сія помрачена была единою токмо, но великою печалію: побѣдоносный вождь Россійскихъ силъ, Князь Кутузовъ Смоленскій, котораго чело увѣнчано было толикими лаврами, достигнувъ до Бунцлау, занемогъ, и по краткой болѣзни преселился отъ временной жизни въ вѣчную, оставя громкими подвигами и спасеніемъ Отечества своего безсмертную

по себѣ память. АЛЕКСАНДРЪ Первый возвѣстилъ о сей потерѣ достойнымъ Себя и Полководца Своего образомъ. Нѣкто изъ стихотворцевъ нашихъ, оплакивая смерть его, справедливо о немъ сказалъ:

Плачетъ Россія плачемъ великимъ,
Плачетъ о сынѣ, даннoмъ ей свыше,
Жизнь и свободу матери дать.

Между тѣмъ Наполеонъ съ собранными вновь силами явился опять препоясаннымъ на брань. Люцинскія и Будисинскія поля дымились дважды кровію воиновъ. Перемиріе прервало на время громъ орудій. Австрія, мнившая Наполеона преклонить къ миру, по долгомъ и тщетномъ покушеніи вступаетъ напослѣдокъ въ союзъ съ Россіею и Пруссіею.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Императоръ Россійскій АЛЕКСАНДРЪ Первый, сопрягшійся уже дланію дружбы съ Королемъ Прускимъ Вильгельмомъ третьимъ, оба пріемлютъ простертую къ нимъ десницу Австрійскаго Императора Франца перваго. АЛЕКСАНДРЪ въ знакъ правости дѣла и чистоты намѣреній своихъ воздвигаетъ на небо руку. Тако три вѣнценосца, сильнѣйшихъ въ Европѣ, внемля гласу Божію во гласѣ народовъ своихъ, заключаютъ во *имя Святыя Троицы* неразрывный, свыше благословляемый *тройственный союзъ*.

№ 11. СРАЖЕНІЕ НА ВЫСОТАХЪ КАЦБАХСКИХЪ СЪ НАДПИСЬЮ:

пойдемъ дружно по трупамъ и костямъ ихъ.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Всѣ предложенія Австрійскаго Двора о возстановленіи тишины въ Европѣ Наполеономъ отвергнуты. Съѣздъ въ Прагѣ посланниковъ по долгомъ преніи разрушился. Срокъ перемирія истекъ. Австрійскій Императоръ пристаетъ къ двумъ высокимъ союзникамъ и объявляетъ войну Франціи. Россійскія и Пруcкія войска вступаютъ въ Богемію, гдѣ вмѣстѣ съ новыми своими союзниками располагаютъ вести наступательную противъ Французовъ войну. Наполеонъ собираетъ войска свои и утверждается въ окрестностяхъ Дрездена, отколѣ часть оныхъ посылаетъ по пути къ Берлину, гдѣ соединенно съ Россійскими и Прускими войсками находился Шведскій Наслѣдный Принцъ Бернадотъ, отразившій Августа 11 числа нападеніе ихъ при Требинѣ, и взявшій въ плѣнъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ съ дватцатью пушками. Другую часть подъ начальствомъ Маршала Макдональда отрядилъ Наполеонъ противъ Силезіи, которую охранялъ Прускій Генералъ Блюхеръ, подкрѣпляемый знатными силами

Россійскихъ войскъ. Движеніе главной союзной арміи къ Дрездену не позволяло Наполеону усиливать сіи отряды, дабы самому не ослабнуть. Августа 14 числа, въ день черныхъ тучъ и проливнаго дождя, возгорѣлась въ Силезіи при рѣкѣ Кацбахѣ сильная брань между войсками, состоявшими подъ предводительствомъ Блюхера и Магдональда. Россіяне и Прусаки одержали совершенную надъ Французами побѣду: сіи послѣдніе въ крайнемъ разстройствѣ предались наконецъ бѣгству, и гонимые непріятельскимъ огнемъ и бурею, въ разлившейся отъ наводненія рѣкѣ Кацбахѣ бѣдственно утопали, оставя, при великомъ числѣ убитыхъ, въ плѣнъ побѣдителямъ одного Генерала, пять тысячь рядовыхъ со многими Штабъ и Оберъ-офицерами, и 86 пушекъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Два ополченные воина, Россіянинъ и Прусакъ, первый въ одеждѣ Славянина, второй въ бронѣ древняго Германскаго рыцарства, поправъ непріятелей, текутъ по трупамъ ихъ дружно къ новымъ подвигамъ и побѣдамъ.

№ 14. БОЙ ПРИ КУЛЬМѢ СЪ НАДПИСЬЮ: *отдай мечь твой! и вниди въ Прагу не побѣдителемъ, но плѣннымъ.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Послѣ бывшаго на Дрезденъ покушенія, Наполеонъ отрядилъ Генерала своего Вандама съ осмьюдесятью орудіями и сорокью тысячами пѣхоты и конницы ворваться въ Богемію и овладѣть Прагою. Вандамъ успѣлъ уже придвинуться къ Теплицамъ и при урочищѣ Кульмѣ встрѣтился съ Россійскою гвардіею, состоявшею въ осьми тысячахъ человѣкъ подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана. Отрядъ сей, малый числомъ людей, но великій твердостію духа, не устрашился противустать превосходнѣйшему въ пять кратъ противъ себя непріятелю, дополняя недостатокъ силъ своихъ избыткомъ храбрости. Августа 16 и 17 числъ происходилъ между ими жестокій бой, о которомъ можно сказать стихами Тасса:

Come pari l'ardir, con forza pare
Quinci Austro in guerra vien, quindi Aquilone,
Non ei fra lor, non cede il cielo o'il mare;
Ma nube a nube, e flutto a flutto opone;
Così nè ceder quà, nè là piegare
Si vede l'ostinata aspra tenzone.

*

S'affronta insieme orribilmente urtando
Scudo a scudo, elmo ad elmo, e brando a brando.

то есть:

„Подобно какъ равные силою и быстро-„тою вѣтры, одинъ отъ Юга, другой отъ „Сѣвера, срѣтаются, и ни они, ни небо, ни „море, другъ другу не уступаютъ; небо „тучи противъ тучъ, море волны противъ „волнъ ставитъ; ничто ни туда ни сюда „не подается: тако двѣ сопротивныя ра-„ти съ ужаснымъ воплемъ и стукомъ, шлемъ „со шлемомъ, щитъ со щитомъ и мечь съ „мечемъ спираются."

Сколь ни малочисленно было наше гвардейское воинство, но оно не уступило ни на шагъ напору сильнаго непріятеля. Графъ Остерманъ съ неисцѣлѣвшею еще въ груди раною, полученною имъ во время сраженія подъ Бауциномъ, былъ снова раненъ: ядромъ оторвало у него руку. Онъ поручилъ начальство по себѣ храброму Генералъ-Лейтенанту Ермолову. Ужè побѣда, не взирая на превосходство силъ непріятельскихъ, склоняла вѣсы свои на нашу сторону, ужè гордый врагъ начиналъ ужасаться пролитой крови своей, какъ вдругъ подоспѣли еще наши армейскія войска и часть Прусаковъ: тогда непріятель разбитъ былъ совершенно: десять тысячъ войскъ его положено на мѣ-

стѣ, пять тысячъ съ главноначальствующимъ Генераломъ Вандамомъ и многими другими начальниками взяты въ плѣнъ; всѣ 80 орудій, 2 орла, 2 знамя, 200 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ, достались въ руки побѣдителямъ. Знаменитая побѣда сія, къ вѣчной славѣ участвовавшихъ въ ней сподвижниковъ, останется навсегда достопамятною въ бытописаніяхъ воинскихъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россійскій воинъ съ великимъ напряженіемъ силъ, каковое долженъ былъ имѣть при одержаніи побѣды надъ толь превосходнѣйшимъ противъ себя непріятелемъ, вырываетъ мечъ у поверженнаго имъ врага, мечтавшаго войти въ Прагу съ побѣдоносными войсками, но посланнаго чрезъ нее плѣннымъ въ Москву.

No 15. БИТВА ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ СЪ НАДПИСЬЮ: *се рѣшена участь Европы и свобода царствъ.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Послѣ трехъ одержанныхъ союзными войсками въ разныхъ странахъ и въ краткое время знаменитыхъ побѣдъ, Наполеонъ оставляетъ Дрезденъ и соединяетъ всѣ свои силы подъ стѣнами Лейпцига. Союзные Монархи, всегда сами при войскахъ своихъ присутствовавшіе, повелѣваютъ разнымъ частямъ оныхъ отъ разныхъ странъ притечь и окружить непріятеля. Малая окрестность Лейпцигскихъ полей обременяется огромною тягостію разнонародныхъ войскъ, простиравшихся съ обѣихъ сторонъ до полу-миліона пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Брань возгарается. Тысячи мѣдныхъ жерлъ ревутъ и рыгаютъ пламень, земля стонетъ и небо тьмится. Три дни, начиная отъ 4 Августа, густой градъ ядеръ и пуль не престаетъ сыпаться и носитъ смерть. Мечи и штыки обагряются кровію. Наконецъ по долгомъ и упорномъ сраженіи Французскія силы ослабѣваютъ, приходятъ въ изнеможеніе и разсыпаются. Великое число знаменъ, орудій, полководцевъ, начальниковъ, воиновъ ихъ, предаются въ руки побѣдителямъ. Остальные бѣгутъ,

ищутъ укрыться въ стѣнахъ града; но АЛЕКСАНДРЪ съ побѣдоносным воинствомъ своимъ вытѣсняетъ ихъ оттуда. Король Саксонскій, ставъ военноплѣннымъ, прибѣгаетъ подъ Его покровъ. Наполеонъ съ разбитымъ остаткомъ войскъ своихъ, ища спасенія въ быстротѣ бѣгства, спѣшитъ къ Франкфурту, гдѣ при Ганау встрѣченный и пораженный еще Баварскими войсками, обезсиленный, изнуренный, потерявъ всю свою прежнюю гордость и власть, вноситъ со вступленіемъ своимъ во Францію уничиженіе и стыдъ. Въ тогдашнихъ о семъ славномъ и знаменитомъ сраженіи извѣстіяхъ сказано: „тако рѣшилась важ-„ная, воцаряющая правду, всѣ племена и на-„роды воскрешающая битва! плоды ея не-„исчетны, слѣдствія спасительны для ны-„нѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣ-„чества. Очарованіе разрушено, гордость „низринута, слѣпота умовъ и страхъ сер-„децъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. „Непріятель съ малыми остатками изну-„ренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы „своего царства. Мы на берегу Рейна и „Европа освобождена.“ Сей, послѣ великихъ подвиговъ и ободрившаго всѣхъ примѣра, былъ не тщеславный, но правдивый гласъ Росса!

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Всѣ непріятельскія силы низложены, истреблены, пали подъ свинцовою палицею мужественной руки. Поле сраженія покрыто грудами тѣлъ. Россіянинъ стоитъ твердо, возвышаясь какъ кедръ посреди низверженныхъ бурею вокругъ его древесъ. Въ одной рукѣ держитъ онъ опущенный послѣ побѣды мечъ, въ другой сидящаго на щитѣ двуглаваго Россійскаго орла, въ знакъ избавленія и покрова народамъ, по его подвигу и мановенію возникшимъ, и при его помощи устремившимся, да свергнутъ съ себя иго, подъ коимъ угнѣтаемы были преобладающею надъ ними силою и властію.

№ 14. ОСВОБОЖДЕНІЕ АМСТЕРДАМА СЪ НАДПИСЬЮ: *подъ щитомъ моимъ успокойся.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Голландія, общимъ жребіемъ постигнушая, страдала подъ игомъ притѣснителя царствъ. Законные обладатели ея принуждены были изъ ней удалиться. Поборающія по ней морскія воды не могли разлитіемъ своимъ защитить ее отъ нашествія иноплеменныхъ. Чуждая власть простерла надъ нею желѣзную руку владычества. Мужественный Россіянинъ, по низложеніи дерзнувшаго вступить въ царство его сильнаго и надъ всѣми гордую главу свою возносившаго врага, шествуетъ, побѣдоносный, въ чуждыя земли, не для покоренія, но для освобожденія ихъ; онъ, утѣшая присутствіемъ своимъ народы, является и предъ стѣнами Амстердама, гдѣ нѣкогда Великій ПЕТРЪ въ видѣ простаго плотника учился строить корабли. Храбрые Голландцы, примѣромъ пришекшаго къ нимъ великодушнаго Росса возбужденные, и силою его вспомоществуемые, возстаютъ, соединяются съ нимъ, изгоняютъ отъ себя враговъ своихъ, и призвавъ изъ Англіи пребывавшаго тамъ законнаго Обладателя своего, освобождаются отъ чуждой угнѣтавшей ихъ власти.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Вооруженный мечемъ Рускій воинъ, единою рукою поражая поверженнаго къ ногамъ своимъ врага, другою, держащею щитъ, дружественно покрываетъ подносящую ему ключи отъ града Голландскую въ видѣ жены столицу, и утѣшая вѣщаетъ ей: *подъ щитомъ моимъ успокойся.*

№ 15. ПЕРЕХОДЪ ЗА РЕЙНЪ СЪ НАДПИСЬЮ: *иду, несу мечь мой, да сокрушу духъ брани и водворю миръ въ людяхъ.*

Безпримѣрное въ войнѣ сей великодушіе Россійскаго Монарха, и соотвѣтствующее тому поведеніе войокъ его, по истиннѣ достойно прославляются. Прекратить вражду между народами, возвратить каждому свое, водворить въ Европѣ тишину и спокойствіе, были единственнымъ его желаніемъ. Безкорыстный и токмо на благѣ человѣчества основанный союзъ его съ другими государствами былъ твердъ и крѣпокъ общею къ нему довѣренностію. И могла ли оная не быть? Державы, хотя и принужденно противъ Россіи воевавшія, но не меньше того наносившія ей зло, вдругъ, никогда не чая, увидѣли вступающія въ предѣлы ихъ побѣдоносныя войска ея не токмо не раздраженныя гнѣвомъ и местію, но великодушно, кротко и чистосердечно предлагающія имъ руку помощи. Тѣ устремлялись проливать кровь ихъ и разорять селенія и грады, а сіи, обуздавъ ихъ стремленіе, пришли проливать кровь свою за нихъ и защищать ихъ имущество и свободу. Тожъ самое было и при вступленіи во Францію. Казалось воинство наше въ одной рукѣ

несло мечь, а въ другой мирныя оливы: мечь для спертія гордыни беззаконнаго правительства, наносившаго столько же зла самой Франціи, сколько и другимъ державамъ; оливы для Французскаго народа, такъ что можно было по всей справедливости сказать: Россійскія войска идутъ во Францію не для нанесенія ей вреда, или отмщенія за себя, но для избавленія благомыслящей части народа ихъ отъ неблагомыслящей; идутъ, жертвуя собою, воздать добромъ за зло. Толь съ одной стороны злонамѣренной и лютой, а съ другой великодушной и кроткой войнѣ, едва ли въ бытописаніяхъ міра найдутся нѣкоторыя подобія. Переходъ союзныхъ войскъ за Рейнъ происходилъ въ Базелѣ, въ присутствіи трехъ Монарховъ, Генваря 1го числа 1814 года, день, въ который, ровно годъ тому назадъ, побѣдоносныя войска наши, выступая за предѣлы Россіи, перешли въ Меричахъ чрезъ Нѣменъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россійскій воинъ съ подъятымъ къ небу мечемъ, призывая въ помощь Бога, взирающаго на чистоту намѣреній, переступаетъ твердою ногою съ одного берега Рейна на другой. Рѣка сія изображена текущею изъ урны, обвитой лозою винограда, въ знакъ главнѣйшаго произрастенія на берегахъ оной.

№ 16. СРАЖЕНІЕ ПРИ БРІЕНѢ СЪ НАДПИСЬЮ:
поражая спасаю тебя.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

По вступленіи союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, Наполеонъ съ собранными имъ вновь войсками является подъ Бріеною. Городъ, въ которомъ онъ воспитывался и провелъ первые дни своей юности, щедротою Короля Францускаго помѣщенный въ бывшее тамъ училище. Здѣсь по долгомъ и кровопролитномъ сраженіи съ Россійскими и Прускими войсками наконецъ принужденъ онъ былъ отступить, и дабы бѣгство свое на время прикрыть, велѣлъ городъ сей, гнѣздо и колыбель молодости своей, предать огню и разрушенію.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Поверженный къ ногамъ Рускаго воина непріятель закрываетъ себя щитомъ отъ наносимыхъ ему ударовъ. На щитѣ его въ видѣ женщины изображенъ городъ Бріена или самая Франція, воспитывающая дракона. Побѣдоносный воинъ прободаетъ копіемъ своимъ сего угнѣздившагося въ ней змія, да разрушеніемъ силы и власти его освободитъ отъ него Францію.

№ 17. БОЙ ПРИ АРСИСЪ-СЮРЪ-ОБѢ СЪ НАДПИСЬЮ: *Погибни вражда и зломысліе.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Уже солнце Наполеонова щастія было на закатѣ и день славы его примѣтно вечерѣлъ. Однакожъ послѣ разбитія войскъ его подъ Бріеною, онъ снова собрался съ силами, и движимый больше отчаяніемъ, нежели храбростію, метался повсюду и нападалъ на союзныя войска. Нѣкоторые одержанные имъ частные и маловажные успѣхи тотъчасъ возраждали въ немъ прежнюю гордость, и онъ забывая настоящее состояніе свое, мнилъ еще быть повелителемъ свѣта. Осьмое число Марта прибылъ онъ съ важными силами къ городу Арсису на рѣкѣ Обѣ, и на другой день произошло между имъ и союзными войсками кровопролитное сраженіе. Онъ снова былъ разбитъ и прогнанъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Рускій воинъ въ образѣ Геркулеса, не видя конца враждѣ и зломыслію многоглавой безпрестанно возраждающейся въ силахъ своихъ гидры, отброся въ нетерпѣніи мечь свой и копіе, беретъ палицу, и мощными руками поражаетъ всеобщаго врага, тщетно силящагося возстать и безполезно подставляющаго подъ удары его хрупкій свой щитъ.

No 18. СРАЖЕНІЕ ПРИ ФЕРЪ-ШАМПЕНУАЗѢ СЪ НАДПИСЬЮ:

да лягутъ буйство и гордость подъ копытами коня моего.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Наполеонъ, глава и предводитель силъ, низложенныхъ ужѐ и сокрушенныхъ, но силящихся еще возстать, покушается снова испытать щастія своего на полѣ брани. Тяжко ему разставаться съ надменностію и владычествомъ. Онъ мнитъ кровію войскъ своихъ искупить себя изъ угрожающей ему напасти. Въ сихъ мечтаніяхъ, больше предпріимчивъ и дерзокъ, нежели великъ и грозенъ, является со всѣми остальными полками своими на поляхъ Шампенуазскихъ. Хочетъ остановить приближающееся къ столицѣ союзное воинство, хочетъ удержать еще исполинскій свой видъ и отвратить висящую надъ главою его бурю; но гордости положенъ предѣлъ, до котораго возвысясь, упадаетъ она въ ничтожество. Здѣсь послѣ сильнаго и рѣшительнаго сраженія, въ которомъ наиболѣе содѣйствовала храбрая Россійская конница, утекаетъ онъ, отчаянный и лишенный всякія надежды, съ малою частію окружающей его дружины. Прочія войска его побиты, потоптаны, развѣяны

какъ прахъ. Побѣда сія открыла союзнымъ войскамъ путь къ Парижу.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россійскій воинъ на конѣ топчетъ и попираетъ поверженнаго врага. Съ презрительною на лицѣ улыбкою пронзаетъ онъ громоносным копіемъ своимъ щитъ и грудь падшей, но еще скрежещущей на него злобы. Валяющіеся въ прахѣ шлемы, щиты и трупы, являютъ великость дѣлъ его и подвиговъ.

№ 19. ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА СЪ НАДПИСЬЮ: *пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Марта 18-го числа союзныя войска приближаются къ Парижу. Противъ нихъ подъ предводительствомъ Мармонта и Мортье выходятъ не малыя силы. Брань возгарается подъ самыми стѣнами столицы. Окрестныя высоты Монмартра и Бельвиля, защищаемыя съ упорностію, уступаются наконецъ силѣ и храбрости. Вершины и подошвы ихъ устилаются безчисленными трупами пораженныхъ и разсѣянныхъ непріятелей. Россійскія орудія востекаютъ на крутизны ихъ, и уставя страшныя жерла свои прямо на средину града готовы посыпать на него тысячи разрушающихъ перуновъ и смертей. Страхъ и смятеніе возникли въ обиталищѣ роскоши и гордости. На другой день, то есть 19 числа, день вѣчнопамятный для славы Россіи, смирившаяся и устрашенная столица присылаетъ посольство съ ключами и прозьбою о пощадѣ града и жителей. АЛЕКСАНДРЪ Первый съ побѣдоносным воинствомъ своимъ вступаетъ въ оный, проѣзжаетъ въ устройствѣ и порядкѣ по великолѣпнымъ его стогнамъ, сопровождаемый несмѣтнымъ множествомъ

текущихъ за нимъ зрителей, кроткими его взорами ободренныхъ и веселящихся. Вскорѣ вмѣсто плача и рыданія повсюду раздаются радостные вопли и восклицанія. Наполеонъ Бонапарте низвергается съ престола. Народъ провозглашаетъ на оный законнаго Короля своего Людовика XVIII. Россійскіе священнослужители посредѣ града при великомъ стеченіи почти всѣхъ Европейскихъ Царей, Князей, Вельможъ, войскъ и народовъ, совершаютъ, по обрядамъ Грекороссійской церкви благодарственное молебствіе дарователю побѣдъ, всемогущему Богу. Умолкаетъ война. Миръ на сушѣ и водахъ. Великодушіе, забывая оскорбленія свои, даруетъ смирившейся враждѣ пощаду и благоденствіе.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россіянинъ съ копіемъ въ рукѣ подноситъ падшей на колѣни предъ нимъ Французской столицѣ масличную вѣтвь. Усѣянное вкругъ нея мертвыми тѣлами и сокрушенными оружіями поле являетъ бывшее предъ тѣмъ жестокое сраженіе. Вмѣстѣ же сіи пожатые имъ лавры съ оливою показываютъ, что колико гнѣвъ его страшенъ въ брани, толико духъ его кротокъ въ побѣдѣ.

Конецъ десятой части.